

ЕВА КОФЕЙ
ЕЛЕНА ЭЛАРИ

СКАЗОЧНЫЙ
ПОПАДОС

ХОЗЯЙКА
БСБОВОГО СТЕБЛЯ

Попала в сказку "Джек и бобовый стебель"! Только главный герой здесь не мальчишка Джек, а девица на выданье — Джилл. Чтобы вернуться домой, нужно не испортить историю. А, значит — продать корову за бобы, украсть сокровища и победить великана. А что если я ещё и помогу местной матери наладить её непутёвый быт? Ну и так по мелочи: расколдую обаятельного разбойника, отошью мускулистого жениха, помогу с расследованием красавчику-детективу и... влюблюсь в так называемого великана? Нет, это точно испортит сказку!

Хозяйка бобового стебля
Ева Кофей, Елена Элари

Глава 1. Попаданка в постель бандита

Холодная волна прокатывается по телу и вырывает Женю из странного сна, отголоски которого ещё витают в мыслях, но никак не хотят собираться в цельную картину.

В комнате полумрак, снизу раздаются какие-то голоса, в зашторенное окно впервые за долгое время не бьёт холодный свет фонаря.

— Странно, — срывается с губ, — когда я успела заснуть?

Она помнит, как согласилась подменить одногруппника в какой-то детской постановке. Роль была маленькая, от неё не требовалось ничего особенного, а он пообещал неплохую сумму. Такой ответственный, не хотел подвести других актёров...

Женя хмыкает с иронией, вспоминая осовремененный спектакль со смешением разных сказок. Это был настоящий мрак! Дети бесновались, сценарий был пошлым и бездарным, а после их ещё и напугал кто-то в костюме Деда Мороза...

— Ой... — голова раскалывается.

С чего бы это?

И как она добралась до дома?

В комнате пахнет чем-то забродившим, а ещё потом, плесенью и дымом.

— Какого чёрта? — она ощупывает будто шёлковую простыню и чувствует укол страха.

Дурость, конечно, но на мгновение ей кажется, что она вовсе не у себя дома.

В этот момент дверь открывается, впуская в комнату шум голосов и чей-то гогот, и Женю окидывает придирчивым взглядом высокий, встрёпанный мужчина. На незнакомце какие-то засаленные штаны, нечто похожее на короткую и потёртую расстегнутую кожанку, надетую на голое тело, и золотая цепь на шее. Он щурит чёрные, жгучие глаза и криво ухмыляется.

— Ну, что, — всё происходит слишком быстро и он оказывается рядом с ней на кровати, — уже соскучилась?

Рука его, загорелая и обветренная, ложится Жене на талию так, чтобы в случае чего не дать ей отпрянуть. А лицо мужчины, с колючей тёмной щетиной, становится всё ближе.

— Иди ко мне, — выдыхает он, собираясь её поцеловать.

Она всегда думала про себя, что застопорится в любой непонятной ситуации. Задрёт от страха и не сможет вымолвить и слова, но...

На деле всё оказывается иначе.

Женя вцепляется в лицо мужчине, словно разъярённая кошка, и ничего не слышит, кроме собственного истошного крика.

Кричать начинает и он, только в крике его не страх, как у неё, а злость пополам с удивлением.

При этом наглец не отстраняется, а наваливается на неё, оказываясь сверху, вжимая Женю в пыльную, красную постель.

— Это, — прервав свой вой, пыгается заломить он ей руки, — игра какая-то? Или... Ты чего? Чего ты? — глаза его становятся ещё более растерянными, чем мгновением ранее. — Мы ж договорились, вроде, малая.

На этот раз она зажмуривается, чтобы дать себе хотя бы несколько секунд на подумать.

Ей кажется, что вид мужчины в каком-то грязном псевдо-средневековом костюме окончательно сведёт её с ума, если их общение продолжится.

Нет, она точно не дома, после того, как открылась дверь, это стало очевидным.

Учитывая, что последнее, что всплывает в памяти — дурацкий сказочный переполох в ТюЗе, логично будет предположить, что этот мужчина — один из актёров. Которого Женя, впрочем, не помнит.

Неужели они что-то пили в гримёрке, и всё закончилось номером в стилизованном под постоянный двор отеле?

Это на неё непохоже. Она и не ушла-то сразу домой только потому, что ждала знакомого, который обещал подвезти.

Да и были там в основном женщины в костюмах разных персонажей — Снежная Королева, Питер Пен и даже Урсула. А сама она была Джеком. Не из «Пиратов Карибского моря», к сожалению. Нет, на ней был костюм мальчишки из сказки про великана и бобовый стебель.

Костюм ей — невысокой девятнадцатилетней девушке с каре каштановых волос — очень даже подходил.

Но...

Женя распахивает глаза и издаёт сдавленный стон.

Сейчас на ней какая-то ночнушка из грубой ткани, которая не была ни частью её гардероба, ни частью представления.

— Что тут происходит? — наконец, выпаливает она, глядя в чёрные глаза мужчины. — Где я? Ты опоил меня? У тебя будут большие проблемы! Ты хоть знаешь, кто мой отец?

Никто. Абсолютно никто. Пустое место, которого решили родительских прав на пару с мамой. Но подвыпившему, сильному и пугающему мужчине об этом знать необязательно.

Однако он отвечает без замедления, словно прочитав её мысли:

— Никто, — и выглядит при этом настолько сбитым с толку, что могло бы стать смешно.

Если бы он всё ещё не прижимал её к кровати. — Не опоил... — продолжает так же недоумённо и склоняет набок голову, от чего в ухе у него покачивается золотая серьга.

И вдруг соскальзывает с кровати, наконец-то выпуская Женю из рук.

— Ладно, понял, хочешь, чтобы я джентльменом побыл? Сейчас принесу выпить. Я намёки, знаешь ли, понимаю, не дурак. Жди.

— Намёки? — кричит она ему вслед. — Какие ещё намёки?

И уже тише:

— Дубина...

Женя вскакивает и распахивает тяжёлые шторы, но за мутным стеклом темно, хоть глаз выколи. Хотя ей и кажется, что рядом проезжает... повозка, запряженная лошадьми?

Она вообще-то ни в каком-то туристическом городе живёт, чтобы это казалось чем-то нормальным.

И не в селе.

— Чёртова лошадь — последнее, что должно тебя сейчас волновать... — Женя цокает и оглядывает грязную, тесную комнату.

На полу валяется рваное платье, тоже какое-то не современное и даже не винтажное. Единственное, что ей приходит в голову, это то, что она с другими актёрами каким-то образом всё же решила расслабиться после жуткого дня... и в ходе этого сменила костюм, месторасположение и, по всей видимости, характер.

— Стрёмно, — выдыхает Женя.

В голову приходит, что одноклассник Вова обязательно об этом узнает и не даст ей проходу.

Вот ведь история!

Незнакомец возвращается быстро, судя по всему не заморачиваясь и просто забрав у кого-то две кружки с недопитой брагой. Потому что Женя не успевает до конца переодеться.

А если быть точнее, он застаёт её уже без ночной рубахи, прикрывающуюся платьем, с возмущением глядя на него и едва не шипя от нахлынувших эмоций.

Но отступить он даже не думает! Как и отводить от неё взгляд.

— Ведьмочка, — звучит ласково его голос, — и как только тебя на костре то не сожгли с такими изумрудными, лисьими глазами? Красавица моя, — крадёт он к ней и протягивает одну из кружек. — Зачем одеваешься, малышка? Я думал... — на этом он начинает хмуриться. — Ты ведь сама о помощи просила, о жизни своей рассказала, от матери дурной сбежала. Не без моей помощи, помнишь? А теперь, что, кинуть меня решила? А я думал... подружиться.

От его манеры речи Женю начинает подташнивать.

Она, дрожа, накидывает на себя дурно пахнущее платье и оправляет его рваными движениями.

Мда, семейка у неё, конечно, не сахар. И обида на родителей есть. Но чтобы она кому-то на это жаловалась?

— Нет, сильно сомневаюсь... — тянет Женя, отставляя пиво в сторону. — Ты меня с кем-то перепутал. Может, номером ошибся? Не видел здесь женщин в костюмах?

— Джилл, — изгибает он чёрную, будто углём нарисованную бровь, — ну ты чего в самом деле? И нет, никаких женщин тут сегодня. Кроме тебя...

В этот момент, как на зло, словно для того, чтобы усилить впечатление от некоего контекста прозвучавшего в его словах, в комнату вваливаются три пьяных, хохочущих мужика. И все как на подбор, грязные, в лохмотьях, в клубах сигарного дыма.

Глава 2. Джек и Джилл

Мужчины выглядят устрашающе. Женя сглатывает подступивший к горлу ком и лихорадочно обдумывает, что делать дальше.

Она никогда не думала, что может оказаться в такой ситуации.

— А ну, пошли вон! — гаркает вдруг на них незнакомец так, что вздрагивают все. — Не видите, у меня тут дело с ней?

Но парни не видят. Определённо не видят. Потому что начинают тупо озираться и ухмыляться, обнажая чёрные зубы.

— Что-то как-то не заметно, — рискует ответить один. — И не слышно. Вот и заглянули. Подумали, вам тут скучно одним, видимо.

— Что ты несёшь? — хохочет второй. — Так говоришь, будто к ним присоединиться думал!

— Дубина, — поддакивает ему третий, самый низкий и младший.

Хотя об их возрасте судить сложно, мешает, мягко говоря, неряшливый вид и щетина куда более длинная, чем у того, с серьгой в ухе, что Женю уговаривал.

Он, больше не глядя на неё, вздыхает устало и трёт шею, прежде чем подойти к ним и одним ловким движением руки вытолкнуть всех троих за тяжёлую дверь.

Раздаётся грохот, возмущённые возгласы, сдавленное и обиженное: «Джек!», и клацанье замка.

Джек, заперев дверь, разворачивается к постели, крутя в цепких пальцах ключ на шнурке, и возвращает внимание Джилл. То есть, ей, Жене.

— На чём мы остановились, напомни-ка мне? А то я, понимаешь ли, разговаривать вообще не настроен был, могу и забыть чего.

Она холодными от ужаса пальцами трёт виски и вновь жмурится.

Почему-то больше всего из колеи выбивает не обстановка и ситуация, а имена. Явно англоязычные.

Это какой-то дурацкий пранк?

Шутка одногруппника?

— «Идут на горку Джек и Джилл, несут в руках ведерки. Свалился Джек и лоб разбил, а Джилл слетела с горки...» — вспоминает она детский стишок в переводе Маршака. — Думаешь, это смешно?

На глазах против воли выступают слёзы.

А он, похоже, действительно оценил.

— Забавно, — смеётся, присаживаясь на краю кровати. — У тебя талант, молодец! Могла бы зарабатывать, выступая, с таким-то умением. Давай ещё! Да сюда иди, — призывно и звонко хлопает он себя по колену.

— Нет, — пальцы сжимаются в кулачки, — пока ты не объяснишь, что здесь происходит!

Этот дурень просто превосходный актёр, стоит признать!

И всё вокруг такое убедительное, аж до мигрени.

— Что именно тебя так разозлило, а? — вновь выгибает он бровь. — Ты ведь сама хотела, чтобы я помог тебе из дома сбежать. Я сказал, будешь со мной за это. Ты

согласилась, ведь тебе пока и выгоднее это. Безопасно со мной, я и от чужих защищу, и своим парням тронуть тебя не дам. И проведу... куда ты там идёшь. А что я вижу в итоге? Вот это! — обводит он рукой её силуэт, и выглядит таким возмущённым, будто вот-вот и сам вскочит на ноги и скроется за дверью, громко ею хлопнув.

Но вместо этого Джек вспоминает об оставленной на пол кружке и допивает брагу, отчего-то зажмурившись. Каждый глоток его при этом отчётливо слышен.

Смекнув, что лучшего момента не будет, и этот цирк пора прекращать, Женя хватается за ключ, что он положил рядом с собой на покрывале, срывается с места и бежит к двери.

А Джек, не сразу сообразив, что произошло, какое-то время просто наблюдает за ней.

Она отмыкает замок и убегает, на диком адреналине умудряясь огибать толпы не самого благонадежного вида мужчин.

Как же ей повезло, что никто не преградил путь и не вцепился в волосы или платье.

Женя выбегает на тёмную улицу и едва не падает, запнувшись не об камень, а об осознание простого факта — ночь стоит чёрная, душная, летняя.

Ещё несколько часов назад, казалось бы, была зима.

— Боже...

Её что, похитили и каким-то образом увезли на юг?

Произошла какая-то жуткая аномалия?

Или...

Ей мгновенно становится легче, когда приходит осознание:

— Это сон. Ну, конечно, это сон. Мне теперь только... нужно как-то проснуться.

И в этот момент Джек с силой хватается за плечи и прикладывает об ближайшее дерево.

Глаза у него сверкают в темноте яростно, отражая свет факелов, что висят над дверью таверны. Губы подрагивают. Лицо искажается.

— А теперь я не буду вежлив, девочка, — рычит он. — Обмана я не прощаю, так и знай.

Глава 3. Побег от чернобурка

— Да как же ты... — Женя заикается от страха и злости, — меня достал. Видеть тебя не хочу!

Что-то происходит.

С этими словами на миг между ними вспыхивает золотой свет. Её словно током прошибает, а мужчина... исчезает?

Словно сбылось её неосторожное пожелание.

На этом Женя вспоминает и ещё кое-что. Она где-то видела подобное. То, что можно назвать магией.

Точно!

Гримёрка. Последний кусочек пазла встал на место. Мужчина в костюме Деда Мороза не просто напугал их. Он сказал, что каждую актрису отправит в настоящую сказку. И заморозит, если она умудрится испортить и её.

Стукнул посохом, и...

От этих мыслей её отвлекает вой Джека где-то у неё под ногами.

Не исчез, а просто свалился, будучи пьяным?

Но Женя видит в темноте шевеление, сопровождаемое чертыханием и сдерживаемым криком. Голос Джека, почему-то, слегка меняется, становится не таким внятным и грубым, пусть и оставаясь узнаваемым.

А дальше происходит... нечто. Чёрная, в неверном свете будто бы даже плешивая лиса упирается в Женю лапами в попытках дотянуться до её лица. Чтобы укоризненно, со страхом взглянуть ей в глаза. Разомкнуть свою пасть, и голосом Джека закричать что есть мочи:

— Расколдуй меня, сейчас же! Сразу бы сказала, что ведьма! Пальцем бы не тронул. Сейчас же верни всё, как было! — и уже тише, шипяще, вперемешку со звонким мерзким тяфканьем: — Иначе лицо тебе обглодаю, девка!

Она, уже усвоив свои паттерны поведения, закрывает рот ладонью, чтобы криком не привлечь к себе ненужное внимание. А затем, собрав в кулак всю волю и силы, даёт дёру, подальше от этого кошмара, изо всех сил пытаясь проснуться.

— Стой! — звучит позади вместе с быстрыми звериными шагами и шелестом листвы. — А ну стой, кому тебе говорят! Тьфу ты, — чихает он и тьякает. — Тьфу. Кто тебе говорит?! То есть, кому говорят, стой! Убью! Если не остановишься и не расколдуешь... Меня ж мои же парни пришибут. Стой!

Она ускоряется, но долго в таком темпе бежать не может. Поэтому заворачивает за угол и по каменной стене сползает вниз, надеясь, что чёрная тяфкающая тварь её не заметит.

Но лиса, точнее, лис, тут же оказывается напротив неё и вцепляется в подол платья.

— Не пущу, — шипит, приподнимая верхнюю губу и не размыкая клыков. — Раскабуй меня... По... позалуса.

Женя, не выдержав напряжения, громко смеётся.

— Чёрт, — шепчет она, — ты мне сбил страшный момент, я теперь не проснусь!

— Не надо спасать, — шумно сглатывает он, чтобы ко всему прочему не пускать на неё слюни. — Не хочу так долго ждась. Вери, как быё! Вернёх? — и смотрит на неё с надеждой, уже и забыв про злость.

— Ты не понимаешь, — отвечает Женья спокойно, почему-то больше не опасаясь заколдованного Джека, чувствуя себя по меньшей мере Алисой в Стране Чудес. — Всё это ненастоящее. Ты просто мне снишься. Как и тот дурацкий спектакль, наверняка. Такой сценарий только в кошмаре может быть! Я уже молчу про Деда Мороза...

У лиса будто лезут наверх брови. Весь его и без того потрёпанный и диковатый вид теперь выражает возмущение и недоумение.

— Не заю, кто этот Деть, но кой сон это, думаешь, уцепи себя! Я же не спю. А если даже сон, думаешь, всё равно верни! — ему надоедает с трудом говорить и он в буквальном смысле выплёвывает её платье. Садится напротив и как-то флегматично и твёрдо произносит: — Не беги только, ладно?

— А ты, — усмехается Женья, — таким пусечкой казался. Мне так даже больше нравится. Чернобурк.

— Мне нет... За что ты так со мной, Джилл? Не сделал ведь тебе дурного. Нехорошо так с людьми... — отворачивается он, будто обижено.

Она и вправду принимается щипать себя за руки, но это не даёт никакого эффекта.

Всё кажется слишком реальным. Хоть и нелогичным.

— Меня зовут Женья, — шепчет она. — Женья Захарова.

— Чудно звучит, — трёт он лапой морду, будто надеясь, что этим сможет смахнуть с себя нежеланное обличье. — Но это ведь не так. Я знаю, что не так. Зачем врёшь?

— Если это действительно правда, то... какого чёрта вообще? — принимается она рассуждать. — Получается, есть другие миры, но при этом они очень похожи на наш мир. И сказки пересекаются. Или становятся реальностью... В такое трудно поверить. Я, — она стискивает зубы от внезапно накотившей тоски, — домой хочу.

— А я хочу своё тело! — рявкает он. — Не знаю, о чём ты, но давай так? — шурится. — Ты расколдовываешь меня, а я тебе помогаю? Всё ещё помогаю, несмотря на это, как там говорят? Недоразумение!

— Да! — едва ли не вскрикивает она. — Слушай, можешь это... Укусить?

И он без лишних слов кусает её за ногу. Ощутимо так. Оставляя на лодыжке алеющие следы от клыков.

— Всё? Теперь можно? — отступает от неё на шаг. А затем, на всякий случай, цапает снова.

Женья вскрикивает от дикой боли и хватается за место укуса. Это приводит её в чувства.

— Н-нет, не надо больше... Я бы уже давно проснулась.

Она сама не понимает, почему не заливается слезами и не бьётся в конвульсиях. Почему до сих пор не сошла с ума. Это ведь не до метро дойти — попасть в другой мир!

Впрочем...

— Он сделал это со всеми девушками? — спрашивает у лиса так, будто он здесь в роли чеширского кота. — Но это ведь... не может быть навсегда? Чёрт, я же там случайно оказалась! И вообще никакого отношения ни к сценарию, ни к театру не имею! Ладно... — смысла злиться в этом направлении и дальше нет, хотя очень хочется. — Дед Мороз говорил что-то про сказки. Что их нельзя испортить. И если всё пройдёт как надо... он ведь вернёт меня назад?

— Да, — кивает Джек. — Вернёт, конечно! Если меня расколдуешь. А иначе ничего у тебя не выйдет, — добавляет он так уверенно, как только может.

— А ты какое отношение имеешь к сказке? Ты вроде Джек... Но Джеком должна быть

я!

— Каким... — он запинаяется и зачем-то отбегает от неё в сторону. И продолжает уже из темноты: — Ты должна быть мной? Джил, что ты несёшь?! Зачем? Это для этого мой облик забрала, чтобы теперь на себя примерить?

— Что?

Она в страхе ощупывает себя. Вроде всё такое же, как обычно. Она ведь в своём теле, верно?

— А как я выгляжу?

— Ну, красавица, — спешит он заверить её в этом, задобрить. И ждёт реакции.

Она поджимает губы. Да, говорить с ним бесполезно.

— А что в той сказке-то было? — пытается вспомнить. — Корова. Есть тут у кого корова, которая уже молоко не даёт?

Лис кивает, снова подступая к ней.

— У тебя была корова, не любила ты её. С матерью ругалась на этой почве. Я уже немного подзабыл, в чём там у вас дело было, уж прости... Что, всё-таки корова тебе нужна? Возвращаемся за коровой, и ты меня расколдуешь? Слушай, детка, я не привык так о чём-то просить. Скажи сразу, что делать! По рукам? — и протягивает ей лапу.

— Я не знаю, как это с тобой произошло! — выпаливает Женя и тут же жалеет об этом. — Впрочем, да, по рукам. Точнее, — она с усмешкой поднимается и собирается выйти из переулка, — по лапам. Куда идти то?

Он будто бы недоверчиво чмыхает, собирается ответить, но вместо этого шмыгает под ближайший куст.

Воцаряется секундная тишина, разбавляемая лишь отдалёнными возгласами людей из таверны, а затем раздаётся лошадиное ржание и шаги.

— Джил, — выезжает к ней верхом на лошади высоченный, мускулистый мужчина, — наконец-то я нашёл тебя! Мы так беспокоились о тебе, — он протягивает ей руку, но не дожидается её реакции, а хватает Женю и сажает перед собой.

Лысый, грубый, с маленькими светлыми глазками.

Наверняка мечта всех местных девиц.

Глава 4. Семеро

Женя бы очень хотела спросить, что это за мужчина, но судя по тому, что здесь какое-то условное средневековье, лучше не выдавать себя.

С Джеком ещё ладно, едва ли кто-то послушает говорящую лисицу.

— Как, — муторно пытается она подобрать правильный вопрос, — ты меня увидел в этом мраке?

— Так я ж тебя искал всюду, — отзывается он. — Твоя мать с ума там сходит. Всех на уши поставила. С пеной у рта соседям вашим доказывала, что ты не непутёвая дочь, а беда с тобой случилась. Мне говорила, мол, семья у вас добрая. А ты видно к разбойникам каким попала или слегла где. Но она заверила, что это не потому, что ты больна, а просто трудолюбивая, вот и с ног валишься. Но ничего, — слышно по голосу, как он улыбается, — теперь всё иначе будет. У нас с твоей матерью для тебя хорошая новость есть. Короче, — хмурится, пытаясь вспомнить, с чего вообще начался разговор, — я тебя и искал здесь. У трактира. Тут и разбойники бывают, и приют ты найти могла, коль правда заболела. А то лес все деревенские прочесали, ни следа не нашли. Кто ж знал, что ты так далеко забредёшь! Но я, видишь, догадался. И ничего я не вижу, — добавляет он спустя паузу, в которой, судя по всему, ожидал от неё похвалы, — просто голос твой узнал.

С каждым его словом Жене становится всё хуже, она крепко стискивает ткань платья и глубоко дышит.

— А что за... новость?

Какое-то время он напряжённо молчит, о чём-то раздумывая. Но наконец начинает говорить. Медленно, как-то тяжело у него это идёт, но мужчина старается:

— Мы виделись лишь раз, и всё же... Не шла ты у меня из головы. А твоя мать... Мне даже просить не пришлось. Она мне тебя пообещала, если я найду, спасти да вернуть тебя домой сумею. Ты можешь теперь быть спокойна обо всём и радоваться.

С её губ срывается смешок, а затем ещё один и ещё. Вот же чёрт! Это, наверно, нервное.

Не успела оказаться в другом мире — уже замуж зовут.

Хотя, не похоже, что её спрашивают.

И как бы к этому отнеслась настоящая Джилл? И самое любопытное — где она сейчас.

И раз все так благополучно её узнают, это значит, что...

Женя в чужом теле?

Впрочем, ещё можно надеяться, что оба мужчины просто слишком мало её знали, а они просто похожи.

Но мать-то точно должна признать родную дочь...

И что будет, если не узнает?

Женю сожгут на костре?

От количества и качества мыслей становится дурно. Она вспоминает о словах своего «жениха» и осторожно произносит:

— Значит, ты думаешь, что я должна радоваться?

— Конечно! — с пылкостью заверяет он, и за талию притягивает к себе ближе, как бы обнимая. — Это ведь я! Я лучший лесоруб во всей округе. Сильнее меня никого не сыщешь.

Дом у меня добротный, тёплый. Скотины много. Будешь за мной, как за каменной стеной. По дому шуршать, во дворе работать, в поле тебя не пушу, так уж и быть. Деток родишь. Можно семерых. Что б семья большая была да дружная. Ну, как, здорово?

Женя закашливается.

— Семе... семерых?

Она раздумывала, забирать ли сестру из детского дома, а тут целых семь...

Это вообще реально?

— Мало? — теряет он. — Больше хочешь? Ну, что ж, раз хочешь... Ай, — махает рукой, — гулять, так гулять! Больше мне даже больше нравится! — восклицает радостно.

И так явно становится слышно, насколько же ему не хватает слов, чтобы выразить даже... столь скудную гамму эмоций и мыслей.

— Эгей! — кричит он и гонит свою лошадь всё дальше. — Скорее бы домой добраться.

Женя хихикает, обливаясь холодным потом.

Что это за сказка такая? Она точно играла мальчишку-Джека, а попала на место какой-то Джилл, которую замуж хочет взять дровосек. Может быть, тут вообще «Красная шапочка» разыгрывается, и Дед Мороз что-нибудь перепутал?

Впрочем, Джек говорил что-то о корове, да и со вздорной матерью всё сходится.

С другой стороны — такое себе совпадение.

Ладно, главное, что её принимают за другую и она вне опасности.

Дальше разберётся как-нибудь по ситуации.

Выпытать бы ещё побольше о происходящем...

— Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут? — решается спросить.

— Вилли я, — отвечает, кажется совсем не обидевшись за этот вопрос. — Вилли. Моя... любимая.

Как вдруг рядом в кустах мелькает тень. Если бы не луна, выглянувшая из-за туч, её было бы и не заметить. Но Вилли замедляется, будто собираясь проверить, кто преследует их. Пусть и без того ясно, что это просто какой-то зверёк. Лис, например...

— Поехали... — просит она дрожащим голосом, несмотря на лёгкую тошноту из-за тряски. — Устала я. Лучше скажи... Ты так уверен, что я смогу детей родить... А если не смогу?

Он не спорит с ней и заставляет лошадь нестись вперёд с новой силой. И как только не врежется в деревья...

— Сможешь-сможешь! А трудности будут, здесь неподалёку, говорят, ведьма живёт. Старая совсем. Местные её хорошо знают. Потому, может, и не трогают... Да и домик её будто по местности кочует. Но мы, если что, точно её отыщем, и снадобье какое раздобудем.

Ведьма!

Женя вдруг отчётливо вспоминает всех персонажей, сыгранных на проклятом спектакле, которых можно так назвать.

Снежная Королева, Злая мачеха Белоснежки, Урсула и... Баба Яга!

Перемещающийся домик — очень похоже на избушку на ножках, не правда ли?

А что если все сказки собраны в одном мире, и Женя может найти других актрис?

Вместе было бы легче выбраться...

Или нет?

Она не помнит точно, что говорил Дед Мороз, не помнит весь вечер. Возможно, из-за стресса или какой-то странной аллергии на магию.

В любом случае, хорошо бы найти эту колдунью. И даже если ей окажется не Арина — кажется, так звали ту девушку — всё равно узнать о том, есть ли настоящее волшебство в этом мире, не помешало бы.

Точнее, что есть, она почти уверена, чего только чернобурк стоит, но вот как им пользоваться?

Они скачут в будто бы всё более и более густую тьму.

У Жени слипаются веки, в голове бьются глупые размышления о том, какого оказаться на месте Бабы Яги...

Что-то она не припоминает конкретной сказки-канона. Арина должна будет есть детей, общаться с Кашеем и Змеем Горынычем? Или будет доброй старушкой, помогающей Ивану-Дураку?

Интересно и жутко...

Но как же — в сознании таит последняя мысль — попасть домой?

Будит её внезапно и жестоко даже не свет утреннего солнца, не фыркание уставшей лошади, а женский визгливый крик:

— Доченька! Нашлась! Вилли, родненький, как же я рада вас видеть. Спасибо тебе!

— Пожалуйста. Сам рад.

— Вот тебе твой топор, — зачем-то суёт инструмент в его руки. — А то ты забыл.

— И правда, — тянет будто бы смущённо. — И правда... Благодарствую!

И будто меня дочь на топор, Женю, ещё не до конца проснувшуюся, за локоть стягивает к себе невысокая, русоволосая женщина. И прижимает к своей пышной груди так, будто пытаюсь задушить.

— Родненькая моя, — тянет нараспев, а на ухо Жене шепчет: — В каком свете меня выставила, паршивка? — и вновь воет на всю округу: — Вернулась! Счастье-то какое! — и опять ей на ухо: — Что люди подумать могли, знаешь? Я еле тебя выгородила. Ты едва себя не очернила. — И, отпуская её, утирая выступившие на глаза слёзы: — Я уж думала всё, пропала моя опора!

Глава 5. Маман

О, эти причитания! Этот тон! Женя мгновенно теряет все остатки сна.

У её матери похожая манера говорить.

Но женщина, слава богу, никак на неё непохожа. Настоящая куда острее и мрачнее.

— Эммм...

Тут она всё же чувствует привычное оцепенение из-за ситуации.

Даже к лучшему.

Сейчас как никогда нужно помалкивать, чтобы не сболтнуть какую-нибудь глупость и не выдать себя.

А женщина всё нарезает вокруг неё круги, потирая руки о потрёпанный льняной фартук на своём простеньком тёмном платье.

— Бледненькая такая, бедняжка моя! — щипает она Женю за щёку, специально делая больно. — Давай, быстрее в дом! — и переводит взгляд на Вилли, но тот качает головой.

— Отдыхайте, я попозже заеду, — седлает он лошадь и ускакивает со двора.

Двор, к слову... одно название — двор. Забор покосился, земля, местами вытопанная догола, заросла бурьяном, сквозь который то тут, то там, пытаются пробиться хилые ростки... В этом их состоянии, сложно сказать, чьи именно, вроде бы свеклы. Дом, от которого едва ли не куски отваливаются, серый, с покосившимся крыльцом и соломенной крышей.

— Иди, — шипит на Женю её новая мать, и замахивается, чтобы дать ей подзатыльник.

Да только рука так и зависает в воздухе, когда она замечает у калитки чёрную лису, что тут же шмыгает куда-то под забор и скрывается в траве.

— Ах, — выдыхает, и снова замахивается на дочь, — привела! Уверена, это ты привела! Она ведь кур задавит!

Чёрт, Джек! И как умудрился на своих коротких лапках догнать?

Женя смотрит на свои руки, не понимая, как эти ладони могли кого-то заколдовать.

— Ой.

Она только сейчас осознаёт, что на улице рассвело, а, значит, новая матушка её точно узнала.

Чужое тело.

Какой ужас.

Кажется, будто ещё одна нить, связывающая с реальностью, рвётся, отдаляя её от дома.

Но не время думать об этом.

Нужно понять, что делать дальше.

— Ну, так что? — смотрит женщина укоризненно и видимо чего-то ждёт.

— Что?

— С лисой что делать будем? Что молчишь? Где ты была? Как могла уйти? — и вдруг, на этот раз совершенно искренне, она начинает всхлипывать.

Жене, разумеется, сказать нечего.

Впрочем, хоть память владелицы тела и не перешла ей в наследство, она вспоминает слова Джека и предполагает, стараясь звучать уверенно:

— Ты же сама меня и выгнала.

— Ну, — запинается она, и тут же переходит в наступление, сведя к переносице тонкие

брови: — Я ведь не серьёзно! Я ж думала ты назад проситься будешь! А что мне ещё было делать, если ты такая неблагодарная и дерзишь мне? А о сестре ты подумала? Бедняжка ночь не спала! Тебя ждала.

Сестра? И здесь есть сестра?

Женя замирает, чувствуя, как бледнеет.

— Пойду к ней, — бросает она и спешит к двери, будто за ней действительно может оказаться её Алёнка.

— Ну, иди, — провожает её мать растерянным взглядом, словно ожидала чего-то совсем другого.

Но как только Женя отворила скрипучую дверь, то от неё по дощатому, тёмному полу метнулась худенькая, большеглазая девочка с двумя жиденькими светлыми косичками. И тут же принялась забираться на печь прячась.

— Алён... То есть, де... детка...

Женя подходит ближе, удивляясь мимолётом хлипкому, бедному убранству так называемого дома.

— Ты разве не ждала меня?

Та замирает, наполовину забравшись на печь, да так и висит, пальчиками босых ног едва опираясь о лавку. Только смотрит через плечо на Женю недоверчивым взглядом.

— Я... волновалась. Но разве ты не... — она всё-таки спускается и нерешительно подступает к ней. — Не будешь меня обижать? Вы так ругались с мамой. Ты столько сказала всего... И бросила меня здесь одну.

А ведь действительно бросила!

Только, как это произошло? Джилл прельстилась разбойником, легла к нему в койку и... просто исчезла?

Умерла? Он что-то с ней сделал?

Или попала на место Жени и теперь разгуливает в её теле по городу?

Какой ужас...

Скорее бы во всём разобраться.

— Я, конечно, детей не люблю, — выдыхает она, присаживаясь прямо на пол, — но обижать тебя не собираюсь.

Интересно, как её зовут? Спросить бы...

Но как?

— Хорошо, — вздыхает малышка и присаживается рядом с ней, подтягивая к себе коленки и обнимая их. — А как ты меня назвала, когда только зашла? Чудно звучит.

— С чего ты взяла, что это я тебя так назвала? — с опаской отвечает Женя. — Так, просто слово... А тебе нравится твоё имя?

Девочка, конечно же, не её сестра. Но чем-то её напоминает.

Она ведёт острым плечиком и задумывается.

— Анна, звучит как-то... Густо для меня. И не подходит к твоему имени. И к имени мамы. Будто я отдельно тут от остальных. Но папа так меня назвал, поэтому, нравится. Но твой папа тебя назвал лучше, — вздыхает она.

«Так, — думает Женя, — у нас ещё и отцы разные...»

Стоп. А разве у Джека вообще была сестра? Она точно в ту сказку попала?

Боже, столько вопросов!

— Я уже и забыла, — отвечает она нарочито легко, — как зовут нашу мать.

— Я тоже, — смеётся малышка, — забываю. Давай спросим её, вот смеху то будет!

Но та заходит в дом, и смех прекращается.

— Джилл, иди-ка... — она оглядывает её, словно только что увидела, и мрачнеет. —

Что за платье на тебе надето? Ты хоть знаешь, на кого в нём похожа?!

— А по моему красиво, — решает встрять Анна. — Как принцесса.

— Я бы тебе сказала, — хмыкает мать, — как кто, да мала ты ещё... Джилл, поди корову подои, а? В последний раз, наверное. Одно было хорошо, когда ты ушла, меньше голодных ртов! Но мне помощь твоя нужна. Так что давай быстрее.

— Если так нужна, — не выдерживает Женя, — могла бы и повежливее со мной разговаривать.

— Поговори мне тут! — и протягивает ей пустое ведро. — Ну, иди, а я тут что-нибудь поесть нам соображу. Ещё, глядишь, и Вилли заедет...

— Не выйду за него, — бросает Женя, уверенная, что из образа Джилл не выбивается.

— Ещё как выйдешь! — тут же взвывается мать. — Поговори мне тут ещё, паршивка. Такого мужика тебе засватала, а ты!

— Он страшный, — отзывается Анна, успев забраться на печь.

— Многое ты понимаешь, — хмыкает мать. — Одни мускулы, сила в глазах, мужественный, отзывчивый, не бедный. Мечта!

— Я сказала, — с нажимом отвечает Женя, — повежливее.

— Ага-ага, — спускается она в погреб под полом. — Иди, пожалуйста, к коровке, милая Джилл.

Женя победно улыбается и отправляется к той самой злополучной корове.

В прошлой жизни, если можно так сказать, ей не доводилось заниматься ничем подобным, но в то же время, должно быть, это станет самым обыденным делом за последние часы.

Вот только... она роняет ведро и от удивления открывает рот.

Глава 6. Корова

К её ногам тут же жмётся лис. Уши его прижаты к затылку, пасть скалится, из губ, если есть они у лис, вырывается шипение.

— Что они делали с коровой? — на одном его ухе в полумраке блестит серьга. — Не подходи ближе, вдруг она больная?

Корова оборачивается к ним, окидывая и Женю, и Джека безучастным взглядом. И вдруг протягивает своё звучное, душераздирающее: «му-у».

Она чёрно-белая, с выступающими под кожей рёбрами, грязными ногами и боком, на котором, видимо, недавно лежала на катастрофически выпачканной соломе.

Сам сарай старый, трухлявый, пахнет... Впрочем, лучше в нём не дышать. Через дыры в крыше пробиваются лучи света, в которых мерцают вихри пыли.

А в стороне от двери разбегается с тонким, бьющим по ушам писком, стайка мышей. Женю вновь тошнит, она бросает ведро (случайно задевая лиса) и отбегает подальше. Голова кружится от запаха, в глазах искры.

— Боже... Вот же мрак! Да она ведь и обычных бобов не стоит...

Лис скачет за ней.

— Лапу мне отбила, ведьма! Каких ещё бобов?

— Неважно...

Она морщится.

— Слушай, как же можно было так корову запустить?

— Не знаю... Может больная всё-таки? Травы ведь полно. Не жрёт поди. Я бы и молоко от такой не пил, если есть у неё молоко. Слушай... Понимаю теперь, чего ты бежать отсюда хотела.

— Может... Травы полно, да, но я что-то там её не заметила. И всё такое грязное. Почему никто не убирал? Тем более, если это единственная кормилица... Надо её хоть вывести оттуда.

Вот работка-то! Женя усмехается, надеясь, что другим девушкам повезло больше и апартаменты у них покомфортабельнее.

— Выведи! В любом случае лучше будет. Если тебя доить её заставят, уж пусть хоть ветерок тогда дует... — он вновь оскалился и странно чмыхнул, словно его едва не стошнило. — В страшном сне такое не привидится...

Она кивает, собирается с духом и возвращается к сараю.

— Скажи, Джек, а к магии как люди относятся? Я же тут на отшибе живу. Никого не знаю толком.

Женя решает рискнуть и узнать больше о местных и их мире.

Он пытается пожать плечом, но получается у него лишь смешно подпрыгнуть на ходу.

— Да смотря где... На костре пару ведм в прошлом году сожгли, но это ближе к городу. Здесь терпимее к магии, но люди побаиваются, конечно. Это в любом случае. Мне вот всё равно. Было... До тебя... Я не верил, что меня кто-то заколдует.

— А ну, то есть люди об этом мало знают и это не норма?

— Да где ж это нормой то будет, детка? — сверкнул он на неё глазами и остановился в метрах двух от калитки в сарай. — Давай там уж, это, без меня...

Ну да, чем лис ей тут поможет?

Женя перестаёт дышать, забегает внутрь и подбирается к корове поближе.

Та стоит даже будто бы немного покачиваясь, словно если дунуть, она упадёт.

И никак не реагирует на попытки показать, что можно выходить.

— Ты, это, — твякает лис, заглядывая к ним с опаской, — отвязала её? Может она там привязана? На двери ведь засова нет, чего она тогда не вышла?

— Да я не вижу... — Женя морщится и всё же проходит дальше, опасаясь, что её сейчас лягнут.

И да, оказывается, корова привязана к стене за заднюю ногу на короткую, грязную верёвку.

— Джек, — Женя прикрывает рот и нос рукавом, — иди, мне нужны твои зубы...

— Я ничего не стану там брать в рот! — скалится он. — Знаешь, как обострился мой нюх?!

— Ты хочешь быть снова мужиком или нет?!

— Я в любом облике мужик! — он всё же нерешительно подходит ближе. — Мерзость... Что тебе?

— Так это... докажи... Надо отгрызть верёвку.

— Загрызть корову будет более гуманно! Причём для нас всех... — вздыхает он горестно.

— Давай, один укус и всё!

Он ползком подбирается к верёвке, что от грязи уже превратилась скорее в проволоку. Трогает её лапой, и косится на лапу коровы. Но та тоже грязная, поэтому выбора не остаётся. Лучшего варианта здесь просто нет.

И он начинает грызть. И когда ему удаётся, пулей вылетает из сарая и издаёт в кустах странные звуки. Видимо, дух его мужской хоть и крепок, желудок оказался не таким.

От смеха, жалости и отвращения у Жени на глазах выступают слёзы.

Корова всё равно не понимает, что её освободили, поэтому приходится хватать её за рога и силком тащить на траву.

И когда несчастное животное оказывается на воле, лис на всякий случай пятится от неё. А вот сама корова, вновь протянув, на этот раз более радостное: «му-у», принимается с жадностью рвать траву. Прямо там, на месте, даже не пытаясь отойти в поисках более сочной еды.

— Эм, — лис чмыхает и кривится. — Ну я теперь даже не знаю, что думать. Дикае люди тут живут, ты уж прости, Джилл.

— Она просто чахнет от голода... И это ещё большой вопрос, почему её тут заживо не сожрали крысы или болезнь. Какое к чёрту молоко?

Она и сама валится на траву в нескольких метрах от коровы.

— Дочка, — так не вовремя выходит мать и застывает на крыльце, замечая корову и лиса. — Пошёл! Пошёл вон! — машет она на него какой-то тряпкой и наклоняется, чтобы поднять камень.

Джек, решая не давать ей возможность потренироваться в меткости, стремглав уносится со двора.

— Ты чего за коровой не следишь?! — кричит мать Джилл. — Не видишь, что ли, что лиса рядом? Зачем было выпускать её, когда здесь звери дикие, а ты даже отогнать не можешь?

— Что ей сделает лиса? Она её приняла за кучу навоза на ножках! — Женя поднимается. — Что с коровой?

— А что с ней? Мусечка ещё ничего! Это я тут скоро помру с вами, никакой помощи нет. Ты подоила её?

— Откуда у неё будет молоко? Она там стояла голодная!

Ей даже слов не хватает, настолько вся ситуация нелепая.

— Почему не убрано у неё? Почему сарай в таком состоянии?

— А силы у меня есть, каждый день там убирать? Да и тебя ведь искала, волновалась, мне не до коровы было.

— Да там всё так выглядит, будто не убиралось никогда! Ты чем занята целыми днями?

Если подумать, здесь ведь и развлечений — то нет никаких, разве что только корову мыть.

— Так, вот, с малой нянчиться надо, да овощи, — машет рукой на свеклу и капусту в траве, — растить пытаюсь. Травку корове собираю. Ты чего это удумала меня отчитывать, а?

— А зачем ты её заперла? Тут же травы полно, можно было бы привязать и всё. Она едва на ногах держится!

— Ха, — выдохнула мать звучно и резко, с таким возмущением, будто дочь сморозила несусветную чушь. — Так у соседей не так давно, говорят, волки коровку задрали. Я своей рисковать не буду! А часто выпускать её не выходит, она ж возвращаться тогда не хочет. Кто её за рога тащить в сарай будет, ты? Я бы посмотрела на это! Нет... А вообще, ты молока надои нам, да пойди на рынок, наверное, продай её. А? Может больше толку то будет, — вздыхает она горестно. — Бедная наша Мусечка.

— Продать единственную корову? А что потом делать?

Может, конечно, мать Джилл где-то работает, но что-то это сомнительно.

— Купим еды или семян, или придумаю чего ещё. Ты главное продай её повыгоднее, и не умничай тут! Делай, что тебе говорят, — и она, развернувшись, собралась уйти в дом, но замерла на крыльце. — Только про молоко не забудь.

Женя не выдерживает, топает ногой и кричит:

— Боже, да где логика-то? Где?!

— Логика? — с подозрением щурится на неё мать. — Что ещё за логика? Ты где таких слов нахваталась, паршивка?! Что люди о нас подумают?!

Глава 7. Взгляд чёрного лиса

Анна сидит у окна, поджав под себя ноги, наблюдая то за матерью, то за коровой во дворе. Кто из них интереснее, она так и не смогла решить. Но мать точно приятнее... И Анна переводит взгляд на неё.

Она что-то бормочет себе под нос, копаясь в небольшом старом шкафчике. И, наконец отыскав там засохшую горбушку хлеба, принимается крошить её в горячий... Ну, можно сказать, бульон. В воде варилась морковь, горстка ржи, которой было слишком мало для каши и тем более муки. И несколько каких-то кореньев.

— Джилл продаст корову? — Анне всё же не даёт покоя тот ходячий ужас за окном.

— Конечно.

— Разве она не даёт нам молоко? И творог.

— Она ведь всё равно подойдет скоро... — ворчит мать. — А Джилл мы за Вилли отдадим. После чего с голову не погрём, уж поверь. Парень он работающий, и дом у него хороший.

— Он страшный, — кривится малышка.

— Кажется, ты уже говорила об этом, — вытирает мать руки о потрёпанный фартук и усмехается: — Мала ты ещё, чтобы понимать что-то в мужской красоте. И не вздумай что-то такое ляпнуть, когда он придет! Уяснила? Не смей его злить. Ты должна быть вежливой и милой. То есть, должна помалкивать.

— Хорошо мамочка, — вздыхает она. — А когда он придет?

Мать задумывается.

У неё тут же мелькает в мыслях последняя их встреча и его слова: «отдыхайте, заеду позже». Почему-то она решила, что это значит «заеду завтра», но вдруг...

Женщина хватается за сердце и прислоняется спиной к печи.

— Батюшки... Он ведь человек хороший да умный. Конечно он сегодня ещё к нам заедет, чтобы убедиться, что здесь всё в порядке. Это он время нам дал поговорить и в себя прийти... Джилл! — кричит она и спешит к двери. — Джилл, детка, а ну-ка стой! Бросай корову!

А корова, которую ещё и не пытался никто вывести со двора, медленно поднимает на неё свою рогатую голову и тянет недоумённо и испуганно своё душераздирающее «му-у».

Женя, чувствуящая как будто под кожей бугрится тёмное, нехорошее веселье, выкрикивает в ответ, уперев кулачки в бока:

— Куда бросать?

— Обрато в сарай, — сбегает она со ступеней крыльца.

И корова, словно всё поняла, несётся, покачиваясь на ходу, вон со двора.

— Ах ты ж... — задыхается мать от возмущения. — Анна, лапонька!

Девочка появляется в дверях и несмело (корова всё же очень страшная) переступает порог.

— Доченька, следи за коровкой! А ты, — хватая Женю за руку, — идём со мной на задний двор. Мыть тебя будем. Жених ведь придет! Фу, — морщится она, — чего от тебя разит то так?! Джилл, ну разве можно молодой девушке позволять себе так выглядеть?!

Женя понятия не имеет, как выглядит, хотя если судить по рукам и одежде — не хуже,

чем все остальные вокруг.

— Ничего не понимаю... — тянет она. — Ты разве не говорила, что корову нужно продать?

Чтобы выбраться из этого странного, пока ещё не то чтобы сильно сказочного мира (магию перекрывает грязная корова и мать, что ведёт себя, словно её родная), нужно действовать по сценарию.

Дурацкой истории «Джек и бобовый стебель».

Женя даже не особо помнит, о чём сказка.

О том, как мальчик украл золото и так нужно поступать всем?

Наверняка, должен быть смысл получше, потому что этот её не устраивает.

С другой стороны выбора нет.

И получить бобы — первостепенная задача.

Но мать лишь машет на Женю какой-то тряпкой, что невесть откуда оказалась у неё в руке.

— Да плевать на корову!

«Му-у?» — звучит позади словно с недоумением, и женщина таки бросает в её сторону быстрый взгляд.

Корова, костлявая и огромная на фоне маленькой бледной девочки, выглядит угрожающе и медленно пробует губами край её рубахи. Словно вот-вот готовится сожрать и самого ребёнка.

— Вилли, — договаривает мать, теряя интерес к этой картине, — важнее, чем корова, которая обеспечит нас на пару дней едой. Он обеспечит нас едой на всю жизнь! Давай, — и тянет Женю к неприметной тропе среди высоких зарослей крапивы. — Ты давно уже должна была привести себя в порядок. Может он и уехал, чтобы не запоминать тебя такой растрёпанной! Ему ведь хочется думать о тебе и мечтать, а не вспоминать вот этот вот образ! Ну, ты поняла.

— Да, конечно, так прям и вижу, как этот план по запоминанию меня в лучшем виде крутится в его лысой голове...

Женя не имеет ничего против этого мужчины. Но отвлекаться от основного дела досадно.

Что если тут никто не будет давать ей бобы?

Смириться и умереть в муках, пытаюсь родить энного ребёночка?

От этих мыслей она бледнеет.

— А почему он вообще должен кормить тебя? Лучше, знаешь, ни на кого не надеяться. Ма-ма.

— Ха, умная какая стала! Будь ты действительно умная, тебе не пришлось бы задаваться такими вопросами.

И, сказав это, чтобы оно ни значило, женщина довела её за деревянную стену дома и вытащила из-под куста рябины большой ржавый таз.

Неподалёку был виден колодец, к которому она тут же подошла, уже не глядя на Женю, будто собрались они в этом месте вовсе не из-за неё.

Что-то напевая себе под нос, она забросила в глубину колодца ведро и стала ждать, как будто вода набралась бы не сразу.

А если действительно не сразу, то страшно представить, что там за вода...

Женю передёргивает. Ещё не хватало подцепить в этом мире что-нибудь не то... С

каждой минутой она всё больше понимает, почему Джилл была не против компании Джека. Впрочем, едва ли она была в чём-то лучше своей матери.

— Тут есть какая-нибудь баня или вроде того?

— Она... — мать вытаскивает ведро наполовину заполненной водой. — Ты вообще уже, что ли? Сама ж знаешь, что сгорела баня. Чего стоишь одетая до сих пор, снимай с себя всё, живо!

— Вот так? И как она могла сгореть? И почему ты корову на ребёнка оставила? Хотя да, они обе скоро просто упадут от голода... Я, знаешь, уже и не понимаю, как так вышло, что мы вот так живём?..

Конечно, вполне может быть, что всё происходящее — условность мира, но...

Что-то Женя в этом сомневается.

— Снова меня упрекать вздумала? — всхлипывает она вместо того, чтобы злиться. — Что я, думаешь, рада этому всему? Вот твоему жениху рада, и за тебя рада. И не позволю тебе погубить своё будущее. Поэтому, давай, снимай с себя всё, я постираю. А пока помыться тебе помогу. И пошевеливайся! Не заставляй меня раздевать тебя насильно. Дурёха, — звучит уже совсем не зло, и она всё-таки тянется к Жене, чтобы начать стягивать с неё платье.

Нет, всё же по характеру она не копия её родной матери. Матери-из-родного-мира... Как сказать?

Есть в неё что-то мягкое, слабое, надрывное, но оно идёт рука об руку с безалаберностью и скудоумием.

Впрочем, в этом мире наверное большинство не слишком умны.

Контекст времени и всё такое.

— Ладно, — соглашается Женя. Это всё неприятно, но ходить грязной тоже не дело.

И когда её одежда оказывается рядом в траве, а мать мешает воду из ведра с нагретой солнцем водой из чана, который стоял поблизости и был поначалу незамечен Женей, ветви кустарников начинают шелестеть. И среди них появляется нахальная тёмная лисья морда.

Джек пытается спрятаться за высокой травой и крапивой, но что-то идёт не так и вместо этого он почти выбирается из укрытия. Без стыда и совести не отрывая от Жени внимательного, блестящего взгляда.

Она кривится, старается прикрыться рукой и кричит на него:

— Нахал! А ну пошёл отсюда!

Но он садится и едва ли не виляет хвостом, приоткрывая свою пасть будто бы в попытке ухмыльнуться.

Мать оборачивается в его сторону и начинает хохотать, выливая на Женю ведро воды.

— Лису застеснялась, вы посмотрите-ка на неё! Вот глупая! Но, правильно, гони его! Это ж надо, лису привела... Хочешь, чтобы она курей подавила?

Женя закусывает щёку изнутри и отворачивается от него, стараясь не представлять, как пялится не зверёк, но внушительных размеров мерзавец-мужчина.

Ну и пусть подавиться!

Тело, кстати, очень похоже на её собственное. Но всё же оно чужое. Так она будто всё равно в одежде.

— Я тут не видела кур...

— У нас и нет. Я про соседских, — спокойно отзывается мать и трёт её влажной тряпкой.

— А. Эм... А соседи-то где?

— Да там, — указывает рукой куда-то в сторону, — как идти до поворота, а потом за холм, и слева бу... Ты что, — вскрикивает резко и даёт ей хлёсткий подзатыльник, — совсем спятила, не знаешь, где соседи наши живут?!

Лис, от греха подальше, нехотя, неспешно, но скрывается в зарослях.

— Ага, спятила... Кто-то точно... Но постой, это там не Вилли скачет?

Мать, услышав эти слова, не разбираясь так ли это, хватает с земли ещё не стиранный платё и начинает метаться из стороны в сторону.

— Не успели, — шепчет она, округляя глаза. — Ах, не успели!

Глава 8. Животное

Когда мать, что-то неразборчиво бормоча, бросила ей в руки смятое платье, приказав по-быстрому застирать его и надеть мокрым: «Всяко лучше, чем вонючее», и убежала тянуть время, отвлекая Вилли, ветви кустарника зашелестели вновь.

Джек вышел и, слегка прихрамывая, подобрался к Жене. И когда оказался довольно близко, так, чтобы она могла запустить в него, например, ведром, прикрыл лапой морду. Как бы показательно и театрально закрыл глаза.

— Не смотрю я, видел уже, что хотел, не кричи только. Красотка.

— Какая мерзость! — негодует она. — Ну ты и... животное.

А сама начинает дрожать из-за порывов прохладного ветерка.

Он напоминает ей о Деде Морозе и том холоде, что разлился по всему телу, прежде чем она попала в другой мир.

Лис фыркает и убирает лапу, снова окидывая её сверкающим взглядом.

— Животное, вот именно, — кивает он. — Да и должны мне хоть как-то окупиться мои страдания! Ты, это, — добавляет уже мрачно и без издёвки в голосе, — не мёрзла бы... Заболеешь. — И спешит добавить: — Кто меня расколдует тогда, а?

— Откуда мне знать, кто тебя расколдует.

Женя бы надела на себя грязное платье, было бы быстрее и с меньшим риском заболеть, но...

Уж лучше ходить голой, чем в этом.

С этим запахом...

О времена, о нравы!

Она быстро-быстро застирывает платье, выжимает его и с трудом на себя натягивает.

— Помочь? — мрачно за этим наблюдая, спрашивает Джек. — Могу подцепить сзади зубами, а то подол задрался. Ты... совсем глупая, да? — всеми силами пытается изогнуть он бровь.

Женя хмурится, зубы стучат.

— Что? Это ещё почему? И не надо мне помогать... Иногда приходилось мокрое надевать, правда, только бельё, но что ж...

— Как это, почему? Ты зачем вообще её слушаешь? Бежим, пока эти дикие люди отвлеклись на друг друга! Самое время уйти, — и всё же цепляет её за край платья и тянет к повалившемуся забору за крапивной стеной. — Тям дыйа, можо пйойти, — говорит, не размыкая челюстей.

— Но я...

Не должна испортить сказку!

В ней не было никакого жениха, само собой. И это значит либо то, что всё идёт как надо по сценарию, что слегка изменён, либо...

А вдруг она упустит шанс заполучить бобы?

Нет, нужно и вправду бежать, только не так, нужна...

— Корова! Бежим за коровой, Джек!

Он невольно высовывает язык, вспоминая о своём недавнем подвиге, странно дёргается, будто его вот-вот вывернет и шипит.

— Корова тебе зачем? Я тебе новую подарю, только уйдём отсюда!

— Нет, мне нужна именно эта! — возражает она, обняв себя за плечи.

— Ладно-ладно, давай с этой! Только, как ты собираешься уйти с ней незамеченной, или прикажешь мне её вести за собой, пока ты своего женишка отвлекаешь?

— Я не... — она хочет ответить «не знаю», но вместо этого ухмыляется. — Да, это хорошая идея. Выведи её вон за те деревья! И... ты же покажешь, где тут у вас рынок?

— С памятью плохо? Мы ведь с тобой там это платье и укра... — он осекается и скалится на неё: — А, знаешь, что угодно, главное верни мне мой облик, наконец! Вернёшь? Иначе брошу тебя и к местной ведьме пойду. Ещё и заплачу ей, чтобы тебя прокляла, поняла?

— О! — у неё даже глаза загораются. — Мне тоже надо к ней! Она и тебя и меня расколдует! Отведёшь, чернобурк?

— К-кто? — пьтится он, будто испугавшись, что она снова превратила его в кого-то другого. — И... Постой, что значит «и меня»? То есть, тебя?

Ей надоело то поддакивать ему от имени Джилл, то пытаться объяснить суть... в конце концов, с Джеком можно сладить, поэтому она отвечает просто:

— Я правда из другого мира. Иначе бы не было всех этих странностей! Я Женя, а не Джилл. Куда делась Джилл, как и здравый смысл в этом доме, ума не приложу!

— Но... Допустим, — сел он у её ног, обвивая лапы свои хвостом. — Но ведьма ведь ты, не она, так? Это ведь ты её тело украла, — у него отчётливо, сильно дёргается веко, пусть Джек и старается держать себя в ла... руках. — Тогда от чего тебя расколдовывать нужно?

— Нет, она! В моём мире вообще ничего такого нет. Хотя ты, если увидишь машины, наверняка, подумаешь иначе... Я тоже жертва! Злой морозный маг заколдовал меня! И, возможно, заразил... Или у прежней хозяйки были какие-то способности...

— Так-так-так, стой! Заразил? У меня хоть, не знаю, щупальцы ещё к хвосту не вырастут? Я бандит, детка, не пират! И без того уже на меня магией своей... чужой? Неважно! И без того на меня магией чихнула! — он пьтится от неё с таким видом, будто вот-вот и удерёт со двора, бросив её разбираться самой и с матерью, и женихом, и со страшной костлявой коровой.

— Да я же образно, придурок! Ты мне... напомнил о другой девушке. Мы все были в костюме разных... в общем, разных магических и не очень известных людей. И существ. Вот у неё были щупальца. Это ж надо было додуматься в спектакль засунуть Урсулу... И что же, где-то действительно есть подобный персонаж? И та полненькая милашка оказалась под водой? — Женю передёргивает. — Хотя под водой хоть от воды не холодно...

Платье всё ещё облепляет тело. Неприятно.

Лис звучно и глубоко вздыхает.

— Ладно, слушай, я уж подумал уйти, но... Ай, чем чёрт не шутит! Отвлекай жениха иди. Встретимся за теми деревьями, но долго я за коровой следить не буду, ясно? И за это про другой мир мне расскажешь.

На этих словах он скрывается в траве. А с другой стороны дома раздаётся голос Вилли:

— Дорогая, твоя мать сказала, ты облилась, поливая цветы? Замёрзнешь совсем, иди посмотри, какую шаль я тебе в подарок привёз!

Голова Жени забита продажей коровы, флегматичным недоумением по поводу всей этой ситуации с другим миром и диким страхом, от которого хочется сбежать в мысли об Урсуле и её подводных приключениях.

Тёмные, холодные глубины океана, прекрасные красные кораллы, ракушки и жемчуга, другие русалки, огромные корабли над головой, а в них — прекрасные принцы...

— Сосредоточься... — шепчет она самой себе.

Фантазировать о чужой жизни куда приятнее, чем разгребать кучу внезапных проблем, но всё же она решает, что обязательно справится. Тянет руку к собственным волосам, завязанным на затылке и обнаруживает, что они очень длинные, хоть и не слишком густые.

До поясицы!

У неё были такие же когда-то. До детского дома.

Женя поправляет платье насколько это возможно, прикусывает синюю губу и подходит к Вилли.

Он окидывает её голодным взглядом и комкает в руках нежную, тонкую шерстяную шаль синего цвета.

— Ты... Я согласен, — выпаливает вдруг, округляет глаза и спешит исправить: — Выходи за меня!

Глава 9. Платье, жемчугом расшитое

Вышедшая к ним мать спешит взять ситуацию под контроль и натягивает на себя улыбку:

— Да согласна она, что ты спрашиваешь, мой хороший! Согласна она. Ты посмотри, — это уже Жене, — какой человек к тебе пришёл! Какой подарок нужный принёс, да так вовремя! — и подталкивает Женю к нему поближе, подмигивая Вилли: — Ну-ка, набрось ей на плечи, согрей! Смотри, она дрожит вся.

Где-то в стороне сарая мычит корова и слышится скрип дверцы. Мать настораживается, но от молодых не отстаёт и не отступает ни на шаг. Так, словно дочь её и Вилли могли разбежаться в разные стороны.

Хотя, судя по выражению лица последнего, бежать он уж точно не собирается...

Вилли, восторженувшись, словно сбросив с себя наваждение, набрасывает шаль на Женю и собирается для пушного эффекта ещё и приобнять её.

Тёплый и вроде не злобный.

Нужно отвлечь их в доме, а затем отойти, будто на минутку и скрыться вместе с коровой.

Впрочем, может ли она рушить жизнь Джилл? Что если она вернётся и лишится отличной, надо полагать, по местным меркам, партии?

— Спасибо за подарок, В... Вилли, — Женя натягивает на себя улыбку.

— Для тебя я достану всё что угодно, — заверяет он уж как-то слишком живо, пылко, и взглядом всё скользит по облепленному мокрой тканью телу Джилл. — Моя... любимая, — выпаливает он и замирает, словно опасаясь её реакции.

— Вот и отлично, — радуется тем временем мать и пошире распахивает дверь дома. — Заходите, я на стол уже давно накрыла. Детка, ты посмотри, сколько всего жених твой привёз! Правда замечательно? Скажи, как ты рада!

— О, как рада! — в том же наигранном тоне произносит Женя, стрельнув глазами в дровосека, чтобы выяснить, понимает ли он вообще, что здесь происходит.

А он расплывается в радостной, довольной улыбке и, наконец, к счастью или нет для Жени, становится куда увереннее в себе. И обнимает её за талию, чтобы подвести к столу.

— Вот индейка, сыр, вино. Что ты любишь есть? А ещё я тебе бусы подарю! Знаешь, как на солнце красиво сверкают? Самой красивой у меня будешь.

— Она и так у нас красавица, — соловьём заливается мать. — А ест она как птичка! Правда, Джилл? Садись же за стол! — а сама накладывает ей целую миску каши и отрезает огромный ломоть сыра.

Женя накручивает локон волос на палец и демонстративно закусывает губу, кутаясь в шаль.

— Расскажешь, как твои дела? — обращается к жениху. — Какие новости?

И он, выпрямившись, сев рядом с ней и не отрывая от неё полыхающего взгляда, едва ли не задыхается от чувств.

— Всё очень хорошо, моя красавица! Лучше и быть не может. И бандитов, от которых я спас тебя, говорят, почти всех уже повязали. И зайца я вчера поймал вот такого, — разводит он в стороны руками. — Удачно так, сам не ожидал, пока тебя искал. Даже отвлекаться не

пришлось. И в доме уже комната твоя готова... Будешь, как царица у меня. И платье для тебя закажу, пусть сошьют. Какое ты хочешь?

Но если взглянуть в окно, можно заметить, как лис, капая слюной на землю (отнюдь не от голода и аппетита...) и скалясь, тянет корову к калитке. Та медленно, но идёт, не упирается.

Женя щурится, раздумывая, как себя вести с ним дальше. Не хотелось бы раньше времени надеть глупостей, но и переезжать к нему нельзя. Во-первых, потому что никакой муж ей не нужен. Во-вторых, потому что здесь — место действия дурацкой сказки.

— Мать?

— Да? — с готовностью отзывается та, заметно напрягаясь, словно так и ждёт от дочери подвоха. — Что, милая?

— Нам нужно поговорить наедине. Немножко совсем.

— Ой... — она бросает быстрый взгляд на Вилли. — Но... Ах... девичьи разговоры, прошу нас простить, — и нехотя поднимается, цепляя дочь за локоть. — Чего тебе? — шипит она ей, отойдя в соседнюю крохотную комнатку.

Женя смеётся.

— Да, нет, ты не так поняла. Это нам с Вилли нужно поговорить наедине.

Она застывает на месте, открыв рот. А затем взмахивает руками и буквально выталкивает её обратно.

— Так давай, давай! И якобы ты со мной говорила, а не просила с ним остаться. Пусть думает, что ты приличная девочка! Иди, — и напоследок звонко шлёпает её по задку.

Женя едва сдерживает смех. Она уверена, что мать Джилл будет маячить рядом и не заметит пропажи коровы. А, значит, всё пройдёт без сучка без задоринки.

— Вилли?

Она встаёт рядом с ним и кладёт прохладную ладонь на его твёрдое плечо.

В психологии это означает симпатию.

Вроде как.

— Да? — он тут же накрывает её руку своей, а затем и подносит к своим губам, пытаясь согреть пальцы Джилл горячим дыханием. — Замёрзла таки? Не греет шаль?

— Ткань насквозь мокрая, — произносит она тонким голосом, сядя к нему на колени, — чувствуешь? — шепчет горячо на его ухо.

— Чувствую... — выдыхает он, и неумолимо скользит взглядом по её фигуре. — Люб я тебе уже? Ты вот мне, да. — И вдруг добавляет: — Чувствуешь?..

Она усмехается.

И вдруг выдаёт то, что и планировала:

— Думаешь, всё так просто будет?

— А? — хлопает он глазами. — А почему нет? Или хочешь ещё чего? Так говори! Всё сделаю.

— Конечно, такая красивая женщина, как я, не достаётся просто сыром и вином. Платье хочу особенное. Расшитое перламутровым жемчугом. А ещё мне нужны эти... туфельки хрустальные.

Вилли чуть не давится воздухом.

— Но... Конечно, ты достойна этого. Но... Дорогая, ты не...

— Царевна нашлась, вот ведь! — возвращается к ним мать, уперев руки в бока. — Он всё для тебя, а тебе туфельки из... Из чего? Хрусталя? Ты что в них делать собралась,

лежать?! Лежать удумала?! Она, — меняется тут же в лице и тоне, улыбаясь Вилли, — трудолюбивая у меня, правда. Просто, видно, счастье в голову ударило.

Он собирается что-то ответить, но всех прерывает скрип входной двери.

Анна заходит в дом, смотрит на всех своими детскими глазищами и пальчиком указывает на улицу.

— Ма, там лиса корову украла.

Мать, которой и показывать то корову ту Вилли боится, спиной прислоняется к стене, будто вот-вот упадёт без чувств. А Вилли вскакивает на ноги, отсаживая Женю на край стола.

— И шубку тебе лисью раздобуду... — произносит решительно и коротко кивает ей, как бы соглашаясь с условиями.

Гордость мужская задета. А в голову ударяет любовь. Поэтому Вилли не допускает и мысли о своём поражении. И начинать завоёвывать даму сердца решает со спасения коровы и охоты на лису.

Глава 10. Падение

Боже, да он же Джека зашибёт только так! И в этом будет её вина.

— Нет! — кричит, вцепляясь в Вилли. — Я уже сказала, что мне нужно! С лисой и сама могу справиться! За кого меня принимаешь? Шубки такие знаешь кому дарят?

— Кому? — хлопает он глазами.

— Чего удумала! — фыркает вдруг мать и оттягивает Женю за локоть от жениха. — Это ей обещания да подарки голову вскружили, Вилли! Не слушай девку, забей нам лису! Она курей давит.

Вилли коротко кивает ей и отходит к двери. А Анна смотрит на него снизу вверх, запрокинув голову, и кажется, что вот-вот и скажет: «страшный какой...» И Вилли тогда уж наверняка обидится.

— Ты либо меня слушаешь, свою будущую жену, либо больше не приходи сюда! — выкрикивает Женя.

И Вилли на этот раз одаривает её суровым и упрямым взглядом.

— Мужа слушаться надо, не жену, — изрекает он мрачно. — И коль слушаться я буду кого, то му... — он замолкает, пытаясь сообразить, что же пошло не так, и исправляется: — В нашей семье жена будет слушать мужа. То есть, меня! Я раздобуду тебе платье и туфельки, и шубу принесу. Будешь носить! — и выходит из дома, громко хлопая дверью.

— Прости, — переводит взгляд на сестру Анна. — Я не знала, что он за лисенькой пойдёт. Я о коровке волновалась.

— А я не выйду за тебя! — срывается Женя, чтобы прокричать ему в след и случайно отталкивает девочку. Да так, что она падает на пол.

Анна вскрикивает и принимается плакать, держась за ушибленную коленку, и мать тут же бросается к ней.

— Покалечила! — кричит она в сторону Жени. — Малая и так болеет, вон, еле на ногах держится. За коровой твоей смотрела, пока ты с женихом миловалась! А ты!

— Не ругай её, — тут же принимается упрашивать её Анна. — Mamочка, не ругай. Хватит ссориться! — а сама всё так же глотает слёзы от обиды и боли.

Женя, бледная как смерть, замирает на месте, прикрыв лицо ладонью.

И сама чувствует, как глаза начинает печь.

Детство у неё было ужасное. Пьющие, вечно дерущиеся родители, странные и страшные ситуации, голод и какая-то невозможная аура позора, вызывающая соответствующую реакцию у окружающих.

А потом ещё и сестра появилась. Женя была подростком и злилась на мать. Как она могла вытащить на свет ещё одну несчастную? Зачем? Чтобы страдала и малая, и все вокруг?

Женя часто срывалась на сестре.

Ей очень жаль, что не получилось во мраке стать для неё лучиком света.

Не получилось быть сильной.

Потом они попали в детский дом.

Женя собиралась забрать сестру, как только устроится. Много работала, много училась, но мелкую почти что не навещала. Предпочитала молча делать, чтобы потом забрать, а не отдавать час икс бессмысленными встречами.

Да и такой она человек. Ей проще держаться на расстоянии.

Не вспоминать о прошлом, не беречь старые раны.

Вскоре все вокруг стали уговаривать её не забирать мелкую. Ведь ребёнок точно всё усложнит. Даже не её ребёнок. Стоит ли оно того?

Женя и вправду стала сомневаться.

А потом... потом попала сюда.

И теперь всё повторяется.

— Прости... — она кидается к Анне, — я не хотела...

По щекам текут слёзы, пальцы неумолимо дрожат.

Зато Анна вмиг прекращает плакать, будто удивлённая этим поведением сестры.

Она гладит Женю по голове и целует в щёку, после чего обнимает её за шею и шепчет:

— Если ты не сердисься, то и я тоже...

Мать, глядя на это, в сердцах плюёт в их сторону, бормочет что-то неразборчивое и спешит во двор. Видимо, за коровой.

— Я хочу спать, — жалуется Жене малышка. — Я устала, пока пыталась её запереть в сарае. Она пыталась съесть мои косички.

— А я совсем забыла про тебя... — шепчет Женя.

Всё-то в их Джеком плане было прекрасно. Она отвлекает мать с женихом. Последнему даёт сложное задание, чтобы в будущем под ногами не мешался. Затем спешит улизнуть, чтобы продать корову.

Продаёт за бобы, садит их, забирается наверх и...

Что было бы наверху думать совершенно не хочется.

В любом случае Анна всё невольно испортила.

Женя зачем-то поднимает её, совсем лёгкую, на руки и идёт искать постель.

— Ты почему такая тощая?

— Ем мало, не хочется. Болею ведь... Не знаю... — звучит задумчиво. — Ты будешь со мной спать сегодня на печи? Не уйдёшь снова на пол? Там мама матрас соломенный положила новый. Мягонько и тепло. Ночи прохладные.

— На печи? — Женя несёт её теперь уже в нужном направлении. Впрочем, это громко сказано, в этой хибаре от одного угла до другого пара шагов. — Чем болеешь-то?

— Не знаю, — обнимает она её крепче и носиком утыкается Жене в шею. — Просто болею. Мама говорит, не повезло ей со мной. Что не выживу я такая, говорит. Поэтому и надеется только на тебя... Я не хотела вас сорить, прости.

— Перестань, — хмурится Женя, — даже не думай об этом.

Она не слишком-то разбирается в болезнях. Интересно, что не так с девчонкой? И можно ли ей помочь?

— А симптомы какие? — отпускает на печь.

— Сипомо что? — хмурится она и цепляется за влажный рукав её платья своими тоненькими бледными пальчиками. — Полежи со мной...

— Ну, как именно тебе плохо? Жар, например. Или болит что? Нет, я не могу... Мне надо спешить. Ты спи, я скоро вернусь.

— Ладно, — сонно бормочет она, хотя за окном всё ещё день и даже выглядывает солнышко. — Слабость просто... И простужаюсь часто. Иди... Только не пропадай больше.

Женя прячется за дверь, чтобы избежать разговора с матерью Джилл.

Та подходит к печке, кряхтя и что-то бормоча, и в самый удобный момент выходит улизнуть на улицу.

Дровосек где-то гоняет Джека, остаётся только надеяться, что лис выйдет из воды сухим.

Женя повязывает новенькую шаль на шею коровы и тянет за неё, направляя животинку в сторону города.

Точнее, остаётся лишь надеяться, что направление верное.

Солнце в зените. Печёт дико. Одно хорошо — платье высохло и не липнет к телу мерзким холодом.

Женя старается не размышлять ни о чём, кроме цели. Нужно найти этот рынок, продать корову исключительно за волшебные бобы и вернуться назад.

Она плохо помнит оригинальную сказку. Волшебник должен появиться по дороге прямо сейчас? Или в городе? Или на обратном пути?

Сердце начинает неровно стучат, когда Женя думает о том, кого должна встретить.

Интересно, как он выглядит и что ей скажет?

А что если всё поймёт и ничего не даст?

— Не загоняйся, — тянет она, — пока ты всё делаешь правильно. И скоро выберешься отсюда.

Несколько раз приходится останавливаться, чтобы корова передохнула и попила в ручье.

Её, наверное, можно выходить и даже добиться нормального удоя.

Но она не собирается тут задерживаться.

В конце концов, может, этот волшебник как-то поможет животинке...

Он же хороший? Или плохой? Он вообще появлялся ещё раз, после того, как расплатился бобами?

И зачем вообще это сделал?

Женя добирается до города и даже рынок находит, переговорив с милой женщиной, но всё сегодня оказывается закрытым.

То ли оттого, что она опоздала, то ли в принципе выходной.

Но, может быть, повезёт на обратном пути?

Уже выбившаяся из сил, Женя поворачивает назад. Корова протестующие мычит, на небе собираются серые тучи.

Интересно, как там Джек?

Вилли не угробил его?

И не собирается же он всерьёз искать хрустальные туфельки и жемчуг?

Женя даже не понимает, почему ей в голову пришло попросить именно это. Наверное, из-за Урсулы и мачехи Золушки — персонажей злосчастного спектакля.

Всё-таки приятно, наверное, быть на месте последней. Никаких особых напрягов, деньги есть, служанка-падчерица есть, дочери есть, которых можно замуж выгодно пристроить.

А главное, должно быть, там есть возможность принять ванну и не нужно отбиваться от женихов, разбойников и прочих...

— Да что ж такое... — Женя останавливается, уже зная, что совсем скоро увидит хибарку — свой новый дом. — Где этот индивид?

Но на дороге никого, только ветерок гоняет пыль, да корова застывает на месте, узнав родные места и не желая возвращаться домой.

И видимо так ей не хочется обратно в сарай, что сердце коровье не выдерживает. Ноги

её подгибаются и она, молча, заваливается набок поперёк тропы.

Женя вздрагивает и вскрикивает.

— Нет, нет... Как же я теперь?!

Глава 11. Сон

Корова лежит чёрно-белой костлявой горой на дороге. К ней бежит крупный рогатый жук. Но вот он начинает как-то странно подрагивать вместе с мелкой пылью вокруг себя.

Слышится шорох мелких камней под копытами и громкое фырканье лошади.

Она возникает перед Женей словно из неоткуда. Огромная, чёрная как смоль, с блестящей шкурой и шелковистой красивой гривой. А на ней всадник — высокий хорошо сложенный мужчина с чёрными словно ночное небо глазами, копной тёмных волос и аккуратной, будто в этом мире существует барбершоп, бородкой.

На поясе кожаных штанов висит хлыст с металлическим острым наконечником. Руки обтянуты коричневыми перчатками. Черты лица резкие и прямые, смягчаются внезапной обаятельной улыбкой, хотя взгляд его по-прежнему убийственный.

— Что ты делаешь, — надо же, а голос подстать внешности, бархатный и обволакивающий, при этом с различимой в нём сталью, — одна на улице? В этом месте, вдали от людей... Это опасно, разве не знаешь? — он не останавливается, говоря это, а кружит вокруг на своей яростной и прекрасной, будто она вышла из самого Ада, лошади.

Женя даже кладёт руку на сердце, чувствуя, как едва ли не задыхается под взглядом незнакомого мужчины.

В прежней жизни ей редко кто нравился, но даже в такие моменты она старалась выказать холодность и безразличие.

Сейчас сил нет даже для этого, и она улыбается.

Что ж... люди до сих пор спорят, даёт ли красота какие-то привилегии.

Скорее всего да.

Она замечает, что даже голос выделяет более женственный в присутствии этого...

— Как тебя зовут? То есть... Я здесь живу. Тут рукой подать. У меня, — опускает взгляд, — корова сдохла...

— Дышит ведь? — он спешивается и лошадь замирает рядом, словно мраморное изваяние.

Ткнув корову носком сапог — чистых сверкающих сапог... — мужчина отступает и хмыкает.

— Она заснула. Будто ты её не пасла, а по полю гоняла весь день... Где, — пронзает он Женю взглядом, — живёшь? Показывай! Я ещё не проверял эту местность. Чужаков не встречала? Если что, та жалкая шайка бандитов из леса не интересуется. Уже...

— Дышит! — довольно вскрикивает Женя, не помня себе от радости. — Э... мне просто её продать надо. Я её на рынок тащила, но там никого сегодня. А про разбойников слышала... слышала что-то про таверну, в которой они были.

Женя прищуривается, собираясь узнать, точно ли речь идёт про дружков Джека.

Но мужчина красноречиво возводит взгляд вверх и в сторону, хотя кроме этого больше ничем не выдаёт своих эмоций.

— Сказал же, они уже не интересны. Среди них нет того, кто мне нужен, я уверен... Держи, — вынимает из кармана мешочек, а уже из него пару монет. — Не думаю, что ты дороже продала бы... Идём, — подхватывает свою лошадь под уздцы и, по всей видимости, думает, будто Женя теперь оставит корову лежать здесь.

Женя смотрит на монеты несколько секунд так, будто это шелуха от семечек.

— А кто нужен? Я покажу, где дом, но мне надо Марку поднять. Или как там её...

— Убийца, — звучит задумчиво его голос. — Не пойму, кто-то из местных или нет...

Но тех уже проверил. Девушки пропадать стали. Ну, в основном девушки, хотя тот мальчик... Бедняжка... Так, ладно, — он снова пинает корову, правда осторожно, будто просто проверяя, действительно ли жива. — Сейчас...

Монеты он сам вкладывает Жене в ладонь, бесцеремонно и очень уверенно взяв её за руку. А затем... Обхватив корову за шею, едва ли не ставит её на ноги. По крайней мере, со стороны создаётся такое впечатление, потому что корове становится проще поддаться ему, чем продолжать лежать.

«Му-у» — звучит растерянное и протяжное, и корова... послушно идёт за ним.

— Лошадь мою держи, — бросает он Жене через плечо, направляя корову вперёд по дороге, не позволяя ей снова лечь. — Вы что с животинной сделали, мм?

А Лошадь тем временем тенью вырастает над Женей и недовольно фыркает ей в лицо.

— Я могу то же самое спросить.

Деньги она сжимает в руке, от монеток сильно пахнет железом. И как будто кровью.

— Она... будто из ада выскочила.

— Ада то? — усмехается он. — Ну да, знаю, — говорит тоном таким, словно так оно и есть. — Адушка моя такая. И норы соответствующий... Звать, говоришь, как тебя?

— Её так зовут?

Теперь Женя ведёт лошадь с ещё большим опасением.

— Же... Джилл. Меня зовут Джилл.

— А я Карсон. Можно просто Сон, — представляется он в ответ и, сощурив глаза, кивает в сторону, где вдали, не понятно как, разглядел между густых зарослей её хижину. — Твоё жилище? Чего так далеко от всех? Особенно сейчас... Советовал бы тебе на время перебраться к кому-нибудь.

Она вздыхает.

— Как только жених достанет мне платье, расшитое жемчугом и хрустальные туфли — перееду к нему. А что... это нормально вообще? Часто люди пропадают?

Забавно, что первый известный серийный убийца — английский продукт.

Джек-Потрошитель, кажется.

Но сейчас едва ли то время, когда вообще есть такое понятие.

Чёрт, то с коровой проблемы, то с женихом, теперь ещё и это...

— В такую глушь как раз таки едва ли кому-то в голову придёт забредать, Сон. Забавное имя. Меня можно просто Женя.

Ну а что? Звучит похоже.

— Хорошо, Женя, — похоже звучание имени несколько его не смущает. — А про глушь зря ты так. Прятаться-то убийца будет там, где не увидят его да жертв не найдут... Уже пропало пять девушек и, к сожалению, один юноша. Все примерно твоего возраста. А про туфельки ты забудь такие, — добавляет вдруг, не меняя делового тона.

— Почему? — удивляется она.

— А что, — поворачивает он к её дому и ускоряет шаг, замечая открытую калитку, — ты будешь в них делать, лежать?

Это что, поговорка местная такая?

— Ну, ты прямо как мать. Моя мать, — хмурится Женя. — Неважно, что я буду в них

делать. Дело в поступке мужчины, в приложенных усилиях. Да и даже если лежать? Что не так?

— С голоду погрёшь, — следует простой и лаконичный ответ.

И на пути у них появляется испуганная мать.

— Джи... — она осекается, во все глаза глядя на мужчину, на корову в его руках, на лошадь в руках дочери, на саму Женю... И шумно сглатывает. — Ах, Карсон, это вы! Наслышана о вас. День добрый, уважаемый, — едва ли не кланяется она ему и спешит перенять корову. — Что это вы... Ой. Ах, как же так... Что... О нет, моя дочь что-то натворила? Ой, — плещет руками, и корова спешит отойти от неё как можно дальше, — нет, она попала в беду, а вы спасли её?!

А сама бросает на Женю... одобрительные взгляды.

— Нет, всё куда проще...

Он собирается сказать что-то ещё, да позади них раздаётся шум, а там и голос, возмущённый голос Вилли:

— Джилл! Я... Я вернулся. А... что вы... Что здесь происходит?!

Он снимает с седла тёмную лисью шкурку и словно пытается взглядом прожечь в Карсоне дыру.

Глава 12. Страшный гость

— О нет!

Этого не может быть!

От осознания того, что Джека всё-таки прибили, Женя пошатывается и вдруг чувствует, что начинает терять сознание.

Раньше с ней такого не случалось.

Но Карсон вмиг подхватывает её на руки. И присаживается так, чтобы опустить Женю себе на колени и, придерживая её одной рукой, другой несильно, но неприятно похлопать по щеке.

— Женя... — его взгляд чёрных, завораживающих глаз на одно мгновение становится обеспокоенным.

Мать замирает в стороне, с видом таким, словно наблюдает за прекрасным чудом.

А Вилли бледнеет от злости.

— Это моя невеста! — протестует он.

И Карсон одаривает его недобрым, жёстким взглядом.

— Мне бросить её в грязь? И туфельки где?

Вилли отступает в замешательстве.

— Что?

— Хрустальные, — фыркает он от сдерживаемого смеха. — Не волнуйся, — говорит матери Джилл, — она наверняка это от созерцания свежесодранной шкуры.

— Да-да, с ней такое случается, — охотно соглашается та.

К сожалению, Женя приходит в себя. И не в своей комнате, даже не в гримёрке ТюЗа...

Вновь унылый пейзаж, унылые сельчане и...

Тёмный взгляд Карсона прожигает насквозь.

— Звучит, как Карлсон, — шепчет она, будто бредя. — А он убил его... Как же так?

— Карлсон убил? — морщится Сон от недоумения, но сразу же всё списывает на её состояние, а затем и на жалость, видимо, к лису. — Девушки... На охоту тебя брать нельзя, видимо, — шепчет так, словно собирался. И помогает ей встать на ноги, но руку с её талии убирать не спешит.

Вилли же бросает шкуру к её ногам.

— Вот, я слово сдержал. Жди остального, — и с оскорблённым видом, отмахнувшись от её матери, седлает свою лошадь и уносится прочь.

— Как-то, — лепечет мать, — неловко вышло... Ах, что же это я, — приглашающим жестом указывает Карсону на дом, — прошу вас, окажите честь.

Женя бы попыталась выяснить, кто их незваный гость такой, но в её мыслях сейчас есть место только для Джека.

Вниз она не смотрит, боится, что станет только хуже.

Это ведь она его заколдовала. Собственными руками. А теперь Вилли...

Совершил убийство.

Человека.

Из-за неё.

Бедный Джек!

— Мне что-то... — шепчет она Карсону, — дурно...

Он кажется ей самым разумным и безопасным здесь. И ухватиться бы за него, да время неподходящее.

Он снова подхватывает её на руки и спокойным тоном, можно даже сказать, почти ласковым, заверяет:

— Ничего страшного. Не смотри вниз... Я отнесу тебя... домой? — бросает вопросительный взгляд на мать Джилл.

И та спешит к дверям, да пошире распахивает их, время от времени заставляя себя изображать беспокойство за дочь.

— Вот так, — войдя в дом, осторожно усаживает Сон Женю на лавку у окна. — Воды? Принеси ей воды, женщина, — бросает, не глядя, в сторону её матери.

И та спешит зачерпнуть кружку стылой воды из ведра.

— На... — подаёт Жене, сдерживая...

Да, сдерживая улыбку.

Она отпивает.

— Этот человек говорил о том, что девушки пропадают... Нам нужно быть осторожнее, м... мама. Где Аннушка?

В сторону Карсона она не смотрит.

Будто смутившись.

— Сидит в уголке, играет с клубочком, — тянет мать ласково и бросается к столу, принимаясь заворачивать для гостя угощения.

— Вы, — говорит она, — верно спешите. Вот, выпейте пока, прошу, — наливает ему что-то в кружку, — да закусите. Мясо есть у нас. Сыр. Хлеб свежий. Я вам с собой заверну и подарок ещё...

Он пробует угощение, не отказывается, хотя на её старания и смотрит скептически.

Так же смотрит и Анна, впалых глазах которой всё явственнее загорается голод...

— А что с девушками, а причём тут мы? — продолжает приговаривать мать. — Мы далеко, никого не трогаем, нас никто не трогает. Но за беспокойство спасибо.

— Я просто проверял территорию, — произносит Карсон, не желая примерять на себя роль заботливого героя просто так. — И из того, что слышал и увидел здесь, могу сделать вывод, что вам нужно переехать. Хотя бы на время, — хотя судя по его взгляду, которым он окинул жилище, Сон сдержался, чтобы не посоветовать его сжечь.

— Некуда нам, — вздыхает она, всучая ему в руки кулёк с продуктами.

— К соседям хотя бы.

— Люди злы

— На вас лично?

— Суть у них такая, — ворчит она, голос становится резким, не выдерживает мать долгой игры. — Суть злая.

— Что ж... — он ещё раз осматривает комнату и отходит к двери. — Моё дело предостеречь. Всего доброго.

И медленно, едва заметно кивает отдельно Жене:

— Береги себя.

Дверь закрывается за ним, он не дожидается ответа, а затем снаружи раздаётся ржание адской лошади, и наступает тишина.

Которая длится не долго, так как мать тут же хватается Женю за плечи и едва не

задыхается от эмоций.

— Вот молодец, девочка! Так и надо. Это ж надо, нарасхват пошла! Такого мужчину в дом привести... Обзавидуются все! Он держал тебя на руках, — загораются её глаза восторгом. — Руки его очень крепки, да? Очень!

Женя ничего не отвечает. Только удивляется, какого чёрта мать Джилл такая рисковая. Разве не понимает, что в их положении женихами раскидываться нельзя?

И Вилли жалко...

Как же он умудрился Джека-то поймать? А это точно разбойник, ведь едва ли здесь много чёрных лис.

Она всхлипывает и идёт к сестре, решив переключить на неё внимание.

— В другой раз расскажу тебе сказку, Анна, сейчас давай просто полежим...

Она гладит сестру Джилл по волосам, желая провалиться в сон.

Но в доме душно, а мысли о разбойнике душат.

Наконец, Женя поднимается, чтобы пойти посмотреть на тушку. И устроить похороны. Она задерживается у окна и вздрагивает — в полумраке мимо кустов будто кто-то пробегает. Убийца?

Глава 13. Живая шкурка

Спустя пару минут во входную дверь кто-то тихо ударяет. Или скребётся? Звуки напоминают нечто среднее между тем как, если кто-то пытается взломать замок или кот точит когти.

— Джилл или кто ты там, — раздаётся вдруг голос Джека, — открой! То есть, выйди! Эй... Надеюсь, ты не спишь. Знаешь, я что-то слышу, и чую тебя, кажется. Хотя запах от коровы исходит от вас всех. Я тут понял, что теперь обладаю неведомой людям силой... Хотя от этого порой тошнит. Как вспомню вашу корову, так вздрогну.

Он бы рассказал ещё, как носился по лесу от Вилли, как звериное чутьё и инстинкты затмевали человеческий разум. Джек даже опасается теперь, что так и вовсе может потерять себя под лисьей шкурой. Как в один из моментов, когда устал и выдохся, лицом к... То есть, мордой к морде столкнулся с другой чёрной лисой. Словно остановившись перед неправильным — ведь он человек! — зеркалом. А затем она шмыгнула в сторону, и странно, коротко затыкала...

Кому расскажи, не поверят! Джек, главарь разбойников — пусть и мелких, но сам он так никогда не скажет, как и не признается, что лично он ничего страшного и серьёзного не совершал — душа компании, пират на суше! А испугался лесоруба. И настоящей, чёрной лисы, которую забили вместо него.

От этого до сих пор мурашки бегают по шкуре!

Или...

Не дожидаясь, пока дверь в дом откроется, Джек яростно принимается чесаться.

— Чёрт. Только не это, — бормочет, работая когтистой лапой, — нет. О нет!

Женя даже не замечает, как слёзы начинают течь по щекам. Она, бледная и сонная, открывает дверь и выбегает на улицу, чтобы не разбудить сестру и мать Джилл.

— Ты... — шепчет, ещё толком не разглядев лиса, — ты жив!

— Жив, — усмехается он, и серьга на ухе сверкает под лунным светом. — Ещё бы! Я не подохну в виде лисы! А... — замечает её слёзы. — Ну... Обнимемся? — и, не зная как исполнить это, начинает крутиться у её ног.

— Я... не уверена...

Она неловко гладит его худоватую спину и счастливо улыбается.

— Я думала, что руки теперь в крови... Но раз это не так надо придумать, что делать дальше.

Он как-то раздосадованно твякает.

— А я то думал, за меня волновалась! А ты о чистоте рук заботилась? И вообще, нечего сейчас думать, надумалась уже меня в лиса превращать. Спать иди! Утром увидимся.

— А ты...

Жене хочется спросить про Сона, но тут в доме что-то грохочет, и она спешит вернуться, зачем-то помахав Джеку на прощание ладошкой.

Дом Карсона большой и крепкий, за высоким сплошным забором. С охраной из пяти огромных псов, которых он любит, как поговаривают местные, больше всех на свете. Точнее сказать, лишь их и любит...

Они, грозные и внушающие в сердца людей страх, рядом с ним превращаются в игривых щенят, коль он того захочет. Барабают хвостами, скулят и тявкают, выпрашивая ласки. И он треплет их по холке с тёплым смехом. И сам кажется в такие моменты ещё более притягательным и совсем не отталкивающим.

Вот и теперь он спешивается, заводит Аду свою в стойло, кормит, поит и оставляет там.

Нет, про псов люди погорячились так говорить. Лошадь свою Карсон любит куда сильнее.

Он расчёсывает ей гриву, проводит там какое-то время, убеждается, что всё в порядке и направляется к дому. У высокого крыльца которого сверкают оранжевые глаза и блестят чёрно-белые шкуры. Псы тянутся к нему, стараясь лизнуть его руки, но Карсон лишь рассеянно, мимоходом проводит ладонью по голове одного из них. И скрывается за тяжёлой дубовой дверью.

В прихожей он вешает светильник на крюк на стене, сбрасывает сапоги, зачерпывает кружкой из ведра прохладной, колодезной воды и шумно пьёт её, не обращая внимания на стекающие по подбородку и широкой шее прозрачные ручейки.

Рукавом небрежно вытирает рот и чёрную аккуратную бородку, отчего-то устало вздыхает и проходит к себе в комнату, где валится в постель прямо так, не снимая одежды.

День выдался без особых происшествий, но отчего-то Карсону беспокойно.

Или дело в той девчонке? Женя... Странное имя.

Странно и то, что не выходит она у него из мыслей. Такая необычная, будто чужая здесь, будто замёрзшая, растерянная, бедная... Голодная.

Ему не нравится то, что лезет в голову. Раз уж думать о ней, думать о том, как красив её голос, какая она нежная, как соблазнительно выглядит...

Но мысли вновь возвращаются к страшной корове, нелепой матери и полуразрушенному дому. А ещё к лисьей шкуре и лесорубу.

Что там у них вообще происходит?

Карсон словно в другом мире побывал. Он осматривал территорию, пытался найти хоть что-то, за что мог бы зацепиться его ищейкин взгляд, на что могло бы указать чутьё. А в итоге стал свидетелем глупой, жаркой ревности, убийства лисы, падающих без чувств девиц и мелких да крупных бытовых проблем...

Будто не знают люди эти, что вокруг пропадают девушки и юноши. Почти дети. Что Карсон, в недалёком прошлом известный охотник за головами, пытается выяснить, кто виновник. А ему ни слово почти об этом, ему чарку наливают да одаривают! И зачем, почему?

Он горько усмехается, во взгляде начинают плясать черти.

Потому что наверняка хотят, чтобы вернулся. На девчонку ещё раз посмотреть вернулся!

Только это заботит их. Что ж...

Он поворачивается на бок и закрывает глаза, ухмыляясь своим мыслям.

Что ж, понять можно. С одной стороны, может и лучше, что паники нет. Проще будет заметить что-то или кого-то, кто выбивается из привычного уклада вещей. Проще в порядке обнаружить нужную тебе деталь, чем в хаосе пытаться углядеть её да схватить.

Только вот завтра праздник в честь первого дня лета.

Местные наверняка, как и каждый год, устроят гулянья. Глупые...

Карсон всем естеством своим чувствует, что добром это может не кончиться.

Глава 14. Спасение коров — дело рук попаданок!

Взвинченное состояние не даёт Жене долго спать. Ей снится дом, одноклассник, сестра, театр, снег... Снится список с бобами, рогатым скотом, дровосеком, великаном и кем-то там ещё. В мыслях то и дело мелькает: «как бы не испортить сказку, как бы не опоздать...».

Так что нет ничего удивительного в том, что она встаёт раньше матери и сестры Джилл и выбирается на улицу, чтобы найти Джека.

Пока солнце не стало палить, стоит вновь попытать счастье с Мурёной. Или как там её?

Джек выбирается из-под крыльца сразу же, как слышит её шаги. Навостряет уши и смотрит вопросительно, отчего-то то и дело вглядываясь в её руки и заглядывая ей за спину, словно Женья могла там что-то прятать.

— Ну?

— Что? Пойдём? — она зевает и передёргивает плечами. Пока не сошла прохлада, не прогулка должна согреть.

— Какое ещё пойдём? Куда? Ты... понимаешь, — понижает он тон, теперь уже с опаской косясь на дверь дома, — что я дико голоден?

В ответ в животе бурчит и у неё.

Так называемая мать вчера ведь кучу всего надавала Карсону, а остатки спрятала (хоть тут ума хватило!). Впрочем, даже если бы еда была на виду, дикая антисанитария и её воплощение — мухи, отбивали любой аппетит.

— И что? — хмурится она. — Ты ведь животное, сам сказал. Поймай себе кого-нибудь.

— Так я животное по твоей вине, — твякает он, — так что не надо тут слова мои выворачивать! Я не собираюсь сырых белок есть! А даже если поймаю, приготовить не смогу, у меня... лапки! — выпаливает он и поднимается на задние лапы, чтобы показать ей передние в качестве наглядности. — Не видишь?!

— Ладно, перехватим что-нибудь на рынке, — присаживается она, чтобы погладить лиса между ушей. — Я воровать особо не умею, но надо же входить в роль... Потерпишь?

— В какую роль? — не понимает он. — И какой рынок? Сегодня рынок закрыт. В смысле, будет праздник, конечно, там много кто продаёт всякое, но не потянешь же ты туда корову свою! Тебя прогонят просто, помани моё слово.

— Как закрыт? Опять? И какой ещё праздник? Слушай, я не могу тут так долго торчать...

— Ты, — вздыхает он, — как с луны свалилась. Первый день лета празднуем! Хотя, — тянет с сомнением и оборачивается, будто отсюда надеясь разглядеть приготовление к торжеству, — не уверен, будет ли народ на площади собираться... Время беспокойное. Но всё-таки, чует моё сердце, никого это не остановит.

— Да, Сон говорил про девушек, которые пропадают. Жуть какая. А кто он такой, кстати? Такой, ну, красивый, с чёрной лошастью. Из Ада.

Она выпрямляется и начинает нарезать вокруг Джека круги, заламывая руки.

Он поначалу следит за ней взглядом, но затем, видимо, его начинает мутить и Джеку приходится опустить голову.

— Бывший охотник за головами. Очень грозный тип, опасный. Несколько лет уже как встал на сторону закона и следит теперь за порядком. Все эти земли, можно сказать — его ответственность. Люди его обожают настолько же, насколько опасаются. Ты бы близко к нему не подходила от греха подальше.

— Раз он такой крутой, почему до сих пор не поймал маньяка?

— В том-то и дело, сложно всё и загадочно! Зацепок почти нет, говорят, — таинственным тоном отвечает ей Джек. — Да и времени прошло ни так много... Не вовремя ты здесь оказалась, вот, что я скажу! Так что... Давай-ка решай, что делать будем. Я ещё свой облик вернуть хочу! — торопит он, а сам сглатывает голодную слюну и косится на дверь дома уже иным взглядом, раздумывая, не разорить ли его, как лисы разоряют курятники.

— Да принесу я тебе, принесу! — всплёскивает Женя руками. — Только это... может потом всё же в город? Там просто встретить кое-кого надо.

— Да ладно, пойдём. Мне уже всё равно. Я очень хочу есть, Жел, — пытается он задобрить её, вспомнив то странное имя, и морщится, надеясь, что произнёс правильно.

Она кивает, улыбается скомкано и тихо заходит в дом. В закромах находит копчёный окорок и кусок чёрного хлеба. Сглатывает слюну и собирается выйти, но дорогу преграждает пошатывающаяся мать.

— Куда это ты, а? Воровать у родной семьи вздумала? — упирает она руки в бока.

— Чего? — Женя хлопает ресницами. — Поесть нельзя?

— Это ты одна слопать столько собралась? А о сестре подумала?! А обо мне? А ну, положи, откуда взяла! Это я на случай гостей припрятала. Вдруг, — срывается с её губ мечтательный вздох, — вернётся ещё? Праздник же.

— Значит, кого попало мы кормить будем, а себя — нет? Там ещё есть. Для сестры. Ты... что с тобой не так вообще? Живёшь в хлеву, последнее раздариваешь, корову до полусмерти довела!

— Поговори мне тут! — наступают она угрожающе. — Пигалица, это ж надо, упрекать меня вздумала! И человек тот, не абы кто! Я ж для тебя, дурёха, стараюсь.

— Мамочка, — раздаётся слабый голосок Анны, — Джилл, вы опять ругаетесь?

— Я на праздник пошла, — Женя машет на мать Джилл рукой, — может, там кому корова нужна будет. Отойди.

— Не смей! Не смей её туда вести, опозоришь нас! Там сейчас все в нарядах лучших, со всем лучшим, а ты этот ужас показывать собралась?

— Да какая мне разница! Корову надо продать, не понимаешь?

Женя замахивается окороком.

И мать выхватывает его из её руки.

А на печи начинает плакать Анна, испугавшись назревающей драки.

Женя цокает.

— Я слышала, Карсон говорил, что ему худые не нравятся!

— Да? — замирает она. — А... Ну, конечно! Такой мужчина! И деток он, наверное, много хочет. На, — возвращает ей окорок. — Кушай, детка. Умница! Так бы и сказала мне, а то я уж надумала невесть чего... Ступай, воздухом подыши, поешь, чтобы румянец на щёчках был.

— Ага.

Женя не видит смысла с ней спорить, хотя гнев и недоумение так и кипят под кожей.

Скоро-скоро она окажется дома и забудет всех этих личностей, словно страшный сон.

— Джек? — зовёт, отойдя подальше от дома. — Смотри, что у меня есть.

Он выпрыгивает из-под ближайшего куста и на лету вгрызается в окорок, выхватывая его из Жененой руки.

— Прости, — ворчит, отрывая от кости мясо, — я поделюсь, я оставлю и тебе. Просто... — жуёт, — подыхаю от голода. Спасибо.

— Приятного аппетита, — вздыхает она, всматриваясь в хлеб, прежде чем отправить его в рот. — Не оставляй, не надо... Это ведь мясо, мало ли какие палочки в нём, обойдусь.

Женя с тоской вспоминает про девочку на печи и решает обязательно хоть как-нибудь помочь ей, прежде чем вернуться в свой мир.

Надо выяснить, чем она болеет.

— Нет здесь никаких палочек, — хрустит он уже костью, но спохватывается и часть неё выплёвывает будто бы со смущением. — Что-то я... совсем уже. Ну, — присаживается Джек у её ног, — что делать будем? Может к ведьме пока сходим?

— Ведьма, да, тоже надо... А как же город?

— Да куда тебе сейчас, зачем? — отмахивается он. — Праздник сегодня, ничего не сделаешь. Только в историю какую влипнешь. К чему рисковать и терять время?

— Да, ещё и девушки пропадают... А не ведьма ли их крадёт для ритуалов? Сон что, не подозревал её?

— А мне почём знать? — хмыкает он. — Но, думаю, ведьм он в принципе недолюбливать должен. Так что нам бы уйти туда в тайне. А то мало ли... Придётся потом ещё и от Карсона бегать!

— Ага, уйдём в тайне и не вернёмся. Да-да. На такие случаи обычно в моём мире фотографируют номера подозрительного человека. Или его самого или даже паспорт. Слушай, там же именно девушки пропадают. Ну и мальчик вроде один. А что если они все были у колдуньи, за ворожкой там всякой, а она их на кровь стала пускать? Чтобы, скажем, помолодеть.

— Всякое может быть, — однако в голосе его сомнение. — Только вот, зачем ей так себя подставлять? Она осела здесь, местные привыкли. Ни к чему, вроде, на себя гнев людей навлекать. Как бы с вилами на неё не пошли... Куда ей потом? Нет, не думаю... Вряд ли. Хотя, кто этих ведьм поймёт, верно? — и подмигивает Жене, ухмыляясь. — Ну, что, пошли?

Она кивает, но затем хмурится и останавливается.

— Нет, погоди, надо сначала корову проверить. А то она вчера упала... я думала, что умерла. Ей же тут никто воды не нальёт, как я понимаю.

— Да сдалась тебе эта корова! — однако уже понимая, что отговаривать Женю нет смысла, он решает не спорить и плетётся к сараю следом за ней. — Давай, быстрее только...

— Когда ты уже запомнишь? Корова — ключ к нашему спасению! И вообще, это священное животное.

Она с облегчением обнаруживает бурёнку живой и отправляется на поиски съестного. То одного корми, то другую... В сарайчике-коморке находится тупой серп, но им работать всё же удобнее, чем руками. Женя нарезает траву, сгребает в охапку и относит к стойлу. Это приходится повторить ещё три раза.

— Думаешь, достаточно? — с сомнением выдыхает она, стрельнув глазами в Джека.

Он, наблюдая за ней всё это время скептическим взглядом, вздыхает и тут же жалеет об этом, кривясь.

— Фу, ну и вонь... На день недостаточно, кроликов так кормить можно, но не корову. Однако лучше, чем ничего. Но вот как бы она не задохнулась там, да с ума не сошла из-за мух...

— Ну, она ведь не сходила с ума всё это время, — хмыкает Женя, будто обидевшись, и решает набрать ещё несколько охапок травы.

Солнце уже начинает припекать, только усиливая вонь.

— Да? А кто сказал, что корова падала? — склоняет он голову набок.

— Тогда будешь её держать за шаль зубами, пока я буду там убирать... Это как ещё матушка местная не заметила, что с подарком Вилли случилось...

Джек, тявкая, начинает смеяться.

— Она просто на другого жениха переключилась, видимо. Давай, хорошо, помогу... — и с брезгливостью подходит к корове.

Женя не знает, сколько времени уходит на уборку, но солнце сияет уже высоко в небе, и белые облака нисколько не умоляют его лучей...

Она, замотав тряпкой лицо, выскребла весь загон, выкопала яму и туда снесла навоз, посчитав, что в будущем рукастый человек смог бы сделать из этого удобрение.

Не слишком приглядные доски застелила травой, оставила объёмную охапку её же на корм корове, налила полное корыто холодной воды.

— Всё.

Джек одобрительно кивает, принимая её работу.

— Аж сам устал. Я помог бы тебе, если бы мог, ты не думай! Но... Ух, повезёт же кому-то с тобой! А внешне слабенькая. Ну, идём... Как только мать твоя нас не проверила до сих пор! Спит, что ли?

— Да, я не удивлюсь...

Женю изрядно раздражает, что запах, наверняка, сильно впитался в кожу и волосы. Такое просто водой не отмыть, а мыла...

— Как я понимаю, у вас нет, — шепчет она, следуя за лисом, после того, как заперла корову и погладила её между глаз. — Вы и мыться то боитесь, наверное. Я что-то такое слышала.

— А зачем? — отзывается он просто, выводя её на узкую тропку. — Если надобности особой нет, мыться и не нужно. Но не боимся. Чего бояться?

— Что вода смоеет вместе с грязью ваши души... — ухмыляется Женя, и глаза её на миг сверкают, словно у ведьмы. — Мне бы такую штуку, от которой вода пузырится, знаешь?

Нет, ну они же в слегка волшебном мире, может быть, здесь не будет всё так уныло, как в настоящем средневековье. И не придётся, например, одежду стирать мочой.

— Хм, — задумывается Джек. — Золу заварить можно. Ты про золу? Она пенится. Волосы помоешь ею, пышные да густые становятся!

— Зашибись, — вздыхает она. — Ладно, напхни мне потом у ведьмы хоть каких-нибудь пахучих травок спросить. Значит, выгадать, как попасть домой, как тебя расколдовать и... как не вонять. Такой вот план на сегодня.

— Отличный план, — отчего-то подпрыгивает он, что замечает не сразу и смущается. — Ох уж лисьи повадки... — бормочет себе под нос, и вдруг поворачивает в густые заросли. — Не отставай!

Женя спешит за ним.

— А идти далеко-то?

— Не очень, я короткий путь знаю, — заверяет он.

И действительно, не успевают они как следует устать, а солнце склониться поближе к горизонту, среди зарослей папоротника, кустарников и высоких трав начинает просматриваться узкая, будто звериная тропка. Она виляет и бежит вверх холма. И Джек ведёт Женю, ступая строго по дорожке, пока та не становится шире, более вытоптанной. И теперь заметно, что ходят по ней не только звери.

И всё же вряд ли у ведьмы часто бывают гости... Вон, даже кусты ежевики растут нетронутыми, хотя до ягод лишь руку протянуть.

Домик, что вырастает перед ними будто из неоткуда выглядит странно. Слишком низкий, с крышей сплошь заросшей мхом, круглыми оконцами и... Практически куриными ножками-балками из дерева, на которых возвышается над землёй. Крыльцо тоже деревянное, крутое, с узкими ступенями.

Джек медлит у них в нерешительности, прижимает к затылку уши. Видно, что беспокойно ему, пусть и храбрился до того и первым рвался сюда.

— Ну, — косится он на Женю, — поднимайся, звони в колокольчик... — кивает на тёмный шнурок над дверью. — Авось повезёт.

Глава 15. Банный лист

Женя выгибает бровь, выдыхает и всё же спешит потянуть за шнурок, бросив шёпотом: «Надеюсь, это не хвост ослика Иа, а то чёрт ногу в этих сказках сломит...»

Она вспоминает, что всё ещё не видела себя со стороны. Точнее, не видела Джилл.

И если местная ведьма их не угробит, вдруг у неё найдётся зеркало?

И как она сама выглядит? Как Баба-Яга?

Но дверь ей открывает высокая женщина в серых лохмотьях, в которых не сразу можно различить платье. Столько юбок на ней надето, и такой рваной, будто многослойной кажется длинная накидка. В волосах её, таких же тёмно-серых, лишь пара прядей седины, но лицом молода. А глаза сияют холодной синевой. Она окидывает Женю оценивающим взглядом, который переводит и задерживает на лисе, и улыбается.

— Джек, ты ли это?

Он жмёт уши к голове и отступает на шаг.

— Ну, вроде того, не совсем, если так подумать, — ворчит в ответ.

Женя на удивление улыбается. Надо же, настоящая ведьма! А вдруг она... ну... та девушка со спектакля.

Теория, что все попали в один и тот же мир, никак не даёт покоя.

— Дранные детишки, плохой сценарий, — подмигивает женщине, — ТЮЗ. Ничего не напоминает?

Но она лишь с подозрением и интересом щурится.

— Какие-то новые заклинания создаёшь, ведьмочка?

— И даже мужика с бородой не знаешь? — хмурится Женя.

— Знаю! — будто радуется она. — Он что-то передал мне? Ты его видела? Когда?

Женя от напряжения даже хватается ведьму за руку.

— Мороз, да? Ну, Дед... Мне поговорить с ним надо!

— А? — хлопает та подведёнными чёрным глазами. — Что? Нет... Ах, зря меня взволновала! Нет, какой ещё Мороз? Из сказок который?

— Знаешь, всё-таки? Он меня сюда отправил! Вернуться хочу...

Женя уже понадеялась, что её поймут, ведь распознать Джека для ведьмы не оказалось проблемой.

Но она перекидывается с лисом красноречивыми взглядами и отступает, будто собираясь захлопнуть перед непрошенными гостями дверь.

— Я не понимаю о чём ты, девочка.

Женя выдыхает:

— Ладно, мне нужна помощь. Надо тогда по порядку... Ты сказала, что я ведьма? Мне нужно что-то с этим сделать. И ещё найти волшебника и... мыло.

— Стой-стой-стой, — нараспев просит она и морщит носик, словно в ответ на последние слова Жени. — Проходи, и скажи для начала, зачем это мне? — и сторонится, чтобы пропустить её в дом.

— Ну, я согласна на условия, которые ты выставишь, если они будут разумными, — отвечает напряжённо, догадываясь, что с ведьмами лучше быть поосторожнее.

Та усмехается, и ногой заслоняет лису проход.

— О, нет, животным ко мне нельзя!

Он тут же отступает и поднимает на Женю вопросительную морду.

— Но он человек, — вставляет она. — Его расколдовать надо.

— Тебе надо, только ты и сможешь, — хмыкает ведьма и нехотя пропускает его в дом.

Жилище её оказывается на удивление светлым. Всё вокруг из дерева, пахнет тоже им, словно дом этот совсем недавно выстроили. Под потолком аккуратно развешены венчики белых цветов тысячелистника. На столе у окна стоит поднос с яблоками. Рядом дымящиеся кружки с чаем, будто ведьма и ждала гостей.

— Только... — вновь морщится она, разглядывая Женю. — Пока ничего здесь не трогай. Знаешь... прежде чем беседу вести будем, ты в баньку сходи, — и кивает на неприметную дверь в конце коридорчика. — Выйдешь на задний двор, увидишь. Я как раз так удачно затопила её, будто специально к вашему приходу!

— Правда? — глаза загораются радостным пламенем. — Но... Ты ведь не хочешь меня зажарить?

— Пока точно нет, — машет она ладонью перед своим лицом, — уж без обид, девочка.

— Класс!

Женя широко улыбается.

— Спасибо большое!

За указанной дверцей не оказалось ступеней, земля была вровень с порогом, словно дом ведьмы и не стоял на самом деле на балках-ножках.

Вокруг густой тёмный лес, а в отдалении низенькое каменное здание с запотелыми окнами, сквозь щели которых валит белый пар.

Лис, следуя за Женей, словно боясь оставаться наедине с ведьмой, радостно тявкает.

— Наконец то, сейчас как попаримся! Люблю это дело. Думаешь, мех мне не будет мешать?

Он явно намеревается зайти в баню вместе с ней, чему несказанно рад.

— Я всё ещё помню, как мы познакомились и, мне кажется, ты уже видел достаточно! И вправду лис! Но знаешь что? — она усмехается. — Ничем не вымоешь запах псины, привыкай.

— Считаешь я пахну псиной? А то... Это другое, это ведь банька! — протестует он. — Там не считается. Я вот, — скалится, пытаюсь улыбнуться, — не стесняюсь.

— Ну после меня пойдёшь, — отмахивается Женя. — Или ты хочешь, чтобы я тебя как котика мыла?

— А может хочешь?! — вскидывается он.

Но она хлопывает перед его носом дверь.

Он замирает в растерянности и досадливо чмыкает.

— Но я ведь не смогу помыться, у меня... лапки!

Следующий час Женя проводит с удовольствием таким, какое не испытывала уже давно.

Она находит несколько пахучих жидкостей и мазей в глиняных чашах, а ещё брусочек чего-то до боли похожего на мыло. Конечно, оно не пахнет шоколадом или ванилью, как-то, чем она привыкла пользоваться в своём мире, но всё же... Перспектива вывести въевшийся в кожу и волосы запах радует так, что хочется плакать!

Зеркала она так и не находит, но пытается разглядеть себя в отражении воды. Раньше всё было спешно и стрессово, теперь она может позволить себе застыть на несколько минут.

— Ой...

Приходится сдерживать себя, чтобы не вскрикнуть. В отражении Женя очень похожа на себя прежнюю. Свет здесь тусклый, а вода всё же не зеркало, может быть, это лишь иллюзия, приправленная воспоминаниями о тысяче тысяч раз, когда она расчёсывалась и одевалась, глядя на себя, когда рассматривала фото и видео с собой же.

— Почему всё так, Джилл? — невольно срывается с губ. — Где ты сейчас, и почему мы так похожи? Даже судьбой...

Никто, разумеется не отвечает. Женя прополаскивает волосы запаренной крапивой и со вздохом проходит пальцами по ногам. Джилл никогда их не брила, поэтому волосы мягкие и светлые. Непривычно, но едва ли кто-то из местных будет прикапываться к этому.

После того как она полностью выпарилась и триста раз намыливалась и смывала пену, надевать грязные вещи особо не хочется.

Быть может, ведьма одолжит что-то из своего?

Надеясь на это и помня, что наглость — второе счастье, Женя заворачивается в светлую ткань, что видимо тут служит полотенцем, и возвращается к женщине.

Кстати...

— А как тебя зовут?

— Ксия, — улыбается та, сидя на лавке у окна с кружкой в руках.

В комнате словно переменялась обстановка, но что именно не так, сказать было трудно. Дверь не той стороны? Венчики трав не там висят, где были? Или они и раньше покачивались над окном?

— Где твой помощник? — изгибает ведьма бровь и заглядывает Жене за спину. — Неужто и правда париться вздумал?

— Я его не видела... — оглядывает Женя «избушку». — Может, с него так шкура слезет... Где-то я и про такую сказку слышала.

— Не понимаю, про какие сказки ты всё время твердишь. И платье твоё где, девочка? — Ксия кивком подзывает её к себе и хлопает ладонью по лавке. — Присаживайся, да рассказывай.

— Где платье? Оно грязное, — Женя вздыхает и картинно морщится.

— Бедняжка, — кивает она понимающе, — что же приключилось с тобой? Я дам тебе своё, оно блеклое и старое, но подойти должно.

И вспархивает легко, словно ветер, и спустя пару минут вынимает из ящика за дверью серое потёртое, но вполне сносное платье.

— Спасибо большое! — Женя начинает светиться. — Ты веришь, что существуют и другие миры, да? И что человек из одного мира может попасть в тело человека из другого?

— Возможно, — пожимает она плечом. — Всё возможно.

— Ну вот... Один колдун из моего мира заморозил меня там и отправил сюда в чужое тело. Хотя оно и очень похоже на моё... Но это неважно. Эту девушку зовут Джилл, а меня — Женя. Понимаешь?

Ведьма сосредоточенно кивает в ответ, пронзая её внимательным колдовским взглядом.

— Мне нужно попасть домой. Я не уверена, как это можно сделать. Но знаю, что будет хуже, если я испорчу сказку. Просто... типа этот мир — мир, где происходит одна сказка известная из нашего мира. Про мальчишку, который попал на небо к великану, украл там золото и убил великана... — Жени вновь становится неловко из-за того, насколько подурячки это звучит. — Не очень понимаю, как можно испортить это. Но, наверное, мне нужно действовать по сценарию. А там нужно корову продать за волшебные бобы. Чтобы

они выросли и по ним можно было взбираться на небо... Вот...

Пытаясь хоть сколько-нибудь связно всё рассказать, Женя переодевается в чистое и вытирает волосы.

— Хорошо, — протянула Ксия, слушая её с ещё большим недоверием, но и таким же сильным любопытством. — Волшебные бобы меня не удивляют, звучит правдиво... Я всякое слышала, могу поверить. Так, но а от меня то ты, что хочешь?

Женя кивает обрадовавшись.

— Придержи мысль про бобы! А я... Ну, помимо того, что нужно не «сломать» сказку, должна думать, как вернуться домой. Может быть, найти этого мага и поговорить с ним. Ещё я не знаю, где прежняя хозяйка тела. И... сестра. Её сестра болеет, мне нужно выяснить, что с ней не так. Может быть, можно что-то придумать и в этих условиях. Потому что её мать, их мать, не знаю, как сказать, не будет всем этим заниматься.

— Так ты за снадобьем пришла? — будто радуясь этому, она принимается вынимать из кармана своей юбки всякие крохотные мешочки с травами. — Я дам, только, чем платить будешь? Может, лиса своего мне подаришь?

— Точно, лис! Его расколдовать надо. И что-то сделать, чтобы так больше не происходило. Ну и для сестры что-то да. И бобы. Что ты говорила про бобы?

— Да подожди с бобами, — отмахивается ведьма. — Лиса только ты и можешь расколдовать. Возможно, ты способна и с остальным справиться сама. Магию то развивать в любом случае надо, а то жди беды!

— Правда? — замирает Женя. — Почему?

— Как это, почему? — изгибает она бровь. — А почему птицы рождаются птицами, медведи медведями? Родилась ведьмой, так будь ею! Иначе плохо тебе станет. И лиса своего не расколдуешь.

— Но я здесь ненадолго, гражданство новое получать не собираюсь, — улыбается с толикой надежды. — Когда плохо станет?

Ведьма неопределённо ведёт плечом.

— Когда угодно может. С магией в ладах нужно быть, коль уж она живёт в тебе. Не знала, что ли?

— Да это ведь не я ведьма, а она... Ладно уж! — Женя хмурится. — Сделаю всё, что нужно будет. Нельзя так Джека оставлять.

Ксия кивает ей.

— Хорошо. Тогда, вот тебе, — снимает со своей шеи чёрный, будто стеклянный камень на толстом кожаном шнурке, — оберег. Чтобы легче было силу под контролем держать. И чтобы нашу с тобой небольшую сделку, — подмигивает ей, — скрепить... Я подскажу тебе, что делать нужно, чтобы магию прочувствовать и развить, а за это малая её крупица в камень впитается. Ты мне его по окончанию учения вернёшь. По рукам?

У Женя нет выбора, и она соглашается.

— Но меня лучше не душить!

— Конечно, — улыбается ей Ксия сладко, а в глазах у неё мелькает колдовской огонь. — Первым делом, детка, ты должна пройти небольшое испытание. Например, сбегайка на праздник, да стyani у кого-нибудь мешочек с монетками. Мне принеси, и я скажу, что делать дальше.

Женя кривится.

— Воровать? Это обязательно?

— Ага, — легко отзывается она. — Магия часто требует жертв. Но эта жертва мала. Не так ли? А теперь, ступай, поспеши! — замахала она на неё руками. — А то разойдутся все, кто все деньги потратил. Надо успеть, пока они при них. Давай!

Есть подозрение, что ведьме просто нужны деньги, ну да иным способом всё равно их не получится достать. Женя никогда не считала себя сильно правильной. Бывало всякое. И это не худшее задание, но... Обокрасть нужно будет кого-нибудь зажиточного, чтобы даже не заметил ничего.

— Хорошо, спасибо большое!

Она выходит из дома и зовёт лиса.

— В моём списке прибавилось дел. Где ты, Джек? Алло!

Он выбегает к ней, будто выпрыгнув из-под земли. В пене, облепленный мокрой шерстью. Несчастный.

— Не выходит, — скулит, едва ли не всхлипывая. — Никак не выходит помыться.

— Ты... правда пытался?

Он смотрит на неё в ответ укоризненным и слегка растерянным взглядом.

— Почему не должен был?

Она качает головой.

— Ладно, помогу тебе. Но это как-то... противоестественно.

— Не понимаю, о чём ты говоришь! — тявкает он, и вдруг подпрыгивает на месте. — Правда поможешь? А то, — трёт лапой морду, — глаза щиплет.

Женя фыркает и сворачивает к бане.

— Только не брызгайся. У меня платье чистое. После пойдём в город. Поможешь мне воровать. Ты в этом, наверное, ас.

Глава 16. Воровка

Всё выглядит даже лучше, чем Женя себе представляла по фильмам о средневековье. Хотя, разумеется, не факт, что эта эпоха в её мире имеет хоть какое-то отношение к тому, что происходит здесь.

Наряды у людей не запредельные, но всё же куда более цветастые и яркие, чем можно было ожидать. И в основном они даже чистые.

Везде можно встретить изображение солнца — деревянные таблички, флаги, нашивки, рисунки на стенах низкорослых зданий.

Между ярмарочных рядов шумно, торговцы продают всякие диковинки, поделки и сладости. Местные — готовую еду.

К сожалению, запах её не манит так же, как мог бы запах жареной картошки, пиццы или копчёной курицы. Но в животе урчит, а аппетит всё же разыгрывается.

Джека рядом нет, он прячется по углам, чтобы не привлечь внимание к своей чёрной шкуре.

Но он успел дать наводку на того, кого лучше всего и проще обокрасть. Тучный мужчина с лысиной, красный и довольный от выпивки, он что-то громко обсуждает с продавцом вяленого мяса на палочках.

Женя останавливается позади и как бы между прочим засовывает руку в его карман.

Но тот так неудачно оборачивается на чей-то выкрик, даже не адресованный ему, и замечает Женю.

И будто лениво, но умудряется схватить её за руку.

— Что это ты удумала?! — ревёт он ей в лицо. — Малявка.

— А? — выгибает она бровь довольно убедительно. — Ты о чём?

— Деньги мои?! — будто спрашивает он, его ли они, и вглядывается в неё своими маленькими покрасневшими глазками. — Денег захотела лёгких?!

Женя нервно улыбается в ответ и собирается бежать.

Он хватает её за шиворот и тянет на себя.

— А ну, стой! Воровка! Люди добрые, вы поглядите-ка, воровка! Камнями её закидать надо, ведьму!

— Он сказал, ведьму? — кто-то ахает в толпе.

— Воровку поймали! — раздаётся с другой стороны.

— Веселье!

— Вот же! — она трепыхается в его руках, изо всех сил пытаясь выбраться, и будто чтобы усилить свою оборону-нападение начинает вопить.

Только вот мужик на это лишь хохочет и тянется... к ножу?

— Что здесь, — звучит совсем рядом знакомый ей голос, и толпа расступается, — происходит? — Сон окидывает их тяжёлым взглядом.

Мужик раскрывает рот, лепечет что-то про кражу, но Карсон вдруг улыбается Жене, и тот на всякий случай замолкает.

— Рад видеть тебя. Как корова?

От всего этого у неё шумит в ушах, слышно плохо, сердце колотится в глотке.

— Я корова?!

— Что? — щурится Сон от солнца. — Я не... — и всё же отвлекается на мужика. — Что хватаешь девицу? Что не так?

И звучит это настолько грозно, что тот отпускает Женю и от греха подальше решает отступить.

Сон качает головой, во взгляде его мелькает доля раздражения. Но вот он переводит глаза на Женю, берёт её под руку и выводит из толпы.

— Он обидел тебя?

— Я ничего не украла! — выпаливает она... с сожалением.

— Эм... — на этот раз Сон оглядывает её с подозрением. — Точно?

Женя хмуро кивает.

— Хорошо... Но пыталась, — скорее утверждает он, чем спрашивает, и тон такой... не терпящий возражений.

Она отводит взгляд, будто смутившись. Затем отходит от него и спрашивает:

— Сожжёшь меня на костре?

— За попытку воровства, нет. Но зачем ты так, Женя? — и в голосе его внезапно звучит не укор, а горечь и сожаление.

— Нужно... для дела, — она отступает ещё на пару шагов с таким видом, будто он может этого и не заметить.

Сон же, вопреки ожидаемого, не двигается с места, но словно возвышается над ней горой, и тень от него всё больше накрывает Женю.

— Нужно воровать?!

— Только у богатых! — оправдывает она. — И только сегодня!

А затем спешно оглядывает толпу, надеясь увидеть лиса и подбежать к нему.

Но на этот раз Карсон подступает к ней и хватается за руку. Впрочем, в отличие от того мужика, не больно.

— Зачем?

— Не могу сказать... Может, перестанешь уже?!

— Что перестану? Лучше скажи, что вообще могло сподвигнуть молодую девушку прибегнуть к воровству?!

— А... ты что мой дом не видел?

Сон хмурится.

— Можно пойти работать! Или замуж. Ты... Хочешь замуж?

— Я... замуж?

Он теряется, словно сказал что-то не так.

— Да... Хочешь? — повторяет невольно и отчего-то сверлит её... требовательным взглядом.

— Ну, ты же видел моего жениха.

— А... Да, прошу прощения, — отводит он взгляд. — Не знаю, как я мог забыть о нём. Мне... жаль. Хотя он, наверное, неплохой вариант.

— А ты, — она улыбается, — чего, предлагал что-то что ли?

Он теряется ещё сильнее и усмехается обаятельно и будто бы смущённо.

— Ну, знаешь, я... — но тут осекается, улыбка исчезает с его лица, словно её и не было, и Женя вновь оказывается в его хватке.

Сон притягивает её к себе слишком близко, приподнимает за плечи, отрывая от земли и внимательно оглядывает камень на её шее.

— Ведьма... Всё-таки у меня, выходит, есть к тебе разговор, — произносит он проникновенно и угрожающе, и тащит Женю прочь от людской толпы к ожидающей их, чёрной адской лошади. — Что ты там говорила про костёр?

Глава 17. Ведьма

Женя от страха и досады скалится, словно загнанная угол волчица.

— Убьёшь меня теперь?!

— Без суда, нет, — подсаживает он её на лошадь. — Но сперва сам с тобой поговорю.

Веди себя спокойно и покладисто, а то Ада беспокойных не жалует.

— Как высоко! — Женя еда не вскрикивает. — Ада, это её имя? — выгибает бровь: больше от того, как тупо звучит вопрос, чем от удивления. — А суды как проходят могу предположить... Меня топить будут, и если не утону — ведьма, да?

Карсон ухмыляется и седлает лошадь. И, придерживая Женю за талию, чтобы та не свалилась, едет прочь от людей. Да так быстро, что ветер начинает свистеть да завывать в ушах. Однако это не мешает слышать его глубокий и, пусть не без ноток стали в этот момент, но бархатный голос:

— Про Аду ты вроде уже спрашивала. Почему имя удивляет? Ей вот оно нравится, откликается на него будто собачонка.

Вопрос про суд он, отчего-то, игнорирует. То ли специально, то ли потому что Женя оказалась права и это нечто само собой разумеющееся, то ли ещё чего...

— К-куда... — голос дрожит. — Куда мы едем? Скачем... Куда она нас везёт?

— Она? — изгибает Сон бровь и смеётся. — Ада, красавица моя, куда ты везёшь нас? — похлопывает он лошадь по шее, и та ускоряет бег.

Отлично! Отлично, чёрт возьми!

Столько всего пережить, почти поверить в то, что нашла верный путь и оказаться в загребущих лапах чёртового инквизитора, который ещё и...

— Как не стыдно издеваться над бедной девушкой!

В её мире подобная претензия уже не прокатила бы, феминизм, все дела, но здесь ведь псевдосредневековье.

Сон прекращает смеяться и заставляет Аду идти спокойнее.

— Издеваться? Я веду себя с тобой вполне вежливо и осторожно. Хотя и вижу уже, кто ты такая. И едем мы, как ты могла заметить, — наконец решает ответить он ей, чтобы не пугать ещё сильнее, — подальше от людей. Пока что, всего лишь подальше от людей. Я не могу позволить ведьме разгуливать среди толпы и подвергать их опасности.

— Да не ведьма я! С чего такие дикие выводы? Если бы была ведьмой, стала бы говорить с тобой тогда, у дороги?

— Может и стала бы... А может творила колдовство как раз, иначе что с коровой было, что делала там с ней? Кто вообще мог животное довести до такого состояния, как не ведьма для тёмного ритуала какого? А кулон на шее твоей... Думаешь, вещь колдовскую не признаю? Ты хоть знаешь, сколько я колдовства за свою жизнь насмотрелся? Так что хватит, начистоту давай, говори, откуда магия, родилась такой или служишь кому? И делала что на празднике?

— Да ты о чём вообще? — Женя даже всхлипывает, хотя актриса из неё — как бы это иронично не звучало — никудышная. — Я кулончик на дороге нашла по пути в город. Ну, никого рядом не было. Надела. Что такого?

— Не теряют ведьмы такие вещи. А вещь эта — магическая, — по тону слышно, что Сон

теряет терпение. — Хватит за глупца меня держать, Женя! Отвечай правду, тебе же лучше будет. Ибо, видишь, говорить с тобой хочу. Не спешу вести тебя в темницу и на суд.

Она молчит несколько секунд, затем оборачивается на него и, несмотря на страх свалиться с адской конской машины, утыкается лицом в грудь.

И они останавливаются.

Сон замирает, не понимая, что происходит, а затем нерешительно касается её волос. Аккуратно, кончиками пальцев. Но после выдыхает, как-то вдруг расслабляется и ведёт ладонью по её спине.

— Ну, будет тебе... Не хотел пугать. Не верю, что ты зло замыслила. Однако выяснить всё я обязан. Понимаешь? Расскажи мне, Женя...

— Что рассказать? Я не ведьма. Я точно не родилась ведьмой. И все свои девятнадцать лет ею не было. Это точно! Потому что магия, вообще-то, сильно облегчила бы мне жизнь. Но... Сон, никакого волшебства не было, и вообще ничего хорошего.

Он берёт её за плечи, отстраняет от себя и заглядывает ей в глаза.

— А камень колдовской, кто и зачем тебе дал?

— С чего ты взял, — выдыхает она, не уверенная, что тихие слова можно сейчас расслышать, — что кто-то дал?

— Говорю же, не теряют ведьмы такие вещи. Значит, либо твоё, либо дал кто-то. Но зачем?

Она хмурится.

— Я сдавать не буду. Только знай, что я ни в чём не разбираюсь, ничего не понимаю и зла никому не хочу. А камушек... красивый, — Женя хлопает ресницами.

Сон усмехается. Как-то не по-доброму усмехается. Но спешивается и помогает Жене слезть тоже.

Привёз он её к лесу, от чего спокойнее не становится. Но сделал, как и сказал — люди оказались так далеко, что ветер не доносит до них и звуков празднования.

— Сдавать не будет, — хмыкает он и смотрит так, словно раздумывает, что делать с ней дальше. — В ученицы ведьмы подалась? А на празднике по её поручению была, — изрекает Сон скорее утверждающе, чем вопросительно. — И что делать с тобой прикажешь? Просто отпустить и гулять позволить до той поры, пока зло не учинишь кому? Вот, скажи, разве могу я так?

Она выдыхает.

— Я тут ненадолго, если честно. Несколько дней, не больше. Так что никому точно не наврежу. Была бы опасна, — вдруг усмехается остро, — ты бы не отвёз меня сюда.

— Собираешься уехать? А там... Какого мне будет знать, что позволил тебе уйти, а ты в дальних землях людям портишь жизнь? Нет, Женя, так не пойдёт. Убеди, — говорит он вдруг, а сам выглядит непоколебимой скалой, только во взгляде его что-то болезненное, — убеди меня отпустить тебя сейчас и просто понаблюдать за тобой, чтобы поверить тебе. Убеди... И я не отдам тебя под суд.

Она кривится и отступает на шаг, зыркнув на него как-то недобро.

— Это... то о чём я подумала?

Предлагали ей всякое пару раз на родине. Примерно тем же тоном.

Глава 18. Небольшое недопонимание в лесу

Сон не меняется в лице, смотрит внимательно, выжидающе... Быть может, слегка непонимающе, но на всякий случай, утвердительно ей кивает.

— Возможно, так. Раз уж ты подумала об этом тоже, и это единственный вариант, который может сейчас тебя спасти. Признаю. И готов дать тебе шанс. Это исключение... Обычно я не поступаю так. Цени.

Жене чудится, что она и бледнеет и краснеет разом.

— Мужчины... все вы одинаковые, а я уж подумала, что ты...

У него ползёт вверх чёрная как смоль бровь. На лице отражается недоумение.

— Другой бы без всяких разговоров доставил тебя, куда надо. Это я... — он трёт ладонью шею и старается не улыбнуться, голос звучит приглушённо: — Размяк, что уж отрицать.

— Ну да, или хочешь развести меня на это, — у неё дёргается от раздражения угол губ, — а уж потом отвезти куда надо. Я почему-то подумала, что ты хороший. Вот дура, а!

Сон хмурится, рассматривая её ещё внимательнее, чем прежде.

— Эм... Не понимаю. То, что я дал тебе шанс меня уговорить, означает, что я плохой? Да, это странно, и выставляет меня не в лучшем свете, ведь вести себя так глупо на моём посту недопустимо. Однако... Что? — выглядит он растерянным и раздосадованным. — Ведьминскую гордость задел? Ну уж прости. Однако ж, решать тебе, что делать...

Она всхлипывает, но быстро берёт себя в руки и стискивает в кулачки тонкие, холодные пальцы.

— А знаешь что, КарЛсон? Ладно. Если это то, что тебе нужно, чтобы отстать от меня — ладно.

Она решительно подходит к нему — глаза горят ведьмовским пламенем, — становится на колени и тянет руки к поясу его брюк.

Он застывает на месте, боясь шелохнуться. Растерянность на его лице стирает бледность, под которой скрывается недоумение пополам со... страхом? И жаром, что охватывает всё тело.

Лошадь фыркает будто бы осуждающе, переминается с ноги на ногу и отходит в сторону. Чтобы с безразличием пощипать зелёную траву у обочины дороги.

Карсон кладёт горячую ладонь на голову Жени и сжимает в пальцах её волосы, выпуская из губ тихий, красивый стон...

У неё пылает лицо, по венам течёт адреналин — страх за свою жизнь и дикий азарт, спаянные вместе.

Почему-то ей не стыдно и не плохо, хотя, может быть, это просто шок?

Женя никогда не думала, что будет делать это вот так в подобных обстоятельствах... Ну да и в другом мире она не планировала оказаться, так что здесь и сейчас это не имеет никакого значения.

Она отстраняется, зиркает на Карсона и спрашивает, едва переведя дух:

— Этого достаточно? Теперь отпустишь?

Он звучно проглатывает ком в горле и отступает.

— Я... Эм. Да? — глаза его блестят, бледность постепенно сходит на нет, и на лицо падает тень.

Будто он начинает злиться.

— Вообще-то, тебя бы и за такое обвинить в колдовстве...

— Что? — вспыхивает Женя. — Что это значит? Я всё-таки была права, да?

Решив, что он использовал её и отсрочку от костра давать не собирается, Женя... несётся от него в лес со всех ног.

— А ну, стой! — бросается он за ней и ловит почти сразу же, перехватывая за талию и прижимая к своей крепкой горячей груди, чтобы не вырвалась. — Да о чём ты вообще?! Куда бежишь? Бегут виновные.

— Обманщик! — она бьёт его кулачками в грудь.

— Да в чём я обманул то? Я просто... не ожидал, что ты... ну, сделаешь так, — отводит Сон взгляд, но держит всё так же крепко, будто и не замечая ударов. — Я ведь просто шанс дал тебе разжалобить меня. Не хотел тебя губить. Сказала бы, мол, мать одна останется с сестрой малой, что кормишь их, деньги добываешь... Я бы и... В общем, как-то так.

— Что? — она выгибает сразу обе брови, чувствуя, как к глазам подкатывают слёзы, а к горлу — истерика. — Брешешь! Теперь хочешь сказать, что и не хотел этого?

— Я и не думал про это! Не скажу, что не хотел бы, если бы знал, о чём ты... Но не думал, правда! — и осторожно, будто на пробу, ослабляет на ней свою хватку. — Не убегай...

— Да ведь... — она снова бьёт его в грудь, на этот раз не стараясь причинить боль. — Да кому тут нужны были бы объяснения? Тем более ты и сам всё знаешь. Не понимаю... Хочешь спасти — спасай, хочешь помочь — помогай, хочешь убить — вперёд, в лес то зачем тащить на своей адской кобыле? Так что не нужно мне сказки рассказывать, они у меня уже знаешь где? Сказок хватает по горло. Я всё сделала, тебе понравилось, так что либо отвози назад, либо...

— Отвезу, — прожигая её внимательным взглядом, спокойно и твёрдо произносит он. — А сюда завёз, чтобы людей не впутывать. А также, чтобы они не оказались свидетелями того, как просто отпускаю тебя, глупая... И как я мог догадаться, о чём ты говоришь? Я человек приличный. И, пусть сейчас так не кажется — осторожный с ведьмами. Я и на поцелуй бы мог не согласиться, думая, что проклянёшь меня... В общем, слушай, сделаем так...

Но договорить ему не дали. Из кустов, тихо и неразборчиво ругаясь, кубарем выкатывается Джек, собирая на свою шерсть все колючки.

— Там, это, жених твой сюда идёт! — выпаливает он и прижимает к голове уши, сообразив, что Сон стоит рядом. — Чёрт...

И Карсон с уверенностью выхватывает свой кинжал, не сводя с лиса мрачного, сосредоточенного взгляда.

Глава 19. Фантастические мужчины, лошадь и девушка

— Сон, не трогай его! — вскрикивает Женя. — Это человек! Заколдованный он. Несчастный, невинный. Понимаешь?

Джек тем временем пятится от него, прижав к голове уши и тихо поскуливая.

— Заколдованный, невинный? — всё же замирает на месте Сон, но вдруг глаза его недобро сужаются. — Или оборотень?

— Нет, Сон, послушай...

Она тянет его за руку. Глаза наполняются слезами. Женя уже думала, что Джека убили из-за неё, второй раз будет слишком тяжёлым событием для её психики. А значит защитить лиса нужно любой ценой.

— Это я... Это я его заколдовала! — выкрикивает и бьёт себя по груди.

Сон неожиданно для самого себя вздыхает и смотрит на неё скорее с жалостью, чем с враждебностью.

— Понятно... Так, значит...

Но договорить ему не даёт Джек, вдруг бросившись к ногам и вцепившись зубами в сапог Карсона.

— Не тьён дефчонху! — рычит он, не разжимая челюстей, и Сон едва сдерживается, чтобы не прибить его одним коротким выпадом оружия или просто ударом ноги.

— Невинный человек? — приподнимает он бровь, глядя на Женю.

— Я могу тебе рассказать всё как есть, — её глаза будто подсвечиваются от эмоций... или то магия? — Не знаю, поверишь ли, но... В общем, я...

Джек, сообразив, что опасность Карсон для неё не представляет, выплёвывает его сапог. И отбегает к Жене, прячась за ней и скалясь.

— Потом говорите, — шипит он. — Сюда, — поднимает на Женю взгляд, — твой жених идёт. Меня заметит, убьёт. Вас заметит, слухи поползут всякие.

Карсон седлает лошадь.

— Поедешь со мной, — протягивает Жене ладонь. — Быстрее, не бойся!

— Увезёшь судить? — вскидывается она.

— Да нет же! — цокает он. — Убегать будем. — И добавляет тише, качая головой: — До чего я докатился...

Она неожиданно хватается лиса и кивает Карсону.

— Что, с ним?!

Но позади раздаются звуки шагов, и Карсону ничего не остаётся, как помочь Жене запрыгнуть в седло.

— Только пусть не скалится!

Лошадь делает шаг, раздражённый и дёрганный, но в следующую минуту бросается галопом вперёд, то и дело недовольно фыркая, чуя лиса.

— И помалкивает пусть, — добавляет Сон, похлопывая её по шее. — Мою малышку волнует...

Женя нервно смеётся.

— Мальчики, не ссорьтесь!

А затем неожиданно шепчет Джеку прямо в ухо:

— Что. Ты. Видел?

— Когда, — шепчет он в ответ, — видел? Где? — и принимается хихикать.

Сон слышит это, а потому крепче сжимает поводья и хмурится.

— Тише там! Пусть лиса молчит!

— Что? — Женя игнорирует Сона. — Извращенец! Если хоть слово скажешь — не стану тебе помогать! И если продолжишь в таком духе — тоже. И... спасибо, что заступился.

Джек вдруг коротко лижет её в щёку, после чего утыкается ей в грудь, словно пугаясь своих действий.

— Дурацкие животные повадки, — бормочет он. — Ничего я такого не видел, лесоруб твой просто шёл, неся на плече какой-то свёрток, и всё. Что такого я видеть не должен был?

— Ладно, молчи пока. Сон, разве есть что-то поблизости, зачем тому... этому... жениху моему тут ошиваться?

— Не знаю... — тянет он, и правда задумавшись. — Тут и деревья такие, что рубить не станешь, вроде. Может, мусор какой выбросить решил? Но и это странно, ты ведь видела, чистота какая... Испортит, прибью, — обещает он мрачно, и также мрачно добавляет: — Поедем ко мне пока. Ты ведь не против? Только... куры у меня водятся, может, отпустишь здесь лису?

— Я же сказала, что он человек, — хмыкает она. — Он не откажется от человеческой еды. Горячей и солёной. Правда, Джек?

— Ещё бы! — облизывается он.

— А кем был этот человек раньше, до того, как шкуру на себя натянул?

— Каким-то мужиком по имени Джек, — решает она не то чтобы соврать — скорее недоговорить. — Думаешь, люди не начнут ничего говорить, если увидят нас вместе? В твоём доме.

Ей давно так не было плевать на мнение окружающих, вопрос скорее для отвлечения внимания.

Или заигрывания ради.

Что-то такое.

Но Карсон отвечает на это с пугающей серьёзностью:

— Будут, им только повод дай. А ещё удивятся. Я обычно... гостей, — выбирает он именно это слово, зачем-то решая не выделять, кого именно, — не вожу. Но забор у меня высокий, главное доехать без лишнего внимания.

Дорога становится шире, деревья по сторонам — реже. Небо над головой чище. И Ада замедляет бег, словно решая прогуляться спокойным шагом.

— А почему ты не женат?

Женя вспоминает, как плясала вокруг него мать Джилл. Да и без этого не трудно понять — такого с руками и ногами должны были давно оторвать.

Сон передёргивает плечом и направляет лошадь к ближайшему повороту, за которым открывается вид на добротные, крепкие дома.

— Работа напряжённая у меня, дел много, — отвечает он. — Да и... — усмехается, бросая на Женю лукавый взгляд, — ту самую найти хочу.

Она фыркает:

— Такого не бывает.

— Той самой не бывает? — уточняет он с искренней заинтересованностью и

останавливается у высоких тяжёлых врат.

— Неа, скорее мужчин, которые так говорят. Или даже думают. Мы приехали? Прискакали?

— Да, — спешивается он и тянет к ней руки, чтобы помочь слезть на землю. — Только, когда войдём, не кричи...

Глава 20. Невероятная истина, или «Да не старая я!»

— А... почему это я должна кричать? — Женя выгибает бровь.

— Просто не пугайся, и лису держи крепче, — предупреждает Сон и отворяет врата. —

Иначе встревожишь их.

Во дворе, у высокого крыльца его крепкого, тёплого дома, тут же подскакивают собаки. Чёрные, с блестящей и нагретой на солнце шерстью, со сверкающими глазами, они принимаются оглушительно лаять и скалиться. Такие и медведя завалят, если бросятся стаей, не то что человека... И ни одна не привязана.

В детстве Женю кусали бродячие псины, одна из них даже была огромной такой кавказской овчаркой. Но почему-то это не оставило на ней отпечатка в виде боязни хвостатых друзей человека.

И всё же эти собаки, как собственно, и лошадь, с их лоснящимися чёрными шкурами и острыми зубами будто принадлежат адскому пеклу.

А Сон — Аид, не иначе.

А раз так, значит, они его слушаются.

И опасаться нечего.

— Ладно, — выдыхает она, проходя вперёд, — я тебе доверяю.

Собаки подступают к ней угрожающе, будто готовясь к прыжку. Только вот Сон делает жест, бросая спокойное, но жёсткое: «свои», и те начинают неуверенно вилять хвостами. А затем и вовсе обступают его с Женей и превращаются едва ли не в котов, лапаясь у ног хозяина, то и дело бодая его лбами.

— Ну-ну, хватит, — усмехается Сон и не выдерживает, чешет их за холку, смеясь, когда один из псов подпрыгивает и лижет его в щеку.

— Чёрное море собак... — выдыхает Женя. — Зачем тебе столько?

— Да вроде немного, — поднимается он по ступеням и открывает дверь.

Один из псов тем временем бодает ладонь Жени, предлагая его погладить.

Лис же решает притвориться меховым воротником, ошарашенно наблюдая за сворой.

— Пожалуйста, — шепчет он Жене на ухо, — идём в дом! Скорее...

Она с опаской проводит ладонью по звериной морде и спешит к Карсону.

— У нас собаку можно научить не кусать, но как они так переменились всё же и лапаясь?

Он пожимает плечами и пропускает её в уютный полумрак комнаты.

В доме у него чисто и спокойно, аккуратная прихожая почти пуста, освещается маленьким окошком, под которым стоит широкая лавка, и свет поблёскивает на сундуке у противоположной стены. И тонет в стыллой воде, что мерцает в ведре, над которым подвешен ковш.

— Так хозяин спокоен, и они спокойны, — отвечает Сон. — Во дворе у себя находятся, опасности нет. Чего им злыми быть? — он открывает перед Женей дверь в столовую. — Милости прошу.

— Спасибо.

Женя отпускает лису и с опаской проходит дальше, удивляясь, насколько же этот дом отличается от того места, где живёт мать Джилл.

— Как-то опасно теперь тут находиться.

Сон приподнимает брови.

— О чём ты?

— Если захочу убежать — там собаки, — с опаской улыбается она. — А если ты будешь зол — будут злы и они.

— А мне есть с чего быть злым? — он отодвигает от дубового стола стул и кивком приглашает Женю присесть.

Сам устраивается напротив, спиной к окну.

— Я боюсь, что хоть и расскажу правду, ты не сможешь это нормально воспринять.

Она садится и окидывает столовую цепким взглядом. Вдруг поблизости окажется нож?

И он действительно находится, воткнутый в деревянную доску неподалёку.

На кухне порядок, как и везде. Большая печь, связки трав над ней и «раковиной», горшочки и баночки на полках, шкафчики без занавесок и с ними, в которых хранится съестное.

Джек тоже осматривается и, стараясь вести себя незаметно, мягко спрыгивает на пол и юркает под лавку.

Карсон хмыкает, обдумывая Женины слова, и подпирает голову кулаком, прожигая её внимательным и выжидающим взглядом.

— Молчание тоже нам не поможет. Говори, смелее!

— Ну, в общем, если есть магия, значит, и всякое необычное может быть, так? Скажем, другие миры, непохожие на этот. Что думаешь?

— Мм, ты про Рай и Ад? Думаю, так и есть, — кивает он.

— Нет, не совсем, — от волнения она закусывает губу. — Скажем мир людей, такой же, как этот. Но другой. Понимаешь?

На этот раз Сон кивает с неуверенностью.

— Допустим... К чему ты клонишь?

— Просто мне нужно как-то подготовить твой мозг. Я сама никогда об этом не задумывалась. Жила обычную жизнь, понимаешь? И если бы мне кто-то сказал то, что я собираюсь сказать тебе — ни за что бы не поверила. Но тебе придётся. Вообще-то, тебе даже проще должно быть, ведь здесь есть магия. В общем... я из другого мира.

Сон не меняется в лице, но что-то тёмное всплывает в его глазах.

— Всё-таки из Ада? — звучит его голос глухо и мрачно. — Значит, ты не просто ведьма?

Женя моргает.

— Ты о чём?

— Ты в её теле, так? Пришла из другого мира?

— Да, но не из Ада. Хотя... — она вспоминает свою прежнюю жизнь и фыркает. — У вас тут тоже далеко не сахар!

— Так, — слегка отстраняется он, с видом таким, словно просто пытается встряхнуться, а потому жесты его и резки, — я запугался. Где сахар? Если не оттуда, то откуда и как? Тело чужое заняла, или вот так прямо и пришла? А если так, то и мать твоя, и сестра... — он делает многозначительную паузу. В воздухе повисает вопрос.

— Вроде чужое, но она очень похожа на меня, комплекцией и даже лицом. Странно это. Мой мир похож на ваш. Только это... там нет магии. По крайней мере, я об этом ничего не знаю. Но есть технологии. В общем, как будто тот же мир, что и этот, но через несколько

сотен лет.

— Угу... — он не знает, верить ей или нет, и это понятно по выражению глаз. — И зачем ты здесь? А она... — указывает на её-чужое тело, — мертва, выходит, или в том другом мире теперь?

— Я не знаю. Если бы была мертва, то с телом было бы что-то не так, разве нет? В любом случае, пусть будет жива, а то мне... — Женю передёргивает, — как-то совершенно неуютно находиться в трупе. Я очнулась в её теле в какой-то таверне. Точнее в комнате над таверной. С Джеком, — кивает в сторону лиса. — Но он её точно не убивал. Она сбежать собиралась от неряшливой матери, а он ей хотел помочь. Только не смотри на меня так! Думаешь, я бы смогла такое придумать?

Сон отводит взгляд, раздумывает долго, и наконец качает головой.

— Но почему это случилось, и откуда ты? Расскажи больше. Мне сложно пока о чём-то судить...

— Да, я всё расскажу. Просто теряюсь, как сделать это лучше. Меня зовут Женя, я... дурацкая история. Я случайно попала на спектакль. Детский. Мы там разные сказки разыгрывали. Под Новый Год, знаешь? Праздник такой зимний. Вот, сценарий был ужасный, извращающий сказки, дети бешеные, всё такое. Актёры были не при делах, они просто играли то, что надо было. А я там подменяла кое-кого. Я даже не актриса. В итоге это всё не понравилось одному... знаешь... магу. Да, я сказала, что у нас магии нет, я так думала, пока он не заколдовал нас.

— Заколдовал, потому что не понравилось, эм, выступление? А дети?

— Ну, скорее потому что мы невольно исказили для детей сказки. И перевозбудили их так, что они даже ёлку сломали. И он такой является в гримёрку и говорит что-то вроде: «Раз вы испортили сказки, я вас отправлю в сказки, и если вы и там всё испортите...». Короче, плохо будет. А дети, — вспоминает его последний вопрос, — не знаю, домой укатили уже к тому времени.

— Значит, их он не тронул? — Сон вдруг пугается: — Так, подожди, ты хотя бы не ребёнок? — поднимается он, словно забыв недавние её слова о схожести этого тела с её собственным. — А то чаще всего дети страдают от магии...

Женя смеётся, и с каждой секундой смех становится всё истеричнее.

— Прости... просто у тебя такое лицо. Нет, уже нет. Мне девятнадцать. Ты ничего не нарушил.

Сон с облегчением садится на своё место и от смущения, которое пытается скрыть, трёт шею.

— Да... Хорошо... Ты уже в возрасте. С виду, к слову, так и не скажешь, — улыбается он.

— В возрасте? — выпаливает она неожиданно для себя. — В смысле?

— Девятнадцать, это немало. Понимаю теперь, почему твоя мать так суетилась. Но и тебя понимаю тоже... Жених твой до тебя недотягивает всё же, пусть время у тебя и поджигает...

Женя молчит в ответ.

И Сон спохватывается.

— Прости! Не в своё дело лезу, я не хотел, Женя. Прости...

— Вообще-то у нас совершеннолетие в восемнадцать лет, — коротко бросает она и отворачивается.

— Почему так поздно? Ведь... времени остаётся довольно мало... — спрашивает он в недоумении. — Ты уверена, что в восемнадцать?

До Жени не сразу доходит его вопрос, потому что она... обиделась.

Вообще, нельзя сказать, что она не обидчивая по натуре, характер всегда был не сахар, но не из-за такой же ерунды!

И всё же неприятно доказывать, что она молода. Чертовски молода, надо заметить.

— У нас вообще и по сто лет живут. Это конечно долгожители, но всё-таки. В среднем, думаю, лет до восьмидесяти точно доживают.

— Это слишком много. Я видел одну старуху лет пятидесяти... Не поверю, что многие способны прожить дольше. Да и, как же дети? Я вот хочу детей, — произносит он так, словно это касается самой Жени, и смотрит на неё ещё более пристально и требовательно.

— Вот чего позвал сюда... — доходит до неё осуждающий шёпот лиса. — И не стыдно, чужую-то невесту...

— Да после тридцати можно и о детях думать, — пожимает она плечом, будто и не слыша слова Джека. — А тебе самому-то сколько?

Сон теряет.

— Я... Ну. Мне много. Чуть больше... — трёт ладонью шею и усмехается. — Чуть больше двадцати. На лет пять... Но это несколько иное. Понимаешь?

— Старик! Уу, какой древний старик! — смеётся Женья в ответ. — Да что с тобой говорить, всё равно сегодня-завтра помрёшь!

Но Сон веселья её не разделяет, смотрит строго и мрачно, с какой-то затаённой печалью.

— Да и работа такая, что могу... — соглашается он. — Правда, радует меня, что выгляжу всё ещё неплохо. А ты, давай-ка, ответь мне лучше ещё на один...

Договорить ему не даёт стук в дверь и лай собак.

Глава 21. Размышление о преступлении во избежание наказания

— Что ж такое? — тревожится он и поднимается из-за стола. — Сиди тихо, — бросает Жене и тут же скрывается в коридоре.

Какое-то время слышатся его шаги, затем секундная тишина, а после и скрип открывшейся двери и приглушённые голоса снаружи.

Псы замолкают, видимо, слушаясь команды своего хозяина. И будто успокоенный этим, из-под лавки выползает осмелевший, пусть и несколько взволнованный Джек.

— Как бы ни сдал нас никому... — косится он в сторону двери. — Что делать думаешь? А может, ну, через окно, да наутёк? Пока Карсон занят, а собаки на него отвлекаются.

Женя на несколько секунд рассматривает эту мысль, затем качает головой и хмурится.

— Нет, не выйдет. Он нас из-под земли достанет. Но доверять уже не будет. И вот тогда точно сдаст.

Джек коротко кивает.

— Тогда остаётся надеяться, что вы и правда просто мило побеседуете, выпьете чайку, и он отпустит нас... Но что-то мне это сказку напоминает. А в добрые чудеса я не особо верю.

Он шмыгает на этот раз под печь, когда снова раздаётся оглушительный лай собак, а там и хлопок входной двери.

Сон появляется на кухне сосредоточенный и мрачный. Зачёрпывает из ведра в кружку воды, выпивает её, рукавом утирает рот и какое-то время, молча, оглядывает Женю.

Страх холодной, колкой волной прокатывается от горла до пяток. И она... улыбается и заправляет за ухо тёмную прядь волос.

— Такой красивый. Что-то случилось?

Он вздыхает. Кажется, что вот-вот улыбнётся в ответ, но остаётся таким же собранным и задумчиво-серьёзным.

— Местные заходили, пропала ещё одна девочка... Мне нужно к её родным, а затем отправиться на поиски. Я думал... И решил, что тебе лучше остаться здесь. Я вернусь к вечеру. Тебя не должны видеть соседи. Веди себя тихо... Жди меня. Наш разговор не окончен. Всё поняла?

— Девочка? — Женя подступает к нему. — Конечно, но... У меня есть дела. Может, всё-таки я как-нибудь выйду, а мы встретимся позже?

Он качает головой.

— Нет... Мне хотелось бы тебя не оставлять здесь, но никак. А теперь мне нужно спешить, прости.

— Ладно.

Женя не смеет спорить, когда дело такое важное. Будет лучше, если этого предка Джека Потрошителя поймают как можно скорее.

— Тебе, может, какая-нибудь помощь нужна? По дому.

На этот раз Сон всё-таки усмехается, мягко и тепло до мурашек.

— Спасибо, но так и не придумаю с ходу... Я вернусь, — и на этом спешно покидает дом.

Джек выходит задумчивый, подметающий лисьим хвостом пол за собой, понурившись.

— И как теперь сбежать, когда там свора во дворе?

Женя подзывает его к себе и гладит по холке.

— Цветёшь и пахнешь, а шерсть-то такая мягкая...

Он скалится, ухмыляясь.

— А то! Ух, хитра, знаешь же, что сама мыла. Хвалится сидит, поглядите-ка на неё! — а сам принимается ластиться к ней, будто кот.

— Правду говорю! Думаешь, что нам не стоит его ждать?

— Я бы сбежал, — признаётся он без тени сомнения. — Причём, сбежал бы далеко... Как ты, то есть, выходит, как бы и не ты... планировала. Нет, подумай сама, ждать то чего? Его решения, вести тебя на суд или нет? Пф, ещё чего!

— Далеко? Хочешь навсегда лисом остаться? Нравится тебе? — чешет за ухом.

Джек замирает.

— Я... забыл, — выдыхает со страхом. — Забыл! И как мог только?! А что, если со временем я совсем олисусь? Э, ну, ты поняла, — кривится он. — Что, если... О нет, Женя, расколдуй меня скорее! Ведьма просила украсть что-то и ей принести. Давай отсюда что-то возьмём и сбежим к ней?

— Сбежать опасно. Что, если он разозлится и расскажет всей своей инквизиторской братии? Сколько их тут, как это работает?

— Не знаю я! Он главный здесь, это знаю. Всех в страхе держит. Остальные, так, — чмыкает Джек, явно выражая этим своё признание. — Если не сбежать, то каков план?

Она вздыхает и поднимается, чтобы походить по комнате, заломив за спину тонкие, загорелые руки.

— Ну, смотри. Если попытаемся сбежать, он точно не поверит и не встанет на нашу сторону. Плюс собаки, да и вообще... А вот про украсть — хорошая идея. А где воровство, может и... — она вдруг останавливается, — убийство?

Джек смотрит на неё, склонив набок голову, и интересуется совершенно серьёзно:

— Предлагаешь его завалить?

— Не хотелось бы, — она цокает. — Но если он решит нас убить...

— Понимаю... Но тебе стоило меня тогда не в лиса, а хотя бы в волка обратить. Глупая.

Женя фыркает и садится на стол.

— Вообще-то он мне нравится.

— Девушки, — шипит Джек. — Я тебе тоже нравился, когда человеком был! Прокляни его, чтобы совой обернулся, разонравится тут же! Или в барсука. Он похож на барсука, а?

— Похож на... как раз таки на волка. На огромного такого волчару, который ходит на задних лапах и в плаще, — Женя смеётся. — Не нравился ты мне! Ей — может быть. Или ей так плохо было, что готова была даже с таким, как... В общем, надо украсть что-то отсюда, чтобы времени зря не терять. И найти дубинку какую-нибудь. На всякий случай.

— Дубинку, это хорошо, — принимается Джек зачем-то обнюхивать углы. — Стой, — спохватывается он, — что значит, «даже с таким, как»? Чем я плох по-твоему? Да ты знаешь, сколько женщин у меня было?! Все в рот заглядывали, глазами коровьими на меня смотрели, в постель...

Его прерывает собачий лай. На этот раз какой-то истеричный и с подвываниями. На Карсона они точно так не реагировали...

А стук в дверь окончательно убеждает, что вернулся вовсе не хозяин дома. И, кем бы ни был гость, своры он не боится и уходить не собирается.

В замке кто-то скрежетает ключом, пытаюсь войти несмотря ни на что... Или же взламывает дверь несмотря на псов. Одно из двух.

Глава 22. ЕГО мать

Женя, струхнув, начинает метаться туда-сюда, пока не находит ничего лучше, чем залезть под стол.

Она понятия не имеет, кто это может быть и что и в каком случае будет лучше сказать. А так... может быть, её и не заметят?

Но разве же Карсон не живёт один? А если это и вправду какие-нибудь воры, кто в своём уме решит залезть в дом к НЕМУ?

Это же Аид во плоти!

Джек будто испаряется, прячась. И когда кажется, что у них и правда есть шанс остаться незамеченными, в коридоре раздаются шаги. И... поскуливание собаки?

А затем на кухню, волоча две тяжёлых тёмных сумки, вваливается женщина в годах.

Из-под платка выбиваются чёрные пряди волос с серебряной сединой. Газа тёмные. Взгляд, которым она обводит помещение, не менее тёмный и жёсткий.

Отчего-то она вздыхает, качая головой, и принимается вынимать из одной сумки овощи, бросив другую себе под ноги.

— Пусто... И стыло. И мать не ждёт совсем. Вот как так то? Сколько это будет продолжаться?

На мгновение кажется, будто она обращается к Жене.

И, наверное, лучше бы так... Потому что в дверь протискивается один из чёрных громадных псов. И словно в ответ на её слова, коротко чихает.

А после настороженно принохивается...

Женя закрывает себе рот ладошкой, но затем вспоминает, что так дыхание будет только громче.

Может быть, пёс не станет реагировать на неё, ведь Сон сам провёл в дом.

А вот что будет, если он нападёт на след Джека...

И её опасения подтверждаются, потому что пёс встаёт в стойку и прижимает к затылку уши, принимаясь утробно рычать.

Он готовится к прыжку, что замечает и женщина.

— Неужто воры, враги? — выдыхает она... и хватается за нож.

— Нет-нет-нет! — кричит Женя. — Не воры! Можете... — с опаской выбирается из-под стола, — можете убрать собаку, а?

Женщина вскрикивает и наставляет на неё нож, будто на самом деле держит в руке меч.

— Кто така... — осекается она, сменяя гнев на робкую надежду, и опускает своё оружие.

Губы её, полные и бледные, трогает призрачная улыбка. Во взгляде, пусть всё ещё настороженном и недовольном, загорается надежда и удивление.

— Карсон невесту таки нашёл? Ай, ну нехорошо ведь, вот так... без благословения материнского, сразу в дом, да под столом прятать. Ай нехорошо...

Пёс тем временем подбирается к печи и скалится всё более зловеще.

— Нет, что вы, — торопливо возражает Женя, — это я так...

Она поверить не может, что у Карсона есть мать. Наверное, это очевидно, но он для неё словно пришелец. Все думают об инопланетянах, но никто — об их матерях.

Мысли от страха становятся совершенным киселём, она не выдерживает и кидается на собаку с криком:

— Иди на место! Место!

И пёс подпрыгивает на всех четырёх лапах... разворачиваясь к ней и кидаясь...

Но едва ли не на лету, скалкой, его сбивает женщина и встаёт между ним и Женей.

— Нельзя! Не в доме же, паршивец! — отчитывает она собаку, будто тот может её понять и является шkodливым ребёнком, чуть не разгромившим комнату. — Пошёл вон! — указывает она ему на дверь, и пёс рычит. — Вон! Место! Пошёл отсюда, пошёл! — всё же выгоняет она его и запирает дверь.

После чего возвращается к Жене, уперев руки в бока.

— Карсон не водит в дом свой женщин. Да никого не водит вообще. Говори, кто такая? Иначе и тебя вслед за собакой выгоню!

Женя поджимает губы. Ей уже порядком надоело слышать подобное от местных «матушек».

— Вы, наверное, уважаемая, заметили, что собаки меня не слушаются. Я никак бы не проникла в дом без ведома вашего сына.

Складывает руки на груди, будто больше никаких объяснений не требуется.

И всё же ловко женщина страшную псину отогнала! Собаки Карсона будто всё понимают. Что она — мать. Что трогать нельзя. Иначе как объяснить такую покорность женщине, которая едва ли принимала участие в их воспитании? Долгосрочный приказ хозяина?

Та теряется, всего на мгновение, но затем возвращает себе воинственный и недоверчивый вид.

— Хорошо поёшь, милочка, ничего не скажешь, хорошо... Да только у Карсона жизнь нелёгкая, всякое быть может. Ведьма какая проникнет вот так в жилище, простое и правдоподобное оправдание этому найдёт и будет ждать, когда мать его бдительность потеряет. Чтобы удар нанести и отомстить! Знаю я, сколько нечисти всякой ему гибели желает... Но то, что не невеста ты его, верю. Но и не просто подруга ведь... Кто тогда?

Да, насчёт нечисти — в точку.

Женя мило улыбается, пытаюсь показаться проще, чем есть на самом деле.

— Он просто... помогает мне. Хотя... — она понимает, что такой ответ повлечёт за собой слишком много вопросов и поправляет себя, — нет, я хотела сказать — я ему помогаю. По хозяйству.

Во взгляде женщины, наконец, мелькает тень сомнения.

— Хм... — она садится за стол и кивком головы просит Женю сделать то же самое, — и как он к этому пришёл? На каких условиях тебя взял?

— Пока не на каких. У него сейчас много работы, как я поняла. Какой-то душегуб рыскает по городу, — она садится и потрагивающей рукой поправляет подол платья, — девушки пропадают... А мы с Соном случайно познакомились. У меня корова упала, он помог с ней. Задавал вопросы мне и матери. Заметил, как у нас дома уютно и предложил работу. Собирался рассказать, где что лежит, что делать, но его позвали. Снова что-то с тем, убийцей связанное. Он сказал мне ждать его прихода. Вот и жду. А под стол залезла, потому что собак боюсь.

Она очень надеется, что Карсон не уьёт её за такую развесистую лапшу на ушах своей матери.

Та слушает и едва заметно кивает, судя по всему успокаиваясь.

— Что ж... Но мы всё равно дождёмся его здесь, чтобы он подтвердил твои слова. Ты уж не обижайся, — улыбается она ей уже совсем по-доброму, — на меня за недоверие. Сама понимаешь...

— Конечно! — Женя кивает, вполне довольная таким исходом. — А, может, вы мне пока работу дадите? Непривычно без дела сидеть...

Ещё бы — без телефона, без интернета!

Глава 23. Фэнтези пути: путь к колодцу сквозь черномордные опасности

У женщины взметаются брови. Судя по взгляду, жест этот был одобрительным.

— А воды из колодца принесёшь?

Женя с волнением улыбается.

— К-конечно, но... а как же собаки?

— А, да, собаки, — вздыхает женщина. — Что ж, придётся мне... А у меня руки болят.

Развёл псарню, а люди страдают!

Женя поднимается.

— Но... Вот Сон же сам провёл меня, думаете, укусят? Я могу попробовать. Они кажутся умными.

— Умные то умные, но зверюги... Ну да попробуй. Только осторож... — она осекается и хмурится, после чего передразнивает с недовольством: — Сон. Со-о-он. Это хозяин так тебе звать его сказал? До чего ж дожили... — и махает на неё досадливо. — Ладно уж, иди, иди!

— Наверное, думает, что я очень глупая, — не теряется она, — и выговорить не смогу полное имя.

Ей отчего-то очень хочется понравиться этой женщине. Но почему? Из-за матери Джилл хочется на стенку лезть, кричать и волосы на себе вырывать, а тут — быть послушной, приличной девочкой.

Она берёт ведро и с опаской выходит во двор.

Больше, чем нападения псов, Женя боится только случайно использовать магию, как было с Джеком. Если она заколдует хоть одну адскую тварь, едва ли мужчина станет и дальше выслушивать бред про параллельные реальности.

Мать Карсона остаётся на крыльце, настороженным и сосредоточенным взглядом прожигая ей спину.

Скалка в её руках явно призвана в случае чего обрушиться на собачью голову. И псы, словно понимая это, зыркают зло в её сторону, скалясь и поскуливая, и всей стаей стекаются к Жене, обступая её полукругом.

— Ой, нехорошо, — тихо ахает женщина, и пальцы на скалке смыкаются добела в костяшках. — Девка, а ну, давай-ка ты назад возвращайся! Бог с этой водой! Бог с ней!

Но Женя отчего-то успела себя убедить, что собаки не обычные, практически волшебные, а, значит, накинуться не должны.

Может быть, они просто проследят за тем, чтобы она не сделала ничего, что не понравилось бы хозяину?

А Женя ведь и не собирается. Она мотает головой и продолжает идти к колодцу.

— Вода нужна!

— Вот ведь девка! — дивится мать Сона, однако в голосе теперь пополам с беспокойством звучит странное, какое-то... азартное одобрение. — Ну, я тут, если что, стою! — кричит она ей вслед, словно и правда могла бы помочь, приди стае в голову напасть на Женю.

А псы продолжают настороженно виться вокруг, рыча и скалясь, прижимая уши к

голове. И только один, кажется, именно тот, что боднул лбом её ладонь, выпрашивая ласку, когда увидел Женю в первый раз, ведёт себя беспокойно. И отнюдь не из-за самой Жени, а из-за остальных собак. И, наконец не выдержав, подбегает к ней совсем близко и начинает жаться боком, сбивая её с тропинки, ведущей к каменному колодцу под развесистой старой яблоней.

Она улыбается, не совсем понимая, что происходит, но чувствуя облегчение.

— Привет, мой хороший, — останавливается и с лёгкой опаской касается чёрного, блестящего лба. — Вы ведь меня не укусите, да?

На это, то ли приняв её жест за угрозу, то ли ещё что, к ней подскакивает другой пёс и собирается схватить за руку. Но тот, что жмётся к ней, оглушительно лает на него, заставляя в недоумении отступить. А после, словно взяв с него, защитника, пример, к Жене, крадясь, подступает другой, едва заметно, неуверенно виляя хвостом и поскуливая.

— Они, — всплёскивает мать Сола руками, — наверное, пить хотят! Вон, миски пустые, в корыте воды нет! — указывает она скалкой под крыльцо, где и правда всё пусто, нет ни питья, ни еды.

Женя с удовольствием и благодарностью чешет своего защитника и немного боязливо касается уха другого пса. А затем кричит матери Сола:

— Вот, видите, помощница господину инквизитору просто необходима! Я сейчас всё сделаю, не беспокойтесь!

И вправду без проблем набирает воды и разливает её по мискам.

Псы принимаются громко, с урчанием лакать, толкая друг друга поджарыми боками. А мать Карсона одобрительно кивает и, решив, что Жене и правда ничего не грозит, скрывается за дверью дома.

Впервые в новом мире чувствуя себя победительницей, девушка наполняет водой корыто и набирает последнее ведро — уже для людских нужд.

Когда она вычистила коровник, когда нашла ведьму вместе с её чудесной баней, ей не было так хорошо. Может быть, потому что все прошлые дни — гонка, побег от ужасов случившегося, судорожная попытка вернуться в своей серый, но родной мир.

А здесь, всего на несколько мгновений, она как будто бы уже дома.

— Принесла!

— Умница, — расплывается та в улыбке. — А теперь, вот тазик, помоги мне овощи перемыть, почистить их и поставить готовиться рагу. А я пока печь растоплю.

Но прежде она распахнула окно, видимо, чтобы не было очень жарко.

А под печкой в это время, в темноте, сверкнули круглые из-за паники глаза чернобурки.

Глава 24. Рагу и квас

Наконец-то уютная, нормальная еда, от которой не затошнит! Наконец-то чистый дом и приличная женщина. Перемены хорошие, но кое-что в мире остаётся неизменным: Джек и его талант влипать в неприятности.

— Ой, знаете, надо золу почистить сначала... Давайте-ка, садитесь, — Женя улыбается, — отдохните. Я быстро!

Та, не ожидая от девицы такой прыти, теряется и приседает на лавку.

— Дак... вряд ли там золы много, милая. Карсон, хоть и мужчина, а всё же не безрукий...

Джек же, когда Женя оказывается рядом, в панике шепчет:

— Я чихну, сейчас чихну! — и принимается тереть нос чёрными лапами, зажмурив покрасневшие от сажи да золы глаза.

Как назло, мать Сона тут же оказывается у Жени за спиной.

— Ведро вот держи, и лопатку специальную на.

— Спасибо! — она всё забирает и начинает громко кашлять.

Джек от души чихает, поймав удачный момент, и с благодарностью шепчет:

— Спасибо...

Мать Сона хмурится.

— Болеешь?

— О, нет, это так что-то...

Она улыбается и начинает скрести золу рядом с Джеком.

— А вы часто навещаете сына? — спрашивает, надеясь отвлечь её.

— Нет, я живу в соседней деревне. В самой дальней соседней деревне, — добавляет, задумавшись, и теснит Женю, пытаясь забрать у неё из рук лопатку. — Это от золы ты кашляешь, дай мне!

— Нет! — у Жени случайно выходит слишком громкий крик. — В смысле... я слышала, что оно оседает внутри. А вам нужно себя беречь. Лучше уж я. Сядьте. Пожалуйста. Лучше расскажите о Карсоне. Его все очень уважают. И мне интересно.

Она, подумав немного, садится за стол и, внимательно наблюдая за Женей, не без удовольствия тянет:

— Рассказать о Карсоне? Говорить о нём можно много. Мой любимый сын, только бестолковый самый — все другие уже семьи имеют. Но ты лучше скажи, что именно хочешь узнать?

— У него есть братья? — отзывается Женя, потихоньку подставляя ведро к лису. — А я не знала. А почему не женится?

— Работа, говорит, такая... На первом месте у него сейчас она, на ней он женат! — внезапно, от досады, громко хлопает она по столу, и Джек, подпрыгнув, устраивается в ведре. — А братья, конечно, есть. Целых три. И сестры две, младших. Карсон у меня четвёртым рождён был.

— Вы такая молодец! Тяжело, наверное, когда столько деток...

Жени приходится насыпать на лиса остатки золы, прежде чем подняться.

— Ну, пойду выкину.

— Так ты ж не знаешь, куда, — усмехается та, но за Женей, к счастью, не спешит. — Иди за дом, там грядочку увидишь, мимо пройди и ямку найдёшь.

— Хорошо, спасибо!

С облегчением она поскорее уносит ведро подальше, радуясь, что собаки не увязались следом.

— Сажа спасла, — весь усыпанный пеплом, чихнул Джек. — Но шерсть... Ты посмотри, я ведь на обувную щётку теперь похож! — а сам чуть не плачет и пятится всё к кустам ежевики, на случай, если собаки покажутся из-за угла дома. — Так и подохну, — вздыхает он, — лисом облезлым...

— Ну перестань, — Жене становится его натурально жалко, — убегай сейчас, да только будь осторожнее. Потом я тебя ещё раз вымою, договорились?

Джек пытается улыбнуться в ответ, выходит лисьей пастью это так себе. Но он кивает и скрывается в кустах. Делает это очень вовремя, потому что за спиной у Жени раздаются осторожные собачьи шаги. И пёс, который защищал её недавно, виляя хвостом, суёт голову ей под руку. Но вдруг принимается принюхиваться, чуя скрывшегося в кустах зверя.

— Ну перестань, — Женя принимается гладить его по спине и бокам, — кто хороший мальчик, а? Кто хороший мальчик?

Пёс отвлекается, тихо поскуливая от удовольствия. Видимо, от хозяина ласки он получал редко.

Дома Женю уже ждала мать Сона, приготовившая всё для рагу и растопившая печь.

С овощами они разделались быстро, порезали на куски мясо, отыскали нужные пряности и травы, и вот уже кухню заполнил аромат сытного ужина.

— Как раз к его приходу всё будет готово, — улыбается женщина, вытирая о фартук натруженные руки. — Поужинаешь с нами только, даже не думай так быстро уходить! Ох, — выглядывает она в окно, — надеюсь, он вернётся до темна... Что-то тучи собираются. И ветер, слышишь, какой? Никак гроза грядёт. Меня, к слову, Касей звать. А то я, кажется, так и не сказала.

И, прежде чем Женя успевает что-либо ответить, входная дверь открывается, по коридору разносятся гулкие шаги, и на кухню выходит уставший и сердитый с виду Карсон.

— Матушка? — удивляется он. — Ты что тут? Время беспокойное, зачем было приезжать?

— Ты посмотри на него, — хмыкает она, упирая руки в бока и строго хмурясь. — Матери не рад, паршивец?!

Так странно наблюдать за тем, как этого опасного и высокого мужчину отчитывают, будто мальчишку, что это кажется даже милым.

Он улыбается в ответ будто бы со смущением.

— Рад, конечно. Просто мне утром завтра выезжать рано. Кто проводит тебя домой?

— Ну так, может, я задержусь немного, — изгибает она бровь.

И он выдыхает, всем видом своим показывая, что сдаётся. И переводит на Женю вопросительный, задумчивый взгляд, как бы спрашивая, всё ли в порядке. И... предупреждая, чтобы так оно и было.

— Вы, как понимаю, уже познакомились?

— Да, — улыбается она, отчего-то с вызовом в глазах, — я уже рассказала вашей матушке, как вы предложили мне подработку, когда увидели, как умело я веду хозяйство. Мы приготовили ужин. Вы, наверное, очень голодны.

Сон слегка медлит с ответом, наверняка раздумывая над её «умело веду хозяйство», вспоминая полудохлую корову на дороге, да и ужасную обстановку в доме. Но, наконец, согласно кивает и садится за стол. Что побуждает его мать тут же подскочить и засуетиться вокруг него.

Недавно такая строгая и бесстрашная, она вмиг превращается в угодливую и любящую, переживающую, как бы ему угодить.

Только вот Сон жестом просит её присесть рядом и переводит выжидающий взгляд на Женю.

— Я, наверное, пойду, — она улыбается и встаёт. — Твоя матушка сказала остаться, но ведь темнеет, моя семья будет волноваться.

— Уйдёт, — возмущается Кася, — а поухаживать за хозяином и его матерью?

— И себе поесть возьми, — кивает Сон. — Да садись с нами! Не стесняйся. Куда ты пойдёшь? Пешком, одна, в такой час? — и отвечает сам, отрезая: — Нет.

Женя с задержкой в одно мгновение кивает и принимается разливать по чашам рагу, расставлять приборы и прочее.

Тело сковывает напряжением. Карсон выглядит мрачным. Что-то случилось? Что-то, связанное с ней?

Он подумал и решить не отпускать?

Она садится и старается есть как можно быстрее, чтобы поскорее уйти. Пока рядом его мать. Может быть, он не станет скандалить при ней.

А та наблюдает за ней внимательным, пристальным взглядом, будто бы лениво пробуя стряпню. Хотя рагу вышло удивительно вкусным.

— Как ест быстро, не жуёт почти, — произносит тихо-тихо, но проникновенно до мурашек. — Сынок, а пусть и вовсе поживёт у тебя немного? Если ей идти далеко, как же она будет тебе помогать, туда-сюда бегая? Сам говоришь, время беспокойнее.

Он замирает с ложкой в руке. Раздумывает. Но с ответом не спешит.

— Ой, спасибо за предложение, конечно, — у Жени дёргается веко, — но у меня ведь мама уже не молодая и сестрёнка младшая больная... И жених, сами понимаете, не поймёт.

Вообще, хорошо, конечно, что она попросила. Потому что, если Сон задумал её убить, ей придётся объяснять это матери, которая уже такие предложения делает.

Но с другой стороны... прямо сейчас и как можно скорее хочется убежать!

Ко всему прочему в голове ещё крутится задание ведьмы — совершить кражу в плату за магию. За всё время она не успела ничего стащить, ведь мать Карсона едва ли преследовала её и почти не сводила взгляда.

Сон вздыхает и продолжает есть рагу.

— Кваса бы... — тянет он мечтательно и невероятно уютно потягивается, с удовольствием самого сытого на свете кота. — Женя, будь так любезна, спустись в подвал. Там в бочке квас. Краник открой и налей на всех в кружки, что найдёшь рядом.

Он кивает ей на люк в полу у входа на кухню.

Мать его одобрительно, в предвкушении потирает руки.

Не совсем понимая, что происходит, совершенно не понимая его самого, она кивает.

А что остаётся?

Но, может быть, там каким-то образом есть проход на улицу?

Только вот надежда не оправдывается, подвал оказался похож больше на подпольный погреб. Глухой, тёмный и прохладный, в который ведёт крутая неудобная лестница.

А Сон и бровью не ведёт, взял добавки и ест, только и слышно, как постукивает ложка о глиняный бок чаши. Будто это нормально, что в доме его разгуливает девушка, подозреваемая, нет, уличённая в колдовстве. И речи ведутся о том, как бы оставить её здесь с ночёвкой.

Женя боится, что что-то пойдёт не так уже из-за того, насколько она напряжена.

Говорят, если чего-то очень боишься, надо столкнуться с этим лицом к лицу...

Ну что ж!

— Ааай! — кричит и всхлипывает. — Ой...

И Сон в мгновение ока оказывается рядом, едва ли не спрыгивая за ней в подвал.

— Упала, споткнулась? Придавила люком палец?

— Не знаю... Кажется, ногу подвернула... — шепчет Женя. — Ой...

— Ну-ну, — касается он её и пододвигает к ней низенький табурет. — Присядь, я посмотрю.

Женя садится, картинно вздохнув. На её лоб выбилось несколько маленьких волнистых прядок. Лицо немного потное от работы, но всё равно красивое.

Она собирается с мыслями и вдруг шепчет:

— Так... что происходит?

— Ты повредила ногу или нет? — его горячие, слегка шершавые из-за обветренной кожи пальцы проходятся по её лодыжке.

Она не может врать ему.

— Нет. Но ты... продолжай.

Сон усмехается и ведёт ладонью вверх по её ноге, неуклонно, неотвратно забираясь под подол платья. Медленно и обжигающе горячо...

В полумраке сверкают его глаза, а вторая рука обнимает Женю за талию.

— Останешься здесь до утра, — шепчет он... будто намекая на что-то.

Глава 25. Угломонить собак

— Значит, — сердце пропускает неверный удар, — ты не собираешься меня прибить, да?

— Не собираюсь... А надо? — поднимается он, горой нависая над ней.

Она выдыхает с трепетом, с трудом понимая, что с ней вообще такое творится.

— Пришёл такой мрачный, напугал меня.

— Я и должен таких, как ты пугать, — отвечает он, впрочем, мягко и незлобно. — Ты мне лучше скажи, где лис? Позволила магушке моей его себе на воротник пустить? А то она бы могла... — а сам, говоря это, зачем-то подхватывает Женю на руки так легко, будто пушинку.

Она обнимает его за шею и вдруг, как бы между прочим, чмокает в губы.

— Волнуешься за него? Его тут нет.

Дыхание его становится судорожным и Сон опускает её на пустую широкую, будто лавка, полку у стены.

— Скорее волнуюсь о том, — говорит он, отступив к бочке с квасом, — что видела и слышала моя мать. Но, судя по её реакции, вы поладили. Женя... — тон его меняется, в нём появляется нечто тягучее и тёмное. — Останешься у меня. Это больше не обсуждается, — и протягивает ей наполненную кружку. — Подержи, поможешь мне.

Она всё делает, параллельно борясь с собой и то и дело появляющейся на лице улыбкой.

— Я сразу нашлась что сказать. Помогала ей, лиса выпроводила незаметно. Не волнуйся, она ни о чём не догадывается. Что бы это ни было.

Женя и сама уже не понимает, что именно они скрывают и что между ними самими происходит.

Пока она говорит, Сон наполняет кружки. Две выносит из подвала, сразу же возвращается, забирает оставшуюся у Жени и жестом просит её подняться.

— Хорошо. Мне так спокойнее, всё правильно. Идём?

— Вы там чего долго так? — доносится до них голос матери. — Всё хорошо, она не убила там?

— Хорошо! — отзывается Карсон, а Жене шепчет прямо на ухо, опаливая её кожу дыханием: — Веди себя спокойно, ничего странного не говори. Будешь спать у меня, а утром я отвезу тебя домой и извинюсь перед твоей матерью.

И она кивает, отчего-то больше не глядя ему в глаза. Только изредка отвечая на вопросы Каси и спрашивая что-нибудь нейтральное для поддержания разговора.

Ей, разумеется, не должно быть до этого дома и его хозяина никакого дела. И сейчас бы досадовать из-за задержки, из-за отдаления цели — попасть домой.

Но... почему-то не получается.

И вот Сон расстилает постель, сам давно уже переодевшись во льняную рубаху и удобные штаны. Он выглядит таким домашним и тёплым... А в глазах всё та же сосредоточенность и задумчивость. А ещё нечто жгучее и тёмное, не позволяющее забыть о том, кто он такой и как опасен.

— Будешь спать здесь, — изрекает, отступая от кровати и бросая на Женю взгляд.

Спальня его тёплая и уютная, небольшая, почти без мебели, но при этом не кажущаяся

пустой. На деревянном подоконнике растёт вьющийся цветок... Ставни не закрыты, а потому, кроме масляной лампы, комнатку освещает и лунный белый свет.

Она складывает руки на животе, словно всё ещё опасается его.

— А ты?

— А я буду здесь, — бросает он на пол тяжёлый матрас. — На всякий случай, — усмехается, то ли подшучивая насчёт чего-то, то ли ещё что. — Ты ведь не против?

Она садится на кровать, думая как бы поскорее уснуть, но вдруг бросает неожиданно для самой себя:

— Можешь и на кровати. Почему нет?

Он, уже устроившись на полу, приподнимается на локте и пристально смотрит на Женю.

— Уверена?

Она выгибает бровь. Но голос, ласково звучащий в ночи, вполне себе уверенный:

— Конечно!

И Карсон подходит к ней, наклоняется, упираясь ладонями в кровать по обе стороны от Жениных бёдер и глаза его мерцают совсем близко от её лица. Настолько, что она могла бы разглядеть своё отражение в его бездонных зрачках.

— Уверена? — повторяет шёпотом, а губы режет странная, какая-то тёмная ухмылка. — Не боишься, Женя?

Она вспоминает, как громко и ужасно вопила примерно в такой же ситуации с Джеком. От того, чтобы повторить, удерживает только Кася.

Но даже если бы комната наполнилась криком, он был бы всего лишь дурной шуткой.

— Я ведь... тебя спать пригласила, — шепчет едва слышно.

И он, не отстраняясь от неё, изгибает бровь.

— Точно? А то мне показалось...

Женя отзеркаливает его мимику.

— Эй, так ты на это рассчитывал, когда решил отпустить меня?

— Что? — отстраняется он и одаривает её, отчего-то, оценивающим колким взглядом. — Конечно же нет.

— Тогда почему думаешь, что это может произойти?

Она как бы невзначай касается его плеча.

И он валит её на кровать, нависая сверху, и запускает пальцы в её мягкие волосы.

— Потому что вижу... И хочу, — целует её Сон, как бы на пробу, и слегка отстраняется. — Хочешь сбежать?

— Нет, — выдыхает Женя, — а ты обычно хочешь всё, что видишь?

— Нет, — оставляет он поцелуй на шее. — И тем более это не касается ведьм. Но... — его горячие пальцы сжимают её коленку. — Видимо, твоя магия оказалась сильнее... — Сон на мгновение отпускает её, но лишь затем, чтобы стянуть с себя рубаху и отбросить её в сторону.

В лунном свете его мускулистое, рельефное тело отдаёт серебром, и каждый шрам на нём (а их оказалось достаточно, впрочем, его это ничуть не портит) словно вспыхивает белым пламенем.

Женя тихо стонет. От каждого его прикосновения по телу разливается сладкая, горячая дрожь. Она гладит ладонью шрамы, не в силах оторваться от него.

— Никакой магии... И, значит... ты поверил мне?

— Я не знаю, как относиться к сказанному тобой, но отчего то не считаю, что ты лжёшь мне... — он подтягивает её ближе к подушкам, приподнимает и вдруг стягивает с неё платье, после чего прижимает к себе и покрывает поцелуями плечи. — Зря позвала меня лечь рядом... — выдыхает он, щекоча ей шею своим дыханием. — Я не смогу уже остановиться... — тянется его ладонь вверх по её бедру.

— А я не хочу, — выдыхает Женя, — чтобы ты останавливался...

Она прижимается к его твёрдой, горячей груди, касается носом шеи, судорожно дышит, чувствуя, как начинают алеть от смущения скулы.

— Только... будь осторожнее...

— Хорошо... — шепчет он.

А при этом становится увереннее и в каком-то смысле жёстче. Хотя и ведёт себя с ней бережно.

Но поцелуи его горят пламенем, касания оставляют не меньший жар, как и взгляд, которым он блуждает по её телу...

Он прижимает руки Жени у неё над головой, обхватывая тонкие запястья своей ладонью. Крадёт очередной поцелуй, не позволяя стону сорваться с её губ. Взгляд его затягивает пелена. Лампа на столе гаснет...

Тьма и жар окутывают их плотным покрывалом, скрывая от всего мира.

Женя слышит только стук собственного сердца и почему-то его дыхание. Она всегда думала, что губы девушки себе прокусывают только в книжках типа «Оттенков серого», но от волнения, от попытки сдержать очередной стон, который точно не будет тихим, она всё же стискивает зубы, зацепив кожу, и в тот же миг чувствует солоноватый, металлический привкус во рту.

Боль мешается с удовольствием, глаза горят магией и огнём.

Карсон словно не замечает этого. Да что там, сейчас он сам больше напоминает демона, красивого и сильного, способного сжечь её одним своим взглядом. Не говоря уже обо всём прочем...

Он осторожно, но крепко сдавливая ей горло, большим пальцем проводя по венке на шее. Затем перемещает ладонь дальше, пальцами зарываясь в её волосы и стягивая их, заставляя Женю выгнуться.

Что-то шепчет ей на ухо. Что-то наверняка приятное, но неразборчивое из-за срывающегося шёпота и шумного дыхания.

Кровать поскрипывает. Сон замечает это не сразу, как и то, что она начинает постукивать о стену своей деревянной спинкой.

— Утомони собак! — вдруг доходит до них голос Каси. — Я не могу заснуть из-за шума. Сон, ты слышишь меня?!

Женя, хоть и чувствует себя обессиленной по-хорошему лужей под ним, всё же усмехается остро и шепчет:

— Собак, Сон... Утомонишь уже или нет своих... собак?

Она имеет в виду всю ту страсть, что пылает в нём, весь напор и... голод.

Он фыркает, сдерживая смех, и продолжает всё, от чего его отвлекли, вместе с долгим поцелуем.

Ночь вновь застывает в жаре, в сплетении рук, заполняется прерывистым дыханием и страстью.

— Или это не собаки?! — кричит Кася с соседней комнаты. — Не псы твои, да?

Жени очень хорошо, но ещё больше — смешно. Она замирает, как будто пытаясь оценить свои силы, но сдаётся быстро. И смеётся, вцепившись в плечо Карсона.

И ему приходится зажать ей ладонью рот.

— Тише, пожалуйста, — шепчет ей на ухо, а сам тоже давится от смеха. От досадливого, но раздирающего на части смеха.

Отчего-то попытки сдержаться создают едва ли не больший шум. И голос его матери, прозвучавший вновь, полон негодования и осуждения:

— Уж лучше бы это были собаки!

И Карсон, сдавшись, выпускает Женю из своей хватки и принимается смеяться вместе с ней.

Она обнимает его за шею, смех льётся вперемешку с поцелуями и сбивчивым шёпотом:

— Мир другой, а дух коммуналки всё тот же...

Сон слегка напрягается, но обнимает Женю крепко и тепло, усмехаясь ей в макушку.

— Что такое камукалка?

Она улыбается.

— Это когда стены тонкие и с каждой стороны соседи. А твоя мать, — выдыхает уже ему в губы, — утром убьёт меня...

— Уж раз я не убил, то никому не позволю, — улыбается он, целуя её.

Глава 26. Ещё одна цель в копилочку

Сон отрывается от неё нехотя, в очередной раз, теперь уже под утро. Рассвет красным заревом разливается, казалось бы, под самым окном, потому что на стенах и потолке пляшут настолько яркие багровые краски, что становится не по себе.

Карсон прижимает Женю к своей груди. Его сердце стучит всё ещё быстро и гулко, но дыхание ровное и спокойное. Можно даже сказать, сонное... Впрочем, ещё бы ему таким не быть! Он работал весь день, и не спал всю ночь... Пусть и не променял бы эту ночь ни на что на свете, и чувствует себя, пусть не физически, но всё равно отдохнувшим.

Он рассеянно водит пальцами Жене по плечу, задумчиво глядя в окно, и едва заметно улыбается своим мыслям.

Хорошо...

И будто вовсе не ведьма рядом с ним лежит. Вовсе и не чужая. Не малознакомая девушка...

Чувство жара и страсти сменяет тепло и ощущение родства. Словно их прямо сейчас судьба связывает узами, крепко и безболезненно. При этом, почему-то, заставляя Карсона ощущать свободу.

Такую, которой он никогда не испытывал. Хотелось сделать для Жени невозможное. Сон верил, он чувствовал, что теперь способен на всё. Будто за спиной у него выросли крылья.

И если бы... он не был настолько сонным, то тут же подхватил бы Женю на руки, и взмыл вместе с ней в воздух!

— Красиво, — шепчет он, будто говоря о рассвете, на самом же деле наблюдая, как красный свет играет на её коже и волосах.

Ей хочется спать. Но так, чтобы время остановилось, чтобы застыло на отметке «раннее утро», и Карсон вот так лежал рядом и не пришлось бы никуда идти...

— Ты красивый, — оглядывает его, в тёмных омутах её глаз пляшут черти, — так странно... — касается его щеки и сладко зевает.

Её тёмные, слегка влажноватые волосы раскиданы по подушке, на бледной шее красные следы его поцелуев и пальцев, а ещё на ключицах, груди, бёдрах и... много где ещё.

— Я всё думаю об условии, — шепчет Женя. — Не испортить сказку. Это считается?

— Мм? — отзывается Сон лениво и приподнимает бровь. — Уверен, ты ничего не испортила, если речь об этом, — сам не понимает отчего улыбается и целует Женю в волосы. — Вот бы... вот бы, — шепчет он вдруг, — так было и дальше... Только представь. Мне нравится, — замечает будто бы с удивлением, — об этом думать. О множестве подобных ночей и рассветов. С тобой.

Сердце у Жени ёкает.

Она проводит пальцами по его груди, приближается и утыкается носом в его шею.

— Ты ведь меня совсем не знаешь...

— Познакомимся? Расскажи ещё о себе, — просит он тихо, замирая, будто боясь её спугнуть. — Мне всё интересно. Что тебе нравится, что радует, о чём мечтаешь?

— Сейчас только о том, чтобы вернуться домой, — произносить это горько, но ей важно, чтобы Карсон понимал — она не останется здесь. Чтобы не влюблялся слишком.

— Какой он, твой дом?

Она целует его в кадык и вздыхает.

— Сложно объяснить... Мой мир похож на твой, но несколько столетий спустя. Больше пятисот — точно. У нас нет магии, точнее нет ничего доказанного. Люди любят всякие мистические истории, вспоминают про ведьм, которых сжигала инквизиция, но нет ничего, указывающих на то, что они действительно обладали магией. Всё это были предрассудки, влияние религии и недостаток знаний. Сейчас у нас даже есть огромные денежные премии для экстрасенсов, вот только никто за десятки лет так и не смог ничего доказать. Если бы магия существовала, кто-то бы забрал целый миллион, но — увы. В общем, людей стало больше, они стали умнее, построили огромные города из железа и стекла с высокими домами. Так и называются — небоскрёбы, потому что небо скребут. В моём мире много всего интересного... там у меня учёба в институте, друзья, младшая сестра... — на этом Женя всхлипывает, горло сдавливают спазмы, продолжать говорить тяжело.

Сон гладит её по голове, слушая внимательно.

— И если... когда, — исправляется он, пусть, судя по голосу, ему сложно это говорить, — ты вернёшься домой... То больше не сможешь прийти сюда?

— Не знаю, — она отвечает честно, — но это маловероятно.

— Мне жаль, — мрачнеет он. — Но я буду рад за тебя, Женя... И если так всё же случится, боюсь, возможно, я стану ждать тебя.

— Не надо, — она приподнимается и целует его в губы, — даже не думай об этом...

— Есть вещи, что нам неподвластны, — Сон вдруг усмехается, хватая её и оказывается над ней. — Ты очень красивая. Я сразу не замечал этого так явно. Ты... — ведёт он костяшками пальцев по её щеке, прожигая Женю тёмным, внимательным взглядом, — нравишься мне... Ты очень нравишься мне.

Она смеётся так нежно, что даже обессиленно, запускает пальцы в его волосы и скалится:

— Нет... Не верю... Ты не сможешь ещё раз!

Карсон ухмыляется.

— Не смогу? Это вызов, Женя? — он как-то по особому произносит её имя, словно делает на чём-то в нём акцент. — Недоверие, или... Страх поверить в желаемое? Так не бойся, — в глазах его пляшут черти, — ты не разочаруешься.

Он накрывает её губы поцелуем, сдавливает запястье руки, прижимая её к подушке, ведёт себя при этом нежно и осторожно.

Бойтся навредить. Ведь даже он ощущает сладкую, тянущую мышцы усталость, что уж говорить о хрупкой девушке под ним.

Такой беззащитной, невероятно близкой, вмиг ставшей ему не чужой...

Ему её будто не хватает, Сон не может насытиться. Он не помнит, испытывал ли такое раньше.

И забывает об осторожности, не заботясь ни о скрипучей кровати, ни о столах, что могут срываться с Жениных губ. словно они находятся одни на всей земле. И больше ничего не важно.

Она даже и не знала, что такое бывает. С парнем, с которым встречалась ещё со школы, было совсем не так — всегда как-то скованно, неловко и... холодно. Они не подходили друг другу и расстались без драм.

Выйдет ли так же легко уйти от Карсона?

Сейчас, когда воздух, кажется, плавится от страсти, в это сложно поверить...

— Так... — срывается с искусанных губ, — хорошо...

И Сон собирается что-то сказать, склоняясь к её уху. Только вот в этот момент над ними раздаётся голос его матери:

— Карсон, тебе же на... на рабо...ту. По делам надо ехать.

Он замирает, отчего-то глядя на Женю будто бы с удивлением. И молчит.

— А я, — между тем расплывается Кася, — всю ночь просила свору уgomонить! Как не стыдно? Ай, куда мир катится, ай! Лучше бы это были псы. Я уже и согласна их терпеть!

Женя закусывает щёку изнутри и смешно морщится, вцепившись в Карсона.

— Извините, — в голосе то ли дрожь, то ли смех. — Мы не хотели вас беспокоить!

— Не хотели они! — фыркает Кася. — А чего хотели? Не отвечай, вижу, чего! — упирает она руки в бока, со строгостью и возмущением во взгляде наблюдая за тем, как Карсон ложиться рядом с Женей и плотнее прикрывает её одеялом. — Так ты ему помогаешь, да? Теперь мне всё ясно...

— Матушка... — пытается он её урезонить, но та жестом заставляет его замолчать.

— Что, матушка?! Ах, чуюло моё сердце, что неспроста здесь эта девица, неспроста! А сама мне невинные глазки строила, про работу лепетала!

Женя закатывает глаза и не сдерживает смешок.

— Но вы ведь... совсем не против же? — вспоминает волнения Каси по поводу того, что любимый сын не остепенился.

— Не знаю! А вот не знаю, — не унимается она.

— Матушка, — на этот раз гремит голос Сона более резко и уверенно, и ей приходится замолкнуть. — Выйди, будь добра.

— Выйди... Уже за дверь мать выставляет!

Сон не сдерживает мягкого, бархатного смеха.

— Да что же не так в самом-то деле? — спрашивает он.

— Ох, не знаю, — качает та головой, — не знаю! По нраву тебе она? — отчего-то звучит с небольшим сожалением. — По нраву?

— Конечно, да.

Кася качает головой.

— Надобно мне сначала с матерью её познакомиться. Да проверить, правда ли хозяйка хорошая она, как говорила мне. Ох...

На Женю нападает, скорее всего, истерический смех. Она старается производить его как можно беззвучнее, но выходит с попеременным успехом.

Думала, что тут всего на пару дней — ага.

Наставила рога предполагаемому жениху, за которого, конечно, и не думала выходить — это раз.

Тут же впуталась в новые отношения, да не только с мужчиной, но и с очередной чужой матерью — это два.

А выход домой всё не брезжит в конце коридора...

И как ей объяснить, что у них с Соном всё несерьёзно? И что делать бедной Джилл, если она всё же вернётся в своё тело?

Женя мгновенно чувствует вину и стыд — она ведь совсем с этой огненной страстью забыла о девчонке.

— Я не думаю, что... — начинает она, к тому же ещё и вспомнив, как на самом деле

выглядит (не) её дом, — это хорошая идея...

— Хорошая! — чеканит Кася и, поймав на себе уже не на шутку строгий и жёсткий взгляд сына, направляется к двери. — Хорошая, иначе не сыскать вам моего благословения! И тебя больше здесь видеть не пожелаю! Мой сын будет лишь с достойной. А я на слово верить вот так первой встречной не стану. Да и вообще, по-людски всё быть должно. По-людски!

— Мама! — она замирает у двери, и Сон договаривает: — Я сам выберу, кто со мной будет, уж прости. Но тебя разочаровывать и тревожить никто не собирается. Ты лучше пожди пока, на стол накрой, мы с Женей скоро завтракать будем.

— Как скажешь, сынок, — скрывается она за дверью.

И где-то во дворе начинают поскуливать и завывать псы...

Женя от эмоций прикрывает лицо ладонью, глядя на Карсона.

— Что ж... — только и шепчет он. — Придётся ей уступить, как думаешь? — и вдруг улыбается обаятельно и коварно. Можно даже сказать, почти счастливо...

Она качает головой.

— Но... если я пропаду, как ты будешь ей это объяснять? И к тому же ты помнишь, что у Джилл жених есть?

Это его отрезвляет. Сон рывком приподнимается на локтях. Во взгляде его плещется ревность, сожаление и нечто ещё, чему Жене пока не найти названия.

— Я забыл... Прости меня! Не знаю, как я... Что же это... — он выдыхает и поднимается. — Я не... Точно, у тебя ведь есть жених! Не понимаю, как я мог забыть, — наконец произносит он. — С другой стороны, — тут же находится Карсон, — ведь не муж! Я не брошу тебя, не подведу. Раз всё так сложилось... А что Джилл касается и мира твоего... — добавляет спешно, — так ведь пока ты здесь, Женя. Давай жить сегодняшним днём! Мы не знаем, что будет завтра.

— Да что ты так встрепенулся? Я не собиралась за него замуж выходить, наоборот, думала, как держать на аркане, пока я здесь. Ну что ты... — Женя даже умиляется. — «Не брошу», «Раз всё так сложилось...», смешной такой. Расслабься. В моём мире секс не так уж и много значит. Я о том, что жених это её, и я не могу так просто перековеркать ей жизнь, бросить одного, переспать с другим и испариться. Должна же быть... женская солидарность.

Карсон мало что понимает, но выхватывает из сказанного ею то, на что может ответить:

— Если вернётся, расскажу всем, как было. Или иначе как проблему решу, — заверяет он. — И под суд её, ведьму... А ты свою жизнь живёшь, Женя. Поэтому, решено... — договаривает мрачно.

— Во-первых, — она хмурится, — не надо никого под суд. Это с её телом ты был этой ночью. Хоть оно и очень похоже на моё. Во-вторых, что решено?

Но Карсон качает головой:

— С тобой я был. Решено — моя матушка знакомиться идёт с семьёй твоей. Одевайся, — протягивает он ей одежду, — завтракать будем, — и одевается сам. — Только не спорь!

Глава 27. Важность сна

Он кажется таким серьёзным и при этом уютным, что Женя вновь чувствует, как от трогательности ёкает сердце.

— А потом ты пойдёшь спать, да?

— Что? — не ожидая такого вопроса, теряется Карсон. — Спать? — повторяет непонимающе.

Она зевает. Его мать смогла взбодрить, но это ненадолго, совсем скоро вновь будет «рубить» и едва ли только её одну.

— Ты ведь вчера ловил меня на ярмарке, а потом отлучался по делам, а потом мы... — она улыбается. — Ты должен взять выходной. Остаться здесь и выспаться.

Он улыбается в ответ.

— Боюсь, это непозволительная роскошь, — а в глазах при этом тень сомнения. — Не беспокойся обо мне, у меня хватит сил.

— Но ведь работа ответственная, — замечает Женя.

— Да... и я не могу пропустить, — хмурится он.

И в это время издали звучит голос Каси:

— Карсон, где ты? Всё уже готово. Ты и так опаздываешь!

Женя поднимается, зевая и слегка пошатываясь.

— А если подведёшь кого? Надо быть ответственным и остаться дома!

— Я... даже не знаю, — теряется он.

И мать его будто из ниоткуда оказывается за его спиной.

— На стол накрыла, а вы и не шевелитесь! А ведь девочке ещё домой ехать.

— Да я сама дойду, а он поест и пусть спит, — настаивает «девочка».

— Далеко самой идти, и время беспокойное, — возражает на это Сон.

— А работа твоя важная, — ворчит Кася, — чтобы ещё и из-за девчонки дела откладывать! Пусть уж, раз так, здесь остаётся. А потом мы с ней вместе к её матери ходим.

— Нет, — едва ли не вскрикивает Женя. — Как-нибудь в другой раз. Через... полгодика хотя бы.

Она представляет, сколько времени понадобится на то, чтобы привести хату матери Джилл в порядок и морщится.

Кася же понимает всё по-своему и усмехается. Но хотя бы по-доброму. В глазах её загорается лукавый огонёк.

— Эх, молодёжь пошла, — качает она головой. — Ну негоже ведь прятаться. Да и, что, думаешь мать твоя не одобрит Карсона? Глупости! Рада будет. Ну да ладно, дней пять я подождать могу. Как раз и дома у себя кое-что решить успею, и сюда вернусь. А вы, давай те-ка, не дурите!

И она спешит обратно на кухню.

Карсон, подумав немного, бросает на Женю странный, жёсткий взгляд.

— Пять дней, значит... — повторяет он.

Она выпучивает глаза:

— Нет, ну ты видел тот дом?

Карсон разводит руками.

— Что поделывать.

Женя смеётся, подходит к нему и обнимает за шею.

— Кстати, мне нужно будет у тебя что-нибудь украсть.

— Именно украсть? — обнимает он её в ответ за талию. — Тогда я не должен давать разрешения, да? Только, — понижает он тот, — собак не трогай. И Аду, — добавляет, немного подумав.

Будто и правда считает, что Женя могла бы увести его лошадь.

Женя только фыркает ему в шею.

— Хотя, подожди... — он будто тревожится, даже отступает от неё. — Ты украла уже.

Воровка!

— Что? — она даже бледнеет от неожиданности. — Неправда, когда бы успела?

— Не знаю, когда! — буравит он её жгучим взглядом, а затем вдруг прижимает ладонь к своей груди. — Но ты украла моё сердце...

Женя закусывает губу. Ей никогда не было так хорошо и грустно одновременно...

Они завтракают в молчании. И если Сон ведёт себя непринуждённо и как-то просто, то от Каси исходит странная, жгучая энергетика. Такая, что, казалось, еда в горле комом встанет от одного только её взгляда. Но женщина молчит, уважая выбор сына. По крайней мере, пытается показывать это так и не гневать Карсона.

А затем Ада, свора собак, провожающая его с Женей до ворот, и поездка к ветхой, трухлявой и грязной хижине, к которой после дома Карсона неприятно и приближаться.

Он спешивается, горячими ладонями обхватывает Женю за талию и снимает её с лошади.

Сон не успевает ей ничего сказать, как из дома на крылечко выходит мать Джилл и начинает верещать, всплёскивая руками:

— Я поседела вся за эту ночь, думала, померла! Что произошло? Что случилось?!

Женя уже успела забыть, как тут всё устроено.

— Ничего, — она всё же улыбается, — устроилась работать у Сона в доме. Помогать по хозяйству.

Мать спотыкается. Бледнеет. Расплывается в улыбке.

— А? Да? Ой, как хорошо, — тянет она самым милым голосом, на который только способна. — Как чудесно! Доча моя умница ведь, руки у неё волшебные. То есть, — пугается она, вспоминая, кем работает Сон, — не то, чтобы... Просто рукодельница она и работающая очень!

Карсон, который думал уже что-то ответить, переводит взгляд на Женю и решает ещё немного помолчать.

Правду сказать Женя и сама успеет. Ей виднее, как лучше. А он уж поддержит тогда.

— Знаешь, мама, — вдруг приходит ей в голову идея, — Карсон хочет у нас остаться. Он не спал ночь. Нужно отдохнуть. Подготовишь постель?

Она бледнеет ещё сильнее, но отвечает сразу же, с пугающей готовностью:

— Конечно-конечно, проходите скорее, я мигом! — и убегает обратно в дом.

Карсон, сощурившись, смотрит на Женю.

— Я думал, ты не хочешь ей рассказывать так сразу, а тут «ночь не спал»... И что значит, «хочет остаться»? Женя, душа моя, у меня правда много дел.

Она тянет его за собой за руку.

— Ну, мало ли что ты там делал. Скажу ей, что это всё часть акции по борьбе с ведьмами. Поспишь немножко и пойдёшь, куда захочешь.

Она зевает и едва не падает в его объятия, пошатнувшись.

Сон запускает пальцы в её волосы и другой рукой обнимает за талию, прижимая к себе.

— Что значит акция? — спрашивает он тихо, сам не понимая, отчего не отпирается от этой идеи.

— Ну, в этом контексте, — шепчет в ответ, — типа... облава. А вообще, это скидки. Не бери в голову... Идём, не хочу отпускать тебя сейчас.

И он действительно идёт с ней. Но когда они переступают порог, в Женю тут же врзается её «сестра».

— Ты обещала, что больше не сбежишь и не пропадёшь надолго! — поднимает девочка на неё большие, впалые глаза.

И слишком явно старается не смотреть на Карсона. Боится.

— Ну что ты... — Женя выдыхает с облегчением, что с девочкой всё в порядке, — не так ведь и долго меня и не было, м? Вот этот господин задержал.

Малышка переводит на него опасливый и возмущённый взгляд.

— Моя сестра ничего плохого не сделала! — звенит её голосок, а глаза наполняются слезами.

Карсон в ответ приподнимает руки, показывая ладони, как бы говоря ей успокоиться.

— От меня её защищать не стоит, я друг.

— Всё хорошо, чего ты? — Женя гладит её по волосам и сдерживается, чтобы не поморщиться — ребёнка точно нужно как следует выпарить в бане.

Малышка обнимает её крепче, а на Карсона смотрит уже с живым любопытством.

Мать Джилл в это время заканчивает с постелью и подходит ближе.

— Я на печи постелила, там удобнее всего. Доча, — хватая малышку за руку и тянет к двери, — идём, не будем мешать! Отдыхайте! — тянет она любезным тоном, обернувшись напоследок, и... подмигивает Жене.

— Она нам не помешает, — возражает та. — Оставь ребёнка в покое.

— Нет-нет, мы пойдём, — отзывается она уже из-за двери. — В огороде поковыремся.

— У вас есть огород? — удивляется Сон.

Женя выгибает бровь, вспоминает задний двор и со смехом отвечает:

— Нет.

— А тогда... А, — взметаются его брови, — ясно. Но у тебя ведь есть жених? — падает на его лицо тень, а затем Карсон мрачно усмехается. — Прости, не слушай меня.

— Видимо, она считает, что ты лучше, — нарочито мило улыбается Женя и тут же морщится. — Рисковая, да?

— Очень, — хмурится Карсон и подходит к печи. — Нет, ты не думай, — спохватывается он, — я тебя не подведу! Просто... Кхм, впервые вижу такое, — он забирается наверх.

— Ты такой смешной, — она целует его. — А теперь спи!

— А ты? — он тянет её на себя.

— Если только минутку... — поддаётся она.

И Сон заключает её в свои тёплые объятия.

— Конечно, — целует Женю в волосы, а затем слегка отстраняется, чтобы взглянуть в её глаза, и серьёзным тоном произнести: — Здесь так много клопов...

Она в ответ принимается смеяться:

— Это так романтично...

Карсон смеётся тоже, прижимает её к себе крепче, но почти сразу же засыпает.

А спустя несколько минут после этого дверь в дом тихонько отворяется, и к печи подходит мать. Она тянется до Жени, привлекая её внимание, и шепчет, в страхе округляя глаза:

— Я не знаю, как быть, там Вилли приехал... — она прерывается, с удивлением и возмущением оглядывая её и Сона: — А вы, чего, спите, что ли?! — но быстро берёт себя в руки и шепчет снова: — Я сказала, тебя дома нет. Но он ждёт.

Глава 28. Уже почти родня

Женя осторожно высвобождается из объятий инквизитора.

— Но, погоди... — зевает. — Там же Ада стоит... Он видел Аду? Спрашивал про Карсона?

Мать округляет и без того большие от волнения глаза.

— Не знаю... Не спрашивал, я сразу ему зубы заговаривать бросилась! А он смотрит... Да, смотрит на лошадь и хмурным таким становится! Ох, я ведь сказала, тебя дома нет... Не правильно ведь, да? Хуже бы было, узнай он, что ты здесь.

Женя спрыгивает с печи и принимается, пошатываясь, ходить из стороны в сторону. Отшить бы его уже и голове не морочить. Но что, если вернётся Джилл? Она, конечно, уже и забыла о девочке рядом с Карсоном, но всё же...

А с другой стороны — она ведь бежать собиралась.

— Ма, — непривычно звучит. — А что было до того, как дровосек этот меня сюда вернул?

— В смысле, что было, с кем, когда?

— Ну, он же меня в городе нашёл. Я уже не помню, напомни, как я там оказалась?

— Сбежала, дура! — восклицает она, тут же вспыхивая от негодования.

Но замолкает быстро. Как только Карсон начинает ворочаться во сне.

— Так да, а почему?

— А потому что всё тебе не так было, — поджимает она губы. — Жених не тот, да, говоришь, не договорюсь я с ним. А я, видишь, права была и Вилли только рад! Сестра достала тебя. Я достала. У, неблагодарная! — в сердцах машет она на Женю рукой.

— Ну так, — выдыхает она с облегчением, — может, и отпустить уже этого Вилли, если он всё равно не люб мне?

Откуда-то тут говор из советских кино-сказок — непонятно.

Мать переводит взгляд на печь, где спит Карсон. Скептически цокает и качает головой.

— Было бы неплохо, конечно... Но повременить надо бы. Ты, конечно, ничего собой, сойдёшь. Но... Где он, — кивает на Сона, — а где мы, — и вздыхает так горестно, тяжело и взволнованно, что кажется, будто заплачет.

— Ну, конечно... Вот что, отвлеки его, как-нибудь обзор закрой. Я выйду и подойду к нему со стороны дороги.

Мать кивает и семенит к двери.

И как только она выходит на разбитое скрипучее крыльцо, едва ли не сталкивается с Вилли.

— Ой, — запрокидывает она голову, чтобы взглянуть в его маленькие глаза, — прости, что заставила ждать. Я дочурку проводывала.

В это время девочка выступает у Вилли из-за спины, и ловит на себе убийственный материнский взгляд.

— Ах, вот она где! — тянет мать, заодно натягивая на себя и улыбку. — А я-то думаю, спала, вроде, в уголке на лавочке, а нет нигде! Дети, — улыбается она Вилли.

— Где Джилл?

— Сказала же, дома нет её, — хмурится она в ответ и за локоть отводит Вилли

подальше от крыльца. — Вся в работе моя красавица. Я ей столько поручений дала, что и не знаю даже, какое из них сейчас выполняет. Может в огороде работает.

— В огороде? — звенит позади удивлённый детский голосок.

Но мать продолжает, как ни в чём не бывало:

— А может курочек кормит.

— Кур... — хотела было спросить Анна, но на неё, не глядя, машут рукой и она замолкает.

— Или коровку моет. Или в город пошла.

Она неуклонно уводит Вилли всё дальше и дальше от дома. Но уже у калитки он упирается.

— Лошадь Карсона у вас, — указывает он пальцем на Аду, что невозмутимо щипает траву у забора. — Что здесь Ада делает?

— А, Ада? — хлопает мать выцветшими на солнце ресницами. — Какое причудливое имя для коня!

— Это лошадь.

— Без разницы.

Женя выходит им навстречу будто бы из лесочка с корзиной трав (захватила из дома, накидала одуванчиков и клевера).

— Доброго дня, Вилли! — кивает дровосеку.

И он тут же надвигается на неё высокой горой и пальцем тычет в сторону лошади.

— Откуда она здесь, Джилл? Смотри, видишь её? Я пришёл, а она здесь.

Она выгибает бровь.

— Так я тоже. Меня-то чего спрашиваешь?

— Не пререкайся с будущим мужем, — шикает на неё мать, но при этом говорит тихо и с опаской поглядывает в сторону дома, проверяя, не слышал ли Карсон.

— Я твой будущий муж, — кивает Вилии, зачем-то напоминая об этом Жене. — Твой. Будущий. Я. А здесь это, — снова указывает он на лошадь.

— Наверное, — горестно вздыхает она, — заподозрил в колдовстве. Кого-то из нас. Что-то вынюхивает. Или дело какое? Мать, объяснишь? А то страшно мне...

А та в ответ округляет глаза и мотает головой, ведь так и не придумала, что сказать.

— Э-э, нет... То есть, да, — кивает часто и нервно.

А Вилли всё сильнее хмурится.

— И где он сейчас?

Мать в ответ озирается.

— Пошёл вокруг дома блуждать. Следы высматривает.

— Следы?

— Так охотник же.

И Вилли, к её облегчению, будучи сам охотником, понимающе и согласно хмыкает.

И всё бы ничего, но дверь дома в этот момент со скрипом отворяется и на пороге оказывается Сон.

Джек, который наблюдает за всем этим из-под листа лопуха, решает спасти ситуацию и, поджав хвост, выходит на дорожку.

Он останавливается на самом виду, так, что замечает его и мать Джилл, и Карсон, и Вилии. Лис словно становится между ними. И они смотрят на него едва ли не как на очередного соперника.

Но в следующий миг взгляды их вновь пересекаются и про лиса все забывают. Хотя Джек и надеялся перевести внимание мужчин на себя.

Только Ада одна продолжает буравить его недобрым взглядом, угрожающе взрывая копытом землю.

И Джек от греха подальше, также медленно и поджав хвост, уходит обратно под лопух.

Карсон сходит с крыльца. Вилли подступает к нему. Никто не обращает внимания на неразборчивые лепетания матери Джилл, что семенит за женихом дочери всплёскивая руками, предчувствуя беду.

— День добрый, — здоровается Карсон, как ни в чём не бывало.

А у самого взгляд мрачный и тёмный. Такой, будто готов убить и пройти мимо.

— Добрый ли? — изгибает Вилли бровь и убивает комара, что садиться на его грудь.

Рубахи на нём нет, кожа загорелая, на рельефном торсе блестит солнечный свет. Венка на шее вздувается от напряжения. На виске, несмотря на грозный и внушительный вид, от взгляда Карсона выступает капелька пота.

Сон будто замечает это и потому усмехается.

И мать Джилл отступает от них на шаг. И жестом не даёт подойти к ним Жене, даже не проверяя, пытается та это сделать или так и стоит на месте.

— А чего ж ему недобрым быть? — спрашивает Сон. — Выспаться бы только... — зеваает он в локоть.

Уютно так и вальяжно...

Вилли звереет.

— Не выспался, значит? — уточняет он угрожающе, видимо, связывая это с тем, что вышел Сон невыспавшимся из дома его невесты.

— Да, — тут же встревает между ними мать Джилл, и вдруг смотрит на Карсона: — да... милый, не дала я тебе спать. Прости... — и улыбается, накручивая на палец выбившуюся из-под платка жиденькую прядь волос.

Вилли часто-часто хлопает своими маленькими глазками, оглядывая их.

Карсон же теряется, но собирается быстро, понимая, что она считает его человеком чести, а значит подставлять Женю ему нельзя:

— Д-да, дорогая, — выдавливают он из себя.

И Вилли окончательно успокаивается. Только удивление не сходит с его лица.

— Когда свадьба? — простодушно спрашивает он, с долей неверия, но при этом всерьёз ожидая ответ. — Не ожидал, вот так сюрприз! Да, Джилл, дорогая? — оборачивается он к Жене и улыбается своей крокодилейей улыбкой.

— Свадьба? — от эмоций взвизгивает мать Джилл, и в глазах её, пусть сама и затеяла этот обман, вспыхивает нечто наподобие надежды. — Мы ещё как-то не...

— Это личное, — отрезает Карсон, буравя Вилли убийственным взглядом, — посторонних не касается.

— Да разве я посторонний? — гиккает он и притягивает к себе Женю, обнимая её за талию. — Вот-вот, выходит, сроднимся же!

И Карсон бледнеет от злости.

От него не слишком хорошо пахнет, Женя не морщится, лишь складывает руки замком под грудью и спрашивает:

— Так чего ты приехал?

И на Карсона смотрит очень внимательно с золотистыми отблесками-смешинками в

глазах.

Мол, не срывайся, не трать силы.

И он сдерживается, хоть ничуть и не расслабляется.

Вилли же просто и, почему-то, довольно отзывается:

— Я почему? Или он? Потому что, почему он, понятно. Глупышка, — пытается щёлкнуть Женю по носу.

Она вздыхает:

— Да нет, я тебя спрашиваю, дорогой.

— Я приехал проведать тебя. И пригласить, с позволения твоей матушки, тебя на прогулку. Потому что тебя, — так странно выделяет он это слово, будто запинается или спешит придумать, как бы более складно сложить предложение, — хотел видеть. Мы так мало проводим времени вместе! Это нормально, конечно, до свадьбы. Но всё же...

— Ах, Вилли, у меня очень много дел. К тому же, я тебе говорила, что меня порадует.

Честно говоря, она и сама не помнит, что там просила, чтобы отделаться от него.

— Не вижу всего этого! — она отстраняется, сделав вид, что обиделась и дует губы.

— Я ведь лису поймать обещал! — вспоминает Вилли и так оживляется, что лопух, под которым прячется Джек, начинает ходить ходуном.

Предчувствуя неладное, Джек стремглав бросается прочь. И Вилли, заметив это, начинает спешить:

— Мне кажется, я в тот раз шкурку другой лисы принёс. Но теперь, Джилл, я избавлю вас от этого паразита, и ходить тебе зимой в новой шубке!

— Да я не про лису говорила, дурень! — кричит Женя уже натурально зло. — Шубка где моя, где украшения, а платья? Обижаешь меня...

— Так будет, всё будет! — и он спешит к своей гнедой, седлает её, щёлкает в воздухе кнутом, бросает на Сона недобрый колкий взгляд и скачет к дороге.

Но уже выехав на неё, оборачивается.

— Свадьба то когда? — спрашивает у матери Джилл.

И та, чтобы не выставить себя в плохом свете, пусть и боязно из-за Карсона, бесстыдно врёт:

— Перед вашей свадьбой, чтобы наш уважаемый Карсон подвёл под венец Джилл, как собственную дочь.

— Это очень хорошая идея, — одобряет Вилли и едет по лисьим следам.

Женя провожает его больным взглядом. К глотке подкатывает тошнота от воспоминаний о прошлой лисиной шкурке.

Нельзя дурного допустить. Она зажмуривается крепко, до боли в висках и шепчет:

— Всадник съёлся со следа, что лис замёл чёрным хвостом, мой зверь был мне предан, а значит он тотчас вернётся на зов...

Карсон улавливает это и мрачнеет, хотя секундой ранее в глазах его плескалось веселье пополам с непониманием.

Мать Джилл успевает схватить Аннушку за руку и заволочь в дом, наверняка надеясь избежать неловкого разговора и объяснений.

И как только за ними закрывается дверь, Жене под ноги кубарем выкатывается чёрный лис. Вскakiвает на все четыре лапы, скалится и жмёт уши к затылку, тяжело дыша. И с удивлением озирается.

— А как я здесь? — не понимает он.

А Сон тяжело вздыхает и смотрит на Женю устало:

— Я должен бы тебя собственноручно казнить. За колдовство, и, — всё же срывается с его губ смешок, — за мать... Доченька.

Женя опускается на траву, чтобы обнять и погладить своего чернобурку. Ветер красиво перебирает её русые волосы, в тёмных глазах стоят еда заметные слёзы.

— Зачем же показался, глупый?

В платье, что досталось от ведьмы, с серьёзным выражением лица, она чешет Джека за ушком и лишь затем переводит взгляд на Сона и смеётся с облегчением.

— Всё! Теперь ты обязан на ней жениться!

Карсон смеётся в ответ.

— Ну уж нет, прошу простить меня. Но то, что к вам скоро заявится моя матушка, объявлять теперь ей будешь сама.

Джек же, будто настоящий лис, ластится и всё норовит лизнуть Женю в щёку.

— Ты стесняешься ваших отношений? — Женя играет бровями. — Да брось, она женщина в самом соку! И молодая ещё.

Веселье подхватывает и лис. Лучше бы он этого не делал, конечно, смех у него выходит по-звериному паскудненький и жутковатый. К тому же он подрагивает от него и фыркает. Но сквозь это умудряется процедить:

— Я просто уверен, что тебе, Женя, она скажет, что два мужика лучше одного. Поделила, так сказать.

— Ну уж нет, — отсмеявшись, бросает Сон, — никакого бревна-Вилли в этой семье! — и возводит к небу глаза. — Я говорю с лисом...

— Чего ты встал вообще? — наконец, поднимается Женя. — Возвращайся на печь.

— Спасибо, — улыбается он, и похлопывает по шее Аду, которая беззвучно, будто плавая, подошла к нему, — но я откажусь. Надо ехать. А ты приводи здесь в порядок всё! — становится его голос строгим. — И животина эта, — кивает на Джека, — помогает пусть. Тоже мне, — хмыкает Сон смешливо, — герой нашёлся!

— Внимание хотел отвлечь на себя, — шипит Джек. — И почти получилось же. А то всё на девчонку свалилось, ей ещё с вами разбираться не хватало!

Она усмехается и подходит к Карсону с задумчивым выражением лица.

— Напомни-ка, для чего нам делаем вид, что у нас всё серьёзно?

— Делаем вид? — изгибает он бровь.

Она молчит в ответ. Он такой красивый и родной. А вот мир — нет. Мир чужой.

— Я ещё заеду к тебе вечером или завтра в обед, проверю, как идут дела, — говорит Сон и седлает лошадь. — Будешь ждать? — спрашивает тихо, с чем-то затаённым во взгляде.

— Конечно, — отзывается она. — Постой только... Можешь помочь кое с чем? Анна болеет. Не представляю, чем именно. Но ты не мог бы найти для неё лекаря?

Сон отвечает без промедления:

— Конечно. Даже знаю, к кому обратиться.

На несколько секунд его взгляд задерживается на её губах, но Карсон усилием воли заставляет себя отъехать.

— До встречи, Женя!

Она так и стоит, провожая его взглядом. Чувствуя себя глупой, растерянной, но... почти счастливой.

Глава 29. Умений нет

— Я за всё это время ни разу не подумала о том, что хочу выкурить сигарету, — говорит уже Джеку, заходя во двор. — В своём мире баловалась.

— Так вон же, — кивает он в сторону каких-то кустов, — растёт. Скрути. Не табак, но тоже ничего.

— Да я к тому, что не хочу, а это же хорошо, — улыбается она. — Ты голоден?

— А-а, — тянет он, — понял, и правда хорошо. А я вот хочу... — вздыхает. — И есть тоже, да, зверски, — щёлкает Джек зубами.

— Ну, накуривать тебя в таком состоянии я не буду, уж прости. Даже по меркам средневековья это слишком. А еду вынесу скоро. Жди возле сарая, хорошо?

Она сдерживается, чтобы не потискать его ещё раз и заходит в дом.

Жаль, что магичить выходит спонтанно, на эмоциях. Было бы иначе, и проблемы разрешались бы куда быстрее.

Как только за ней закрывается дверь, мать подступает ближе с округлёнными горящими глазами и шепчет:

— Ну, что, он согласен?! — зачем-то вцепляется она в Женю.

Аннушка смотрит на них с лавки у окна и выглядит очень заинтересованной. Наверняка мать уже успела расписать ей во всех красках, какая замечательная жизнь их теперь ожидает.

— Согласен на что?

— На замужество, конечно!

Анна роняет смешок, и мать исправляется:

— На женитьбу, то есть. Что он сказал тебе? И... ты уж прости меня, — отводит она взгляд и кривится то ли от неловкости, то ли ещё чего, — но терять обоих не хочется, если можно оставить в семье всех! А Вилли на меня совсем не смотрит, — говорит она так, будто смотрит Сон...

— К сожалению нет, мама, — Женя старается не смеяться над бедной наивной женщиной. Даже как-то жалко становится. Но мужчина не кусок хлеба — им не поделишься, чтобы унять чей-то голод. — В этом плане всё у тебя так же, как и раньше, — решает, что так мать Джилл будет меньше переживать. Она ведь ничего не потеряла, по сути. И успела понадеяться всего несколько минут. — Может быть, Карсон всё-таки позовёт замуж меня, — произносит осторожно, — но сама понимаешь, что вовсе не обязательно, — нечего обнадёживать.

Та отступает с горестным видом, вздыхает, но загорается снова очень быстро.

— Ах, ну надо тогда, чтобы взял тебя! Надо убедиться, а Вилли пока придержать, как сейчас. Значит, Вилли его не особо смутил? Как же я рада! А сватов он когда пришлёт, не говорил? И, вот видишь, — гордо выпрямляется она и упирает руки в бока, — не зря я Карсона в тот раз угостила! Так и знала, что надо его задобрить, так и знала! Теперь-то будешь мать уважать и слушаться, будешь?!

Женя кивает, стараясь сохранить серьёзное выражение лица.

За столь короткое время она всё-таки как-то сжилась со своей ролью и теперь легче ориентируется во всём и не истерит.

Может быть, использование самодельного заклинания ещё так повлияло... Ведь ведьма говорила, что если не колдовать — плохо будет. Так может это работает в обе стороны?

Ну... или дело в Карсоне.

— Конечно, ты права, — улыбается она, — вот только я с его матерью говорила. Знаешь, что она мне сказала?

— Что? — тревожится она и потирает руки. — Давай, не тяни!

— Что будет лично проверять каждую невесту Карсона на хозяйственность. А ещё — посетит её дом. Познакомится с семьёй. И всё должно быть прилично. Сон-то не лыком шитый, ему жена нужна под стать. Мать его очень строгая в этом плане. Что будет, если увидит наш дом в таком виде? А корову? А то, что ты огородом называешь?

Услышав это, она плещет руками и принимается бегать по комнате, хватая попадающиеся на пути вещи и оставляя их в других углах, словно это может спасти положение.

— Какой ужас, ужас! А корова?! А это ты, — тычет в Женю пальцем с видом таким, словно вот-вот подбежит и ударит, — виновата! Надо было давно коровку продать! Беги сейчас на рынок, слышишь?! Хоть еды потом купим, к приходу гостей. А мы с Анной уборкой займёмся.

Нападки Женя пропускает мимо ушей. Хотя для неё это и несвойственно.

— Всё гнилое, как тут поможет обычная уборка? Спите бог знает как, нормального погреба я не видела, в полах щели. Там, где доски есть. Мебель лучше сразу сжечь. Корова — не главная проблема. А крыша как выглядит? Я была в городе — у других дома не такие.

— Но... подумаешь, солома сгнила и доски трухлявые... Не так уж и течёт она в дождь! А полы, так то от старости! Что ты хочешь, чтобы я полы тебе перекладывала? Иди скажи Вилли своему, что ремонт нужен!

— Сказать ему чинить дом для того, чтобы Карсон меня замуж взял? — всё же усмехается Женя.

— Вот дурная, — цокает мать языком. — Надеюсь, ты сейчас пошутила.

— Мы никого обманывать не будем. Хотя нет, не так... использовать никого не будем. Ты живёшь тут одна, с двумя детьми — пора уже научиться многое уметь. Как иначе в этом мире прожить? Нет, правда, как вы тут живёте?

Она не боится вот так возмущаться, потому что знает, что мать Джилл всё равно всё пропустит мимо ушей или поймёт по-своему.

— Надо чем-то заниматься, что-то выращивать, держать скот, торговать на рынке. Цветущий дом, ладно устроенный, вот что устроит мать Карсона. Не спорь только со мной. Давай лучше думать, как всё сделать. Попытаться надо. Нам от этого хуже не будет.

Конечно, стараться Жене хочется не ради того, чтобы выйти замуж за Карсона. Тут если только его в свой мир утащить, да и при такой возможности слишком много «но».

Когда всё получится, когда она вернётся домой, ей захочется знать, что эта семья не осталась в том же плачевном положении.

Конечно, всё зависит от матери Джилл... С её характером даже огромное поместье может превратиться в сарай. Но это ведь не повод опускать руки!

Жаль, она никогда не интересовалась ничем, что может пригодиться сейчас. Городская девочка от макушки до пят.

Но разве много ума надо, чтобы сделать небольшой ремонт, убрать, облагородить двор, откормить корову?

Которую надо продать, да... Но пока не объявился загадочный покупатель с бобами, нужно сделать всё возможное, чтобы она не померла.

А вот насчёт дома... Главная сложность в том, что где-то нужно достать материалы.

— Только не ругайтесь, — просит вдруг Анна.

Но мать лишь отмахивается от неё.

— Мы не ругаемся! Тут яйцо курицу учить вздумало. Ну да, ладно... Тогда, — говорит она Жене, — начинай. Давай, покажи мне, умная такая, как жить надо! Руки у тебя развязаны, я тебе и слова не скажу!

Ну, хоть на том спасибо.

— Деньги у нас есть?

— Нет, — отрезает мать. — Конечно же нет. Могла бы и попросить у своих женихов!

— Нельзя вечно надеяться на других. Ладно. Ты умеешь что-нибудь, может? — она садится на шаткую лавку и от волнения потирает ведьмин амулет, свисающий с шеи.

— Что, например? Лепёшки готовить умею вкусные, ты ведь знаешь. Испечь лепёшек к приходу гостей?

— Нет же... Я про... ну не знаю. Какое-нибудь умение, которое тебе может приносить деньги в будущем. Может, с пряжей что-то и шитьём или другим рукоделием? И в травах разбираешься? В этом духе, — в голосе её звучит усталость пополам с надеждой.

Мать думает усиленно, напряжённо морща лоб. И наконец качает головой:

— Нет, ничего... Но носочки штопать у меня получается. Подходит?

Женя хотела бы найти в ней хоть какой-то потенциал, чтобы помочь его раскрыть. Но увы.

Ладно, значит, эту мысль стоит придержать. Может, что-то подвернётся и для матери Джилл.

А пока нужно сделать несколько вещей — заменить сгнившие доски, забить щели, перестелить солому на крыше, как следует везде убраться. Сарай... сарай нужно перестроить.

Даже если Женя сможет это сделать сама, то во-первых, у неё нет нужных материалов, во-вторых, мать Карсона столько ждать не будет.

Оттянуть может и получится, но что делать с деньгами? Или взять у Вилли топор и пойти деревья рубить?

Ещё и о сказке забывать не стоит.

Что там должно было быть с великаном? Убить его, забрать его золото. Нечестно как-то выходит.

— Золото... — срывается с губ.

Она особо и не думала о богатстве над облаками. Слишком сильно была погружена в установку «я тут всего на пару дней, мне ничего не нужно, моя хата с краю».

А ведь помимо того, что это будет по сценарию сказки, выращивание бобового стебля приведёт ещё и к деньгам. Можно подновить домик, придумать способ обеспечить мать Джилл так, чтобы она не растратила всё в первый же день.

Да и... ведьме нужно было золото. Женя, конечно, «украдала» одну безделушку из дома Сона — маленький ножичек, но подойдёт ли он?

— Что, золото? — настораживается мать. — Ты нашла золото и молчишь?!

— У нас будет еда? — начинает прыгать вокруг них радостная Анна. — Золото!

— Во сне снилось, — отговаривается Женя.

В животе начинает неприятно ныть.

— А что, еды опять нет? Как раз хотела что-нибудь приготовить для начала.

— Для какого ещё начала? — начинает сердиться мать. — Я что-нибудь состряпаю, а ты делами займись! Или коровку проведай, что ли. В огороде покопайся.

Женя качает головой.

— Покажи, что есть из продуктов.

— Ну... муки вот немного, косточек для супа, морковь и горстка пшеницы есть, — перечисляет мать, кивком указывая куда-то в сторону.

— А мясо?

Женя поднимается.

— Уже нет. Вилли мог бы и чаще приносить уток и зайцев, — говорит так, будто отчитывает Женю за жениха.

Вот от таких противоречий в суждениях родителей и берутся потом дети с пограничным расстройством личности, не знающие, куда себя деть, как себя сдерживать и как вообще жить.

На её характер, наверное, ещё как повлияла семья. Что же говорить о Джилл? Не зря бедняжка готова была сбежать в неизвестность с первым встречным.

Кстати о нём — его кормить надо.

— Ладно, готовь сама, я проверю корову, да правда отправлюсь на рынок после завтрака.

С этими продуктами возиться нет никакого желания. Морковь гниловатая, зерно подозрительное... Нужно будет придумать что-нибудь.

Она только захватывает для лиса несколько костей и выходит на улицу.

Джек встречает её у крыльца.

— Ну, что, как там, всё нормально? — едва ли не виляет он хвостом.

— Тебе придётся охотиться, чтобы добыть для нас мясо, — шутит она, поднося к его морде ладонь с косточками, когда они отходят дальше. — Говорила же ждать у сарая!

— Там фоняет, — отвечает он с набитым ртом и с шумом разгрызает кость. — Уф, дожил, жру, как пёс какой-то... Расколфуй меня, Женья!

Она решает попробовать. Переместить же получилось. Зажмуривается, пытается придумать заклинание, воображает мысленно то, как он возвращает себе человеческий вид — и ничего не происходит.

— Увы. Но я забегу к ведьме обязательно. Скоро мы всё решим, Джек.

Она поит корову, привязывает её к месту, где много травы и с выбежавшей из дома Аннушкой проходится по участку, прикидывая его размеры и степень запущенности.

— А какой сейчас месяц? — спрашивает как бы в шутку, надеясь, что ребёнок-то не станет заострять на странности внимание.

— Что? Лето, — отвечает она, отчего-то внимательно-внимательно разглядывая её.

Женя смеётся.

— Ладно, а огород у вас когда сажают? Может, успеем ещё землю в порядок привести? Как думаешь?

Вот в чём дело — с маленькой девочкой и то разговор выходит продуктивнее, чем с её матерью...

Как вдруг на глаза ей попадается Джек, который по какой-то причине прекращает прятаться и... выползает? Выползает на тропинку и ложится там в странной позе,

протягивая задние лапы, будто кто-то успел огреть его палкой и забить.
Или будто Женя случайно прокляла его во второй раз...

Глава 30. Правда в молоке

Женя срывается к нему и сразу понимает, в чём дело — у дурного лиса кость встала поперёк горла.

Так... что же делать? Надавить куда-то? Похлопать по спине?

Нет, это какой-то бред.

— Так, успокойся, всё нормально, ты же дышать можешь? Давай я что ли... попробую вытащить.

Женя пытается засунуть дрожащие пальцы в его глотку.

А он смотрит на неё выпученными глазами и скулит, чем делает себе только хуже, так как дышать начинает с ещё большим трудом.

— Успокойся, говорю! Пожалуйста, Джек, не дёргайся! — она фиксирует его мордочку в своей ладони и, наконец, нащупывает косточку. — Сейчас, сейчас...

Боже, ему, наверное, будет очень неприятно, но... Женя не медлит.

Она меняет положение кости, царапая лису горло, и с лёгкостью вытаскивает её.

Джек закашливается, дышит часто и шумно, лапами трёт морду, словно это может помочь ему справиться с болью. А затем поднимает на Женю благодарный взгляд.

— Я так долго не протяну... Лисья жизнь не для меня, — качает он головой. — Я недавно съел лягушку, Жень. Лягушку! А теперь это.

— Бедный, слушай, я попробую подоить корову. Молоко хоть как-то сгладит...

Она запускает руку в его шерсть, глядя с жалостью.

— Скоро мы вернём всё на свои места. Я зайду сегодня к ведьме.

— Скорее бы... — вздыхает он и жмётся тёплым боком к её ногам.

И не замечает, что за ними наблюдает, выглядывая из-за дверцы сарая, Аннушка. Она смотрит широко распахнутыми глазами и слушает внимательно, о чём говорит её «сестра» с... лисом. А затем, набравших храбрости, выходит и направляется к дому, вся напряжённая и вытянутая струной от волнения и страха.

Женя шипит на саму себя. Это ж надо было! От испуга забыла про мелкую...

— Эй, стоять! — догоняет она её. — Куда собралась?

Анна кивком указывает на дом и ускоряет шаг.

— Постой, говорю, — Женя хватает её за плечо. — Идём лучше под дерево сядем.

— Нет! — вырывается она.

И собирается ещё что-то сказать, как из дома, пыхтя и охая, в облаке пыли выходит мать.

— Вы тут чего? — обводит она дочерей недовольным взглядом. — Я там печь чищу, а вам всё игры!

— Ведро подай, пожалуйста, — просит Женя, — я говорю ей, что надо попробовать корову подоить.

— Да, хорошо бы, — одобряет мать. — Но ты давай, сама! А то поднеси, подай, царевна какая наплась! Аннушка, а ну, иди сюда, поможешь мне!

И Анна бросается к матери.

— Пусть мне поможет, Анна, да что ты? Не трону же я тебя...

От отчаяния Женя всхлипывает.

Девочка медлит. Смотрит то на мать, то на Женю и, наконец, согласно кивает.

— Мама, я помогу ей с коровкой... — просится она.

И мать вздыхает.

— Интересно, как. С чем там можно помогать? Лишь бы ничего не делать! — махает она рукой и уходит обратно в дом.

— Ну что ты, — шепчет Женя, вставая перед девочкой на колени, — испугалась? Человек он заколдованный... Есть много сказок про таких, ты разве не знаешь?

— Ты заколдовала? — так же шёпотом спрашивает она. — Ты?

— Ну вообще да, но я случайно. Испугалась его просто в тёмном переулке. Я не злая, Аня, просто... так получилось.

— Я... — она запинается и выглядит так, словно вот-вот заплачет. — Я знаю, какая у меня сестра! Не надо мне говорить!

— Чего ты тогда? — Женя заправляет ей прядку волос за ухо. — Всё хорошо?

— Не знаю. Нет... — отступает она. — Не знаю... Джилл не ведьма! И Аней меня не зовёт. И не говорит, что не злая. А ты странная!

— Ну так, — осторожно возражает Женя, — я только недавно о магии узнала. В тот вечер, когда дровосек меня домой вернул. Такое влияет, знаешь, на характер...

Но Анна упрямо мотает головой, однако ничего уже не говорит. И смотрит в ту сторону, где в зелёном кусте валяется ведро для молока.

— Ладно, — решается вдруг Женя, — я не твоя сестра, — поднимается, — идём...

— Ты и меня съешь?

— Что? — тут Женя вспоминает сцену из первого «Шрека», когда осёл решил, что Фиона-огр съела Фиону-человека и смеётся. Нервно. — Если бы я хотела сделать что-то плохое, сделала бы это, а не ходила бы по огороду и планировала посадки, не думаешь? Идём, я тебе всё расскажу. Но это будет наш секрет.

— Хорошо, — соглашается Анна, пусть в глазах её и мелькает сомнение. — Но если ты её не съела, то... — взгляд останавливается на Джеке.

— Я не твоя сестра, — тут же хрипло отзывается он и противно чихает.

Аннушка вздрагивает и невольно прячется за Женю.

— Мда... Я из другого мира. И она, наверное, попала на моё место. Ну же, идём, это Джек. Он местный разбойник средней руки или что-то типа того. Но в душе — добряк.

Анна громко сглатывает и вцепляется за Женю.

— Ладно. Но ты мне всё-всё расскажешь! Бери ведро... И коровку не обижай, её здесь и так обижают.

Женя усмехается, да, она это уже поняла.

Доить корову, опять же, раньше не приходилось, но как примерно это делать, она представляет. Хотя... теперь ведь и у маленькой помощницы можно без страха спросить, что не так.

Женя ставит под вымя ведро, нажимает на... штуки с лёгким отвращением, которое тут же сменяется радостью. Молоко выливается тонкими струйками.

Значит, бедная животинка действительно была просто голодом заморена.

— Как здорово, — она не помнит, когда в последний раз была в таком восторге, даже жаль, что корову нужно продавать.

За этим занятием, как может, Женя пересказывает Аннушке всё, что с ней случилось за последние дни.

Та слушает, уперев локти себе в колени, а подбородок в кулачки, и только ахает с удивлением едва ли не после каждого Жениного слова.

— Вот повезло Джилл, — тянет она вдруг. — Я бы тоже с тобой поменяться хотела! Возьмёшь меня с собой, когда домой вернёшься? Я буду хорошей и стану помогать тебе во всём! Или ты останешься здесь и возьмёшь в мужа Карсона? Или хочешь стать королевой разбойников? Я с тобой! Можно мне с тобой? — с жаром просится она, вскакивая на ноги и принимаясь ходить туда-сюда по сараю.

— У меня тоже есть сестра, — вздыхает Женя, — вы могли бы подружиться... Посмотрим, ладно? Пока я собираюсь найти продавца волшебных бобов и расколдовать Джека.

— Поэтому к ведьме пойдёшь? О ней правду люди говорят, да? Страшная? Злая? Не верь ей...

Женя оглядывает молоко, заполнившее четверть ведра. Оно не такое чистое и белое, как в магазине. Возможно, корову надо было доить ещё раньше и там что-то застоялось. Но всё равно неплохо!

— Нет, она красивая и помогла мне. Вот, видишь, платье дала. А самое главное — у неё есть баня. И я бы отвела тебя туда, но тоже боюсь ошибиться в ней. А сама за себя постоять смогу, не волнуйся. Маме ничего не говори, обещаешь?

— Обещаю! А мы, — тоже смотрит она на молоко, — марлю не нашли... Надо взять что-то чистое, чтобы процедить. И будем есть! Да?

— Точно, процедить, — улыбается Женя. — Должна же быть в доме чистая ткань? Только всё ей не будем отдавать, надо сначала Джека угостить.

— Хорошо! — радуется Анна вдруг и бросается к дому. — Я сейчас! И покормим лисичку!

— Не выдаст, думаешь? — подходит к Жене лис, когда Анна скрывается за дверь. — Проболтается матери...

— Она не поверит, — вздыхает Женя, — она только себя слышит.

Глава 31. Покупатель

Женя с Аннушкой процеживают молоко, щедрую часть выливают в глубокую деревянную миску для лиса, остальное отдают матери Джилл.

Женя опасалась, что та, узнав о вновь пригодной животинке, больше не захочет её продавать. Но нет, женщина вся в мыслях о Карсоне, его матери и воображаемой свадьбе.

Поэтому после не слишком разнообразного завтрака Женя отправляется на рынок.

Она почти не спала, сейчас голова ещё хоть как-то работает, но совсем скоро её будет клонить в сторону, а мысли запутаются.

Скорее бы найти этого продавца бобов! Интересно, кто же он? Ведь это же настоящий мир, а не сказка, где мотивы персонажей могут быть прописаны вяло или вовсе отсутствовать.

Зачем кому-то покупать корову за бобы?

Волшебные.

Ведущие к богатству.

И опасности.

Странно.

Несколько часов она стоит на рынке, то и дело слыша в свою сторону смешки, свист и даже улюлюканье.

Никто не верит, что полудохлую корову вообще возможно продать. По-хорошему за неё бы доплатить тем, кто готов будет взять.

Женя не обращает ни на кого внимания. У неё есть своя цель, есть план, которого нужно придерживаться.

Вот только до самого вечера никто не предлагает ей ничего всерьёз. Некоторым подозрительным типам она даже намекала на бобы, но они лишь шарахались, смеялись или даже злились.

Хорошо ещё, что её вовсе не выгнали оттуда. Видимо, сказала жажда хлеба и зрелищ.

— Это ты что ли, — подходит к ней один мужик в красивой красной рубахе, — вчера кошель украла?

— Ничего я не крала!

— А почему тогда господин Карсон тебя с собой увёз?

Женя не теряет:

— Я работаю у него, по хозяйству помогаю. Ездили... роды принимать у собак. А вы что подошли? Корову хотите?

Мужик только усмехается в ответ. И стоит рядом несколько минут, будто ожидая чего-то.

Женя, боясь сделать что-то уж слишком вычурное для этого мира, игнорирует его.

В итоге подставной покупатель сваливает в закат. Реально в закат. Уже домой собираться пора. Но она упрямо стоит на месте.

Джек пробирается к ней, озираясь по сторонам, пытаясь оставаться незамеченным, и шипит:

— Может, домой уже, а? Помнишь, тут в округе разбойник бродит, девиц и юношей убивает... Или ты ему хочешь корову всучить?

— Да хоть кому... — отзывается Женя. — Вот что делать, если я этого покупателя уже упустила? Если мы разминулись несколько дней назад? А если разменяемся сейчас?

— Слушай, что суждено быть, то случится. Что нет, то нет. Но бед можно избежать, я считаю, если головой думать. Идём, короче! Не хочу, чтобы нас обоих где-то на пустынной дороге забили... Пошли, говорю, — рывкает он, — пока светло ещё!

— Хорошо. Такой бестолковый день. И по дому ничего не успела сделать и в эту сказку не влилась.

Женя злится. И это хорошо. Лучше отчаяния, за которым неизбежно придётся бессилие.

— Руки не надо опускать, а в твоём случае лапы. Зайдём к Ксии?

— Сейчас, что ли? С коровой вместе?

— Так по дороге она... А когда ещё? Завтра снова с утра на рынок. И так до бесконечности... Может быть, она посоветует что...

Лис вздыхает и закатывает глаза.

— Что ж делать с тобой, давай... О, а может она твою животину купит? Для ритуалов там каких, или чем ведьмы занимаются...

Но до ведьмы они дойти не успевают.

Дорога, что ведёт к ней, а точнее к тем зарослям, в которые нужно свернуть, пуста. Вокруг спокойно. Только ветер гоняет пыль, да странно фыркает Мусечка (и кто только так корову назвал?), Джек даже идёт, не скрываясь.

Как вдруг откуда ни возьмись перед ними вырастает сгорбленная фигура человека.

Джек тут же шмыгает в кусты, а незнакомец подходит ближе. Высокий, рыжебородый, со спутанными, будто ржавыми волосами и пронзительным взглядом чёрных глаз.

Он смотрит на Женю, на корову и обратно. Щёлкает длинными, узловатыми пальцами, и остро ухмыляется. И в улыбке этой что-то настолько обворожительное и дьявольское, что она совсем не вяжется с остальным его образом. С лохмотьями, в которые превратился его плащ, с потёртыми ботинками и грязными патлами волос.

— Вечер добрый, девочка, — произносит он голосом, в котором слышится сталь. — Не страшно тебе бродить здесь одной в такой час? Закат вот-вот отгорит. Вокруг ни души... Куда, позволь спросить, лежит твой путь?

— А разве у вас души нет? — отступает Женя, уже раздумывая, куда бежать в случае чего.

Есть ли у неё шансы против этого громила?

Он хрипло смеётся, и смех этот похож больше на карканье ворона.

— Не знаю наверняка, — тянет лукаво, — никогда её не видел. Впрочем, в других людях тоже... Ну да, что ж это я... — будто спохватывается он и прекращает улыбаться. — Нам, мне кажется, по пути, — говорит просто и легко, намереваясь идти рядом, хотя вышел ведь к Жене с той стороны, куда она идёт. — Заодно проведу тебя немного, не так страшно будет, верно?

— Да я с рынка, вот, корову так и не продала, — вспоминает Женя о его давешнем вопросе. — Мать меня ждёт, жених. А ещё Карсон, он инквизитор местный, — делает на этом акцент, — я работаю у него.

— Мм, — тянет он уже как-то мрачно, больше не глядя на неё, направив взгляд вдаль. — Мм, как интересно... А давно у него работаешь? Как устроилась? Он, я слышал, неохотно к себе людей подпускает.

«Да через постель...» — про себя Женя зло смеётся. Уж точно не из-за того, что

хозяйка хорошая — увы.

— Даже таким гордым мужчинам, как он, стоит признать свою слабость и то, что дом без женской руки — не дом.

Бред на самом деле, но, наверное, очень уместный в этом псевдосредневековом обществе.

И всё же как хорошо, что он знает Карсона! Едва ли теперь осмелится напасть.

— А вы откуда? И как же нам может быть по пути, если вы шли в другую сторону?

— Разве? — остро и выразительно изгибает он бровь, «искренне» удивляясь. — Как странно, — и замолкает на какое-то время, будто Женя совсем глупенькая и может усомниться в своём наблюдении. — А с Карсоном мы давние враги, — говорит он вдруг, и глаза его зловеще поблёскивают. — Только он не знает об этом. Ну, как враги... Не люблю я его. И на твоём месте бы поостерёгся, девочка.

Женя хмыкает и всё же решается идти дальше.

— Это почему же? Он выглядит очень... надёжным. В отличие от вас, — не может удержаться.

— А что я? Всего лишь бедный странник. А ему скажет кто, что ведьма ты, — указывает зачем-то на неё своим длинным костлявым пальцем, — например, и... Надёжный человек этот упечёт тебя за решётку. Должен потому что. У таких, как он, зачастую так скуден ум... Не люблю его. Лезет туда, где законы царят иные. Порядки свои наводит. Не всегда это хорошо, — вздыхает, — не всегда... А платит он много тебе?

— Достаточно.

Женя решает не сморить. Что действительно с этого странника взять? Пусть думает что хочет.

А Карсон, несмотря на своё жуткое время очень даже широко мыслит. Ведь не сжёг её и когда понял, что ведьма, и когда услышал странную правду о другом мире.

Он вообще... практически идеальный.

От этой мысли Жене на миг становится очень грустно, но она быстро переключается на странного собеседника.

— Значит, вы «за» колдовство?

Он неопределённо ведёт плечом.

— Ну, как «за»... Просто если уж есть устои свои у кого-то, дела, сила, как запретить это? Для чего? А людишки некоторые и с вилами, и с факелами вокруг носятся. Сколько невинных загублено было! Больше, уж поверь, — доверительно говорит он, склонившись к Жене, — гораздо больше, чем тех, кто действительно по их мнению виновен. И стоило оно того? Эх... А вообще, я не просто так об этом заговорил... Но даже не знаю, — качает головой, — ой не знаю, как бы сказать тебе...

— Что такое? Давайте только, — выдыхает она, — без ужимок.

— Хах, какая бойкая! — вдруг ухмыляется он одобрительно и кивком указывает на корову. — Я хотел спросить, не продашь ли ты её мне? Жаль на рынке тебя не увидел, так бы купил сразу на месте и точно. А сейчас... Видишь ли, проблемка одна появилась. Но, может, договоримся...

— Интересно, — Женя останавливается и с удивлением оглядывает его. — Вы же — бедный странник?

— Так в том то и дело... — вздыхает как-то театрально и покачивает головой. — Было у меня несколько монет как раз, да ограбили на рынке, видимо. Или потерял где... Но вот с

тобой мы поговорили, ты девушкой оказалась разумной и спокойной. Не спорила о магии, не ругала колдунов да ведьм, не защищала яростно Карсона и тех, кому он служит, как и их суждения. И подумал я... — достаёт её неожиданный попутчик что-то из кармана, — быть может... Отдашь мне корову за бобы? — разжимает он пальцы и показывает их Жене на своей ладони.

Крупные, блестящие, зелёные...

— Не простые это бобы, а волшебные, — шепчет он. — Сделай доброе дело, соглашайся! И окупится тебе сполна! Ведь, стоит их только посадить, как вырастут они до самого неба и приведут к богатствам. Я бы и сам так сделал, — очередной театральный вздох, — да не пустит магия меня наверх. Так уж вышло... Это, как самого себя не заколдовать, понимаешь? Никак. А тебе уступлю. И за малость такую! Всего за коровку твою. Что скажешь, красавица?

Женя вдруг взвизгивает от эмоций. Только не как в тот раз, когда только очнулась в новом мире и припёрся Джек. Сейчас всё круто! Очень! Наконец-то, наконец-то она нашла торговца бобами!

Скоро всё закончится! Ура!

Скоро она навсегда расстанется с Карсоном...

Весь этот водоворот эмоций отражается в её тёмных глазах, она сдерживается, чтобы не кинуться странному мужчине на шею и протягивает руку:

— Давайте!

Он, не ожидая столь бурной радости от, казалось бы, действительно здравомыслящей девушки, глядит на неё оторопело. Но спешно берёт себя в руки, стирая с лица оттенки сомнений и удивления, и передаёт бобы Жене. После чего с удовольствием потирает сухие ладони и тянется к корове.

— Вот и хорошо! Вот и договорились! — радуется он. — Как же повезло тебя встретить, ох, спасибо! Не пожалеешь, дева.

Женя прячет бобы в карман, бросает жалостливый взгляд на корову и спрашивает:

— А зачем она тебе?

Нет, конечно, за простые бобы её и можно купить, но никак не за волшебные. Не видит он что ли выпирающих костей?

— Эм... надо, — отвечает он сухо, то ли не видя смысла уже распинаться перед ней, то ли опасаясь, что Женя может передумать и забрать корову обратно. — Откормлю и молоко будет! — спешит повернуть назад и уйти.

Им точно было не по пути...

— Теперь это моя корова! — бросает он Жене через плечо как-то зло и колко. — Моя.

Но она не может так просто это оставить. Что за перемены в настроении? Что он собирается делать? Какого чёрт продаёт тут билеты в один конец? В сказке же был Людоед... И непонятно, торговец тот Джеку помочь хотел или же... убить.

А, может быть, это не тот человек? Не из сказки? И бобы ей всучил самые обычные?

Но разве же возможны такие совпадения.

— Эй, так куда ты? А проводить меня?

Конечно, если бы всё это происходило в первый же день, как она попала сюда, обязательно бы уже убежала домой, ни на кого не глядя. Садить, взбираться наверх, ждать Деда Мороза, домой, домой...

Но сейчас... Нет, слишком большую причастность она чувствует к этому чужому,

волшебному миру.

Продавец бобов замедляет шаг, пока и вовсе не останавливается.

— Чтобы жених твой, мать или Карсон у меня корову отняли, когда дойдём?

— Почему это? — она догоняет его.

— А почему так не хочешь, чтобы я ушёл? Спешу-то уйти оправданно, после всего, что наговорил. Зная, кому ты служишь... — щурится он. — И тебе, после всего этого, не страшно ли с магом домой идти, где живёшь показывать? Подозрительно...

— Да я и сама не лыком шита, — напирает Женя. — Что с коровой делать будешь? Ритуалы какие-то тёмные? Ты же бездомный. Сразу убьёшь — куда с собой столько мяса жёсткого и как сделаешь, чтобы не портилось? Мне просто, — она улыбается, — интересно.

— Засолить всегда можно, или ещё как, — делится он, но тут же похлопывает корову по костлявому боку и усмехается уже совсем не зло и не колко. — Да сколько в ней мяса, посмотри, кости одни у бедолаги! Правда откормлю и вылечу. Будет молочко мне давать и вещи мои на себе возить. Ну, — снова разворачивается он и махает Жене рукой, — бывай, красавица! Беги домой, пока не стемнело вовсе. Не бойся, убийца сейчас совсем в другой стороне находится, не встретишь его по дороге.

— Что? — Женя упирает руки в бока. — Во-первых, корова — это не лошадь! — да, это важно. — Во-вторых, ты знаешь, кто убийца? Ты с ним заодно?

— Не-а, — непонятно на какой из вопросов отвечает он и начинает... растворяться в сгустившихся сумерках.

— Что? Стоять! А почему ты людей отправляешь на небо? — кричит она, будто и вправду так может его задержать.

Но незнакомец, маг или кем он там является, исчезает. Пару секунд всё ещё продолжают звучать в отдалении его шаги, и слышаться шумное коровье дыхание, но дорога пуста. А вскоре и эти звуки стихают.

— Чертовщина какая... — шепчет вышедший к Жене лис. — Выбрось бобы, не связывайся! Зря корову отдала... Ох и влетит тебе дома от матери, помяни моё слово!

Глава 32. Бобы под покровом ночи

— Да ты что, совсем глупый? — она удивляется и с жалостью чешет его за ушком. — Забыл, что мне бобы и были нужны?

— Ох, точно... — выдыхает он. — Ладно. Хотя мне это и не нравится! Так, что, теперь домой или куда?

Женя оглядывается. Действительно темнеет.

— Ну, с ведьмой я в первую очередь хотела посоветоваться насчёт того, где взять эти злосчастные бобы. Проблема решилась, так что идём домой. Устал? Голоден? Скорее бы достать денег, чтобы купить нормальную еду. И саженцы какие-нибудь, рассаду, семена, — в её голосе звучит настоящий интерес к делам, что маячат на горизонте.

Она спешит вернуться домой. На половине дороги даже подхватывает на руки лиса, словно маленькую собачку — чтобы не устали лапки.

— Видишь, Джек, в твоём состоянии есть плюсы. Нечасто же тебя на руках дамы таскали раньше, а? Вот интересно, когда я вернусь домой, всё это покажется мне просто сном? Долго я буду верить в то, что это вообще было? Наверное, нет.

И вот так она что-то шепчет то о планах на этот мир, то о своей настоящей жизни, и с губ не сходит улыбка, пока Женя не возвращается домой.

Там, прямо на крыльце, её встречает недовольная мать. Которая, несмотря на это самое недовольство, прожигает Женю жадным, предвкушающим взглядом и открывает перед ней дверь.

— Где шлялась допоздна? Заходи скорее и давай! За сколько коровку продала? Ну! — торопит она.

— Да за бобы, — отвечает Женя легко.

Конечно, можно было бы соврать, но она опасается отходить от канона. В сказке Джек всё как есть матери рассказал. Не хочется из-за такой мелочи весь прогресс спустить на нет...

Та бледнеет и протягивает к ней ладонь.

— Что? Дай сюда!

Аннушка тем временем спрыгивает с печи и с опаской, чувствуя неладное, подкрадывается ближе.

Женя прикрывает карман ладонью.

— Волшебные бобы. Знаю, ты сейчас должна ругаться, но... Ну а что ты ожидала за доходягу?

— Ну уж точно не волшебных бобов, дурная ты девка! — вскрикивает мать и подлетает к печи, у которой... Должна была стоять метла, но Анна опережает мать и прячет её под столом, куда забирается и сама. — Вот уж мне свезло, так свезло с дочерьми! — ещё сильнее распаляется мать и снова подходит к Жене. — Ну, — делает она тон мягче, — что ж... хоть покажи мне их? Неужели правда волшебные? И что они могут? Много бобов?

Женя протягивает горсточку.

— Вот увидишь, они нам принесут богатство! Только имей терпение...

— Какое, — шипит она, округляя глаза, — терпение?! — и выхватывает бобы из её ладони. — Из них ведь даже каши не сварить! — принимать мать... реветь, и рукавом

утирает слёзы. — Чем ты сватов кормить теперь будешь? Думаешь, Карсон тебя в жёны возьмёт после такого? Это позор!

— Да-да, верни мне уже, — Женя протягивает ладонь.

— Вернуть? — она распахивает окно и выбрасывает бобы в сырую тихую ночь. — А корову ты мне вернёшь?! Она хотя бы молоко давала. Как мы теперь, без молока?

А под столом в темноте тихонько подвывает испуганная криками Анна.

Женя сначала пугается. Ведь собиралась бережно посадить бобы. Но её ободряет мысль, что бобы и в сказке мать Джека выкинула. Может быть, это судьба?

— Успокойся, всё хорошо будет, — хотя, конечно, и сама не до конца в это верит. — Аннушка, ну что ты? — опускается на колени. — Всё нормально. Мы с мамой просто... дискутировали.

Она дёргается, услышав незнакомое слово. И, сквозь слёзы, подавшись поближе к Жене, чтобы не услышала мать, шёпотом спрашивает:

— Это заклинание?

А та тем временем расхаживает по комнате с видом таким, словно выбирает, чем бы огреть свою непутёвую дочь.

— Нет, это спор, только культурный, с уважением и без криков. Пойдём, я тебе сказку на ночь расскажу, хочешь?

Она выбирается из-под стола.

— Хочу! — и обнимает Женю за шею.

— Спать собралась?! А кто будет работать? — кричит мать.

Аннушка слишком сильно напоминает Жене её родную младшую сестру, которая сейчас живёт в детском доме. Как она там? Интересно, время идёт дальше? Она ждёт, что сестра придёт навестить ей хотя бы в праздники и принесёт подарок?

Будет очень грустно, если всё так и ребёнок ничего не дожждётся.

Из-за этих мыслей Женя особенно ласкова с чужой девочкой, которая не имеет к ней никакого отношения. Купает её, следит за тем, чтобы она поела хоть немного преснойстряпни «заботливой» матушки и, конечно, рассказывает сказки. На память, половину выдумывая. И про Русалочку, и про Золушку, и про Белоснежку.

Оказывается, что в том или ином варианте Аннушка знает почти все из них.

Женя решает, что так дело не пойдёт!

Девочка заслуживает возможности удивиться — всё-таки она знает, что и рассказчик у неё не обычный, а попаданка-иномирянка.

— Дай вспомню какую-нибудь книжку...

Женя решает, что будет интересно рассказать какую-нибудь попаданческую историю. Но с элементами современности.

Одна вроде завалялась в памяти. То ли «Злодейка-Толстуха» называется, то ли «Толстое попадание в злодейку...» — что-то такое.

Там толстуха из мира Жени поменялась душой с воительницей и тёмной госпожой из магического мира и... в общем и целом было весело.

— А когда та женщина оказалась в новом мире, что она сделала? — Анна хлопает длинными ресницами.

— Много плакала, — усмехается Женя.

— А ты почему не плачешь?

— А у меня... ещё времени не было. Дел много.

— Но а та другая попа...по-па-дан-ка?

— Да что с ней станется, после того, как она влюбила в себя три или четыре местных мужика и перестала принимать машины за драконов, вернулась домой.

— И... ты тоже вернёшься?

— Да. И твоя сестра, наверное, так что не переживай.

Девочка как будто расстраивается, и Женя спешит продолжить немного сумбурный пересказ книжки, особенно останавливаясь на смешных моментах и терпеливо отвечая на вопросы ребёнка, связанные с современным миром.

История помогает определиться, про что следует рассказать в первую очередь.

Женя описывает большой город, небоскрёбы, машины, магазины. Затем берётся за темы посложнее — о том, как работают телефоны, телевидение и — о боги! — интернет.

— И что, правда можно узнать всё что угодно?

— Ага. Почти.

— Так это оракул?

— Ну... — Женя улыбается, — что-то вроде.

Нужно было всё-таки сдерживать порыв и не рассказывать столько всего. Главное, чтобы эта информация не свела ребёнка с ума. Но с другой стороны — в этом мире есть магия, так что интернет не должен казаться таким уж невероятным явлением.

— Доброй ночи, — она целует Аннушку в тёплый лобик после того, как на них в очередной раз кричит мать. — Постарайся поскорее уснуть.

— Хорошо, — девочка зевает. — Спасибо...

Женя ещё некоторое время сидит рядом, прислушиваясь к дыханию ночи и отчего-то собственному учащённому сердцебиению.

И когда даже мать уже перестаёт сетовать из-за неудачной продажи коровы (и не любопытно ей расспросить саму Женю, как так получилось, сделала свои выводы и ходит бурчит...) и ложится спать, она всё же поднимается и выходит на улицу.

Хорошо бы найти свои долгожданные сокровища. Просто для спокойствия.

Но как она не старается разглядеть бобы в лунном свете — ничего не получается.

Это хорошо ещё, что куры на участке есть только воображаемые!

Но ничего ведь не случится?

В сказке они сами по себе проросли. Так, может, стоит лечь спать (тем более что она не спала до того целые сутки), утро вечера мудренее?

Точнее, ночи.

Но тут к Жене подбегает чернобурк и, чихнув, говорит:

— Я это! Боб один проглотил... А ты чего не спишь?

Карсон не спит. В эту ночь что-то произошло, он чувствует это кожей... Хотя, объездив окрестности, ничего тревожного и не заметил. Кроме, разве что, странной тени высокого, сгорбленного старика — почему-то ему думается, что то был старик... — и некоего существа идущего за ним. Размером с корову, не меньше. Однако, когда Сон завернул за угол, где тени исчезли в шелесте густой листвы и темноте ночи, что раскинула над лесом и засыпающими домами крылья, то никого там не обнаружил. Как и следов.

Больше всего его смутило именно это. Если бы следы были, в сердце не поселилась бы тревога. Мало ли кто проходил там... Да и была бы возможность прикинуть, кому принадлежали эти странные силуэты. В голову не лезли бы непрошенные мысли о колдунах, чертовщине и всяких монстрах...

И хотя это почти сразу выветрилось из памяти, теперь Карсону вновь стало не по себе.

Он глубоко вздыхает и крепко зажмуривается, пытаясь согнать видение пустой, утопающей в густых сумерках дороги и странных тенях. Затем размыкает веки и мелко вздрагивает, встретившись с горящем во тьме взглядом.

— Ну, что ты, мальчик... — ворчит, успокоившись, признав в смотрящем на себя верного пса. — Иди, иди ко мне!

Тот подступает охотно, тут же принимается ластиться и тихо, едва слышно поскуливать, пытаясь сдержать рвущуюся наружу радость. Ведь хозяин не так часто треплет так за ухом и что-то тихо, ласково бормочет, обращаясь к нему.

Другие псы, точнее, часть из них, лишь сонно поднимают головы со своего угла во дворе. Словно свечи загораются их глаза, отражая свет лампы, висящей на крыльце под навесом. Но подойти будто не решаются.

И правильно, Карсон бы тогда мог подняться и уйти в дом. Хозяин не особо любит шум и толкотню. Псы знают это, а потому ведут себя сдержанно и спокойно.

В отличие от этого, одного, которому ещё Женя так полюбилась.

Женя...

У Карсона на губах начинает играть мечтательная улыбка.

Кто бы мог подумать, что он влюбится, как мальчишка, и совершит столько глупого за такой короткий промежуток времени!

Интересно, как она там...

Мысль, что оставлять её вот так не следовало, время ведь беспокойное, не даёт покоя. Карсон сдерживается, чтобы прямо сейчас не оседлать Аду и не...

А, впрочем, почему бы и нет? Он решает, что если просто проедется мимо её дома, ничего в этом странного и плохого не будет. Не станет же он стучать в её дверь среди ночи, пугая этим женщин и девочку... А в том, что следит за порядком, необычного и сомнительного нет — это его работа.

Спать всё равно не...

Нет, спать хочется ужасно. Но что-то так тянет и свербит на душе, что Карсон, вместо сна, всё же поднимается, похлопывает пса по спине и направляется к стойлу, где тихо фыркает Ада, перебирая копытами. Будто чувствует, что сейчас ей придётся скакать в тихую, прохладную ночь...

— Что ты сделал? — едва ли не прикрикивает на лиса Женя. — Как? Как можно сожрать что-то случайно?

— Не знаю я! — начинает он нервничать уже всерьёз. — Хотел помочь, искал, вынюхивал... А он так вкусно пах! Едой! А дальше, как в тумане всё... — сплывает он слюну.

Женя прикрывает рот кулачком, вмиг захлебнувшись переживаниями.

— Если нужно какое-то определённое количество бобов, что если ничего не выйдет? А что ещё важнее — что если оно прорастёт в тебе? Ты же сам недавно говорил их выбросить, чертовщины испугался... Как же можно быть таким неосторожным, Джек?!

— Звериное нутро, — шипит он, прижимая уши к затылку. — Ужас, кошмар, я... — он округляет глаза и в них отражается луна, выглядывающая из-за туч. — Я умру теперь?

Женя поднимает его на руки. Всё-таки хорошо, что он обратился лисом, а не волком каким-нибудь. Жалеть было бы проблематичнее.

— Нет, но тебе нужно ещё поесть... Много, — решает она, — поесть.

— Чтобы переварилось лучше? — невольно принимается он жаться к ней и ластиться. — Но есть то нечего...

— Чтобы быстрее вышло, — кивает Женя, укачивая его на руках, словно младенца. — Я поищу что-нибудь в доме. Каша и овощи быстро усваиваются. Мясо нет, но оно всё равно бы не помогло.

— Ладно... — скулит он. И вдруг настораживается, наостряя уши. — Слышишь? Скачет кто-то... Прячься!

Женя едва не спрашивает «Зачем?», но затем вспоминает про маньяка и заходит за куст.

— Только тс-с-с, Джек.

— Сама тс-с, — шипит он, вглядываясь в окутавшую дорогу темноту.

И выхватывает из неё очертание огромной, такой же чёрной, как сама ночь, лошади. Блеск её глаз и, кажется, даже облачка пара из ноздрей.

— Никак это Сон на адской своей скотине... — едва слышно делится Джек догадкой.

— Но что он здесь делает? — Женя прищуривается.

— Вынюхивает что-то, — скалится Джек. — Подозревает-таки нас в чём-то. У-у, подлый тип, и это после всего, что у вас было?!

А тем временем лошадь и всадник призрачными тенями бродят вокруг. И лишь изредка, когда копыта попадают на камни, раздаётся приглушённое: «цок-цок... цок».

Женя хмыкает, переминаясь с ноги на ногу, и вдруг оступается и валится в соседний куст. Благо, что не с розами...

Лис тьявкает и бросается в сторону. Но каким-то образом не успевает всё равно, потому что взмывает над землёй, подхваченный за шкурку крепкой рукой Карсона.

Он спешивается и, не отпуская Джека, склоняется над Женей.

— Чего не спишь, колдунья?

И не понять по голосу, что у него на уме.

— А ты? — она вместо того, чтобы встать, пытается отползти в сторону. — Что задумал?

— Я на работе, — выдаёт он мрачно и отпускает, наконец, лиса.

— А я говорил, — шипит тот и ползком заползает под ближайший куст, из-под которого продолжает зыркать на них блестящими в темноте глазами.

Карсон усмехается и протягивает Жене руку.

— Поднимайся.

— Что-то случилось? — в её голосе звенит опаска, но помощь она принимает.

— Нет, — помогает Сон ей подняться и даже легонько отряхивает её от листьев и песка. — Надеюсь, что нет... Мне показалось, что я видел недавно нечто странное. Мне не спалось. Вот и решил на всякий случай убедиться, что здесь всё спокойно. Спокойно же? — прожигает он Женю внимательным взглядом.

— Было до тебя — хотелось бы мне сказать, — выдыхает она, — но Джек умудрился сожрать волшебный боб!

Карсон мрачнеет.

— Что ещё за боб и откуда?

— Я вроде говорила про сказку, да? Там по сюжету главный герой продаёт корову за бобы, мать их выкидывает, они вырастают в огромный бобовый стебель. И вот такой боб сейчас в нём!

Карсон переводит взгляд туда, где до сих пор зачем-то прячется несчастный Джек.

— Мда, беда... Но он уже заколдован, — тянет задумчиво. — Возможно ничего и не случится. Да и вдруг это определённая магия, которая работает лишь конкретным образом в особых условиях? В любом случае, на рассвете должно стать видно, сработала она или нет. Обычно срок тоже имеется, чаще всего за ночь или в осознанно назначенное время свершаются проклятия.

Женя кивает, будто согласна с ним. А затем вцепляется в плечо Соны и говорит:

— Его надо покормить.

— Хм... У меня с собой только полбуханки хлеба. Пойдёт?

— Хлеб! — выскакивает лис. — Конечно пойдёт! Человеческая еда!

Карсон переводит недоумевающий взгляд на Женю и отступает к лошади, где на седле висит сумка.

— Вот, — вынимает из неё еду, — держи...

— Мне, — начинает бегать вокруг него лис, — мне, а не ей давай!

И Карсон так и делает.

— Вы, что тут, — роняет он, — совсем голодаете?

— Да, планирую сразиться с великаном, чтобы украсть золото и купить еды, — отвечает Женя легко, едва ли не нараспев. — А у тебя как дела?

— Спать хочу, в остальном всё хорошо, — из сумки он достаёт и кожаный мешочек с монетами. — Возьми.

— Это моё жалованье? — она усмехается.

— Да, — не теряется он и седлает Аду. — Всё верно. А ещё... моя невеста не будет голодать!

— Вы чего там, а?! — раздаётся недовольный голос вышедшей на крыльцо матери Джилл. — Кто там ещё? Доча, ты сдурела совсем?! С кем говоришь, или во сне опять ходишь?

— А что я могу делать на улице ночью? — смеётся Женя. — Или тебе тоже надо нужду справить?

— А-а, — тянет та и, судя по возне и скрипу двери, собирается вернуться в дом. — Ну давай-давай, потише только!

Карсон старается смеяться бесшумно. Он подъезжает ближе, свешивается с лошади и, притянув к себе Женю, крепко целует её на прощание. После чего, без слов, уносится в ночь и почти сразу растворяется в темноте. Будто и не было его на самом деле. Будто и сам он был просто магическим наваждением...

Глава 33. Сжечь проще

Женя очень надеется, что бобы вырастут за ночь, как в сказке. Ей даже снится огромный стебель, пронизывающий высокие белые облака, как в каком-то из фильмов, который она видела. Но наутро ничего не происходит.

С одной стороны — Джек в порядке. С другой — неизвестно, сработает ли магия вообще.

Тот рыжебородый явно маг, но это ведь не значит, что он не может оказаться ещё и шарлатаном.

— Это всё-таки не совсем сказочный мир, — шепчет сама себе Женя, когда выходит во двор умыться и окончательно проснуться, — может быть, нужно больше времени.

А пока у неё много работы. Все задачи значительно упрощают деньги, которые передал Карсон. Она бежит на рынок, буквально бежит, чтобы сэкономить время. Там сразу же узнаёт, где можно найти плотника, и договаривается с ним насчёт досок для пола.

— В вашей-то хижине? Да сними ты гниль, да песком засыпь али сеном!

Да разве можно жить в кошачьем лотке?

— Нет, мне нужно перестелить, — возражает Женя и описывает ему, сколько у них комнат и сколько её шагов занимает каждая стена. Такое себе измерение, но плотник всё понимает и озвучивает сумму.

С утра Женя проконсультировалась с Аннушкой, сколько что стоит.

— Дороговато!

— А ты что хотела? Если денег нет, тогда зачем что-то менять?

Женя хмурится.

— Вам покупатели не нужны? Я знаю, сколько вы точно такое же делали соседке нашей!

Ляпает, на самом деле, наугад.

Но плотник, попыхтев, сбивает цену почти на треть. Женя сдерживается, чтобы не захлопать в ладоши. Она кивает.

— Вечером привезу. И чего тебе там что-то менять? Я думал, вы к Вилли-то переедите. Или не срослось чего?

Из-за его плеча выглядывает светловолосая девчушка в простом желтоватом платье.

— Что, лучше варианта нет? — Женя спрашивает у неё с сочувствием.

— Так дровосек, — выдыхает та, потупив глаза.

Ответить на это нечего. Как же всё-таки хорошо, что это не её мир!

Женя ещё несколько часов выбирает материалы для своей задумки, ещё семена и продукты. Она исстрачивает почти все деньги Карсона, но всё, как ей кажется, с умом.

В итоге приходится попросить сына одного из торговцев довести её домой на лошади. Два мешка круп и всё остальное едва ли выйдет перетащить самой.

Дома она готовит омлет с говядиной, луком и морковью. За столом мать едва ли слюной не давится, но даже с набитым ртом умудряется причитать:

— Могла бы и мне деньги отдать! Я бы ими лучше распорядилась. Я — мать!

Остаток дня и вечер Женя перестилает солому на крыше, вырывает сорняки и вскапывает грядки не слишком-то удобной лопатой. В итоге выходит целая гора зелени,

которой она решает накрыть грядки плотным слоем — чтобы новые сорняки не смогли пробиться сквозь него. Это вроде называется мульчей. Она вспомнила внезапно, что видела сто лет назад в передаче про дачу по телеку. Трава будет перегнивать — и это прекрасное удобрение. А чтобы сорняки окончательно вывелись из почвы, слой нужно постоянно обновлять. Открытыми она оставляет лишь те места, куда сажает рассаду и семена.

— Ну и какой смысл так делать? А вот коровка была бы... съела бы, — ворчит Мать Джилл.

— Коровка — не ваш уровень. Вот кроликов можно было бы. А ты уже убрала везде, где я просила?

— Просила! — возмущённо хмыкает мать. — Думаешь, жених деньги дал, и ты уже просить меня право имеешь? — и отвечает, не глядя на неё: — Убрала. Пойду ещё Аннушку проверю, я ей там задание дала одно... — и семенит к дому, деловито оглядываясь по сторонам и вытирая руки об фартук, словно всё вокруг, это её работа.

— Какое дело? — тревожится Женя.

— Печку побелить, какое ещё? — отзывается та у двери, за которой и скрывается.

И как раз вовремя. Потому что с дороги раздаётся перестук копыт. И голос Карсона, (который, видимо, совсем забыл о сне).

— Женя... День добрый!

— О, это ты, — она улыбается, стараясь за этим скрыть толику смущения.

Платье выпачкано, особенно, подол. На лбу и щеке тонкая полоска грязи, она же забила под ногти — перчаток тут, конечно, не нашлось.

Карсон спешивается и подходит ближе, озираясь. И делает это с нескрываемым одобрением.

— Вот это да... Ты одна столько всего провернула, Женя? — в голосе искренний интерес и нежность пополам с сочувствием.

— Ага, — она проводит ладонями по лицу и волосам, — вот тут будет морковка, видишь? Вот тут тыквы... А то была земля без дела. Крыша теперь протекать не должна, и вообще... И вообще, знаешь что? — она вдруг хмурится.

— Что? — будто настораживается он. — Ещё денег надо, мать всё забрала?

— Нет, я про то что... Как бы я вокруг этой развалины ни плясала, не видишь разве, её проще сжечь и построить новую! — она смеётся.

Конечно, всё выглядит лучше, но в её мире никто не пытается сарай превратить в коттедж. Тут же ветер дунет — и эти стены сложатся, как карточный домик.

Но Карсон обдумывает её слова со всей серьёзностью. И, придя к решению, согласно кивает.

— Да, Женя, ты права. Скажем моей матушке, что новый дом строится. А этот мол слишком стар просто, хотя за ним и ухаживают. Будет вам новый дом...

— Что? — она выгибает бровь и даже перестаёт дышать. — Я же не... Не это имела в виду!

— Нет, правильно, что сказала. Так и сделаем, — окончательно решает он и, поцеловав Женю в лоб, седлает лошадь. — До встречи, милая...

— Подожди, так а чего ты приезжал?

— Ой, и правда, — оглядывается на неё Карсон и сонно трёт глаза. — Как Джек, в порядке?

— Пока да... Думаю, — она морщится, — из него всё вышло уже. Ты за этим приехал?

Карсон смеётся.

— Да, хотел узнать, всё ли в порядке.

Женя подходит к нему, обнимает и шепчет:

— Всё в порядке.

Он тепло обнимает её в ответ, прижимая к себе. А, отстранившись, уже без слов уезжает прочь. Так, будто думает, что если обернётся ещё раз, уехать уже не сможет.

Но как только он скрывается за поворотом, у домика звучит странный глухой треск. А затем, переплетаясь друг с другом в один толстый, как ствол векового дуба, стебель, из земли вырывается три гигантских ростка.

Они стремятся к самому небу, от распускающихся листьев поднимаются порывы ветра, толстые, с руку толщиной усы-щупальца хватают край крыши и ближайшее дерево, едва не срывая и то, и другое. И вот, наконец, верхушкой бобовый стебель пронзает облака.

И на крыльцо выбегает мать с Аннушкой, в ужасе глядя на то, что выросло в их дворике у окна.

Глава 34. В небо!

Женя замирает, тоже в шоке. Всё-таки это правда! Всё-таки здесь происходит всё в точности, как в сказке!

И теперь ей и вправду нужно забраться так высоко?

Сердце начинает биться о рёбра сильнее.

Но ведь Джек победил, правда? А она явно ничем не хуже мелкого мальчишки даже без магического дара.

— Так, — решает зайти с козырей, — Сон обещал вам купить дом!

— Это что за чертовщина?! — восклицает мать, тыча пальцем в направление стебля и с опаской сходит с крыльца.

Она смотрит на стебель, запрокинув голову и приседая от страха так, словно ожидает, что он вот-вот упадёт на неё, как срубленное дерево.

— Надо позвать Вилли, — решает она, поймав мысль о топоре и деревьях. Но тут же спохватывается, когда до сознания доходят слова Жени. — Новый дом? Но... Ах, — в её глазах мелькает сомнение, однако она становится внезапно собранной и будто бы уже воспринимает стебель не как угрозу жизни.

А как угрозу для замужества... Что, с одной стороны, не так страшно, а с другой просто ужасно для неё.

— Это хорошо, — продолжает, — новый дом, это отлично. Но если Карсон увидит... это, — выделяет она, бросая на стебель красноречивый взгляд, — то нас всех сожгут на костре. Но если мы попросим помощи у Вилли и он срубит этот ужас, то мы будем ему должны... И тогда тебе придётся за него выйти. Что тоже, — тянет задумчиво, — не так и плохо. И тоже обещает нам новый дом... Мы бы переехали к нему. Знаешь, — приходит она к выводу, — всё-таки с Вилли всё проще и он надёжнее. Давай позовём его!

Женя выгибает бровь. Какая, однако, сложная логическая цепочка удержалась в голове этой странной женщины!

— Ну, срубит он — и что? Куда такую громадину девать? Так что всё равно сожгут, раз всё так. Но! Карсон никого не тронет. А стебель этот — ключ к богатству. Бобы-то волшебные были — я была права. Так что... — Женя проходит в дом, складывает в кожаную сумку, похожую на пакет из пятёрочки, ножик, вяленое мясо, хлеб и овощи — вместо воды. Ничего, чем можно было бы заменить бутылку нет. — Так что я полезу наверх!

— Наверх! — взмахивает та руками. — Никуда я тебя не отпущу!

Анна, которая ходила за Женей хвостиком, принимается всхлипывать.

— Я не хочу, чтобы нас сожгли!

— А людям, — продолжает мать, — что я скажу, когда те с вилами придут? Ты на небеса собралась, а мне здесь вместо тебя, неблагоприятная, за колдовство отдуваться?!

— Да, насчёт этого! — Женя поднимает палец вверх. — Сделай как-нибудь так, чтобы никто эту махину не заметил! Анна, верь мне! Всё будет хорошо. Мама... увидимся. Не дай никому срубить — иначе не вернусь.

— Но зачем тебе так рисковать?! — на этот раз кричит мать с искренним волнением за неё, и хватая Женю за руку.

Женя хмурится.

— Ну что ты? — голос звучит уже тише. — Я обязательно скоро вернусь. Надеюсь, что с золотом. Такие чудеса в жизни один раз бывают, разве нет?

— С золотом? — часто-часто моргает она. — Оу... Так, нож возьми, на всякий случай, — хватается мать за него и суёт Жене в сумку. — Шарфик ещё захвати, вот, — достаёт из сундука длинный и серый шерстяной шарф, — там может быть холодно. А я пока... А знаешь, — решается и глаза её загораются чем-то новым и даже опасным, — я к ведьме пойду! Пусть поможет от стебля глаза людей отводить! А то иначе, как скрыть его? А взамен, ну, не знаю, немного золото ей пообещаю. Но немного. Пару монет, быть может. Золото ведь. А ты давай, осторожнее будь! — едва ли не выталкивает она Женю из дома.

И она, стараясь мысленно отогнать смущение, подходит к стеблю и делает первый рывок вверх.

Будет трудно, но вроде есть за что зацепиться. Да и прочный этот стебель, зараза.

Словно стальной трос.

— А я?! — подбегает к ней Джек. — Меня с собой возьми!

Мать, что в этот же момент оказывается неподалёку, замирает на месте. Но, видимо, вспомнив слова о золоте, решает проигнорировать говорящего лиса и спешит вон со двора.

— Тебя? Лучше не надо, Джек, — задумывается Женя. — Там опасно.

— Я тебя всё это время защищал! Я и прошусь с тобой, потому что там может быть опасно. Куда ты, одна? Давай, — кляцает зубами, — помоги мне взобраться наверх, ведьма!

— Защищал, знаю, но ты ведь... глупенький совсем, — упирается она.

— Глу... — Джек запинается и тьякает, после чего досадливо сплёвывает. Точнее, пытается, а выходит у него смешное фырканье-чих. — Глупенький?! Это потому что я, чёрт побери, животное! Животное! — повторяет, ещё пару раз тьякнув. — Но это ведь короткие совсем моменты. И по чьей вине? Так что, меньше слов, — и становится на задние лапы, — хватай меня за руку и помоги залезть!

Она опасается, что он окончательно станет лисом, озверееет и убежит в... ну, в небеса.

Но ещё не ясно, что опаснее — оставлять его здесь с Вилли, или взять с собой на встречу с великаном.

— Ладно, — Женя протягивает ему открытую сумку, чтобы запрыгнул туда, — будешь сидеть на хлебной подушке...

— Отлично, — запрыгивает он.

Подниматься к облакам оказывается сложно только с самого начала. Дальше, будто специально для такого случая, стебли сплетались так, что образовалось нечто похожее на винтовую лестницу с периллами-листьями по сторонам.

Джек почти весь путь молчит, стараясь не подавать виду, что высота его совершенно не радует. И время от времени... зверея, принимается пожёвывать куски хлеба. Снимая этим стресс, так сказать. По крайней мере, ему так думать приятнее, чем признавать, пусть и кратковременную, но потерю человеческого разума.

Идти становится сложнее лишь тогда, когда уже на достаточно большой высоте, когда хижина внизу становится едва различимой, а Аннушка, которая всё это время оставалась внизу и вовсе исчезает, поднимаются ветра.

Они режут, свистят и бушуют, пытаясь согнуть гигантский стебель к земле, сорвать его листья, сломать усы-щупальца, которые со свистом разрезают воздух, поддаваясь порывам ветра. И Женю с Джеком едва не сбрасывает вниз.

А дальше хуже — начинается дождь. И откуда только взялся? Облака, которые были

заметны с земли, казались белыми и безобидными. Но вот Женя уже взбирается по зелёным «ступеням» вся мокрая и дрожащая от холода. А Джек и вовсе притихает, сжавшись клубочком на дне сумки.

И кажется уже, что не останется сил. Но внезапно всё вокруг успокаивается. Тучи, что превратились во влажный колкий туман, рассеиваются. И Женя продолжает идти в хрустально-чистом пространстве, залитым солнечным светом и голубизной неба.

Внизу уже не видно земли — сплошная белая пелена. Будто устлал кто-то всё плотным слоем сахарной ваты.

Но и наверху всё ещё ничего — стебель утопает в выси и глаз не хватает, чтобы увидеть его конец.

Однако вдруг всё снова меняется и впереди начинает собираться облако. Или туман? И когда Женя добирается и минует его, то выходит к белому плотному по бокам... полу? К белой земле?

Это было похоже на корочку льда. И вокруг такое же пространство. Словно Женя вылезает из странной проруби посреди заледенелого и покрытого лёгким пушистым снегом-облаками озёра.

Зато дальше, в стороне... Зелёные сады, пестрящие фруктами на ветвях деревьев и благоухающими цветами.

Попробовав для начала опереться о край странной «земли» руками, Женя решается ступить на неё, отпустив стебель. Но опережает её Джек, выпрыгнувший из сумки.

— Я ведь намного легче тебя, — поясняет он, утопая лапами в облаках-снегу, — проверю сначала я. Если начну тонуть, эм, падать? Ты успеешь меня схватить. А если всё нормально, пойдёшь за мной.

И он, хоть у самого и замирает от страха сердце, принимается расхаживать взад-вперёд.

— Я словно плаваю, — усмехается он, когда в очередной раз уходит с головой под белые облака, пугая Женю. Но в руки ей не даётся, явно осмелел и не хочет лишаться веселья. — Забавно, оно всё пружинит! — взмывает он выше, как от мягкого, плавного прыжка в почти что невесомости. — Интересно, как дальше будет, где трава растёт. Видишь? Там трава голубая! Возле деревьев.

И, не дожидаясь, пока Женя полноценно заберётся на «облака», вприпрыжку направляется к саду. Видимо поймав тот самый момент, когда звериное сознание берёт верх над человеческим...

Глава 35. Великан

Великан сидит за тяжёлым засаленным столом над миской риса. Он кажется печальным. Причина не в рисе.

Мысли оборванные и простые. Хотя сам он не считает себя глупым.

Но, быть может, было глупо отпускать случайно (а случайно ли?) зашедшего на огонёк рыжего мага?

Конечно, не мог, никак не мог сгорбленный худощавый старик зайти сюда случайно! Наверняка пришёл за золотом, которого у великана в избытке.

Значит, не зря он обидел мага, поймав его за шиворот и встряхнув над землёй. Великан на этой мысли усмехается — хах, забавно ведь, что действительно над землёй! Он свесил рыжего за самый край белой плотной пелены облаков, обвиняя того в воровстве.

Всё случилось неожиданно. Для них обоих. Но великан, в отличие от мага, находился на своей территории, и сориентироваться сумел быстрее. Да и магия на такого, как он, действует гораздо хуже, чем на обычных людей. И магу ничего не оставалось, как молить о пощаде.

— Я просто бедный странник, — скрипел его голос, пока он хватался за сильные и мускулистые руки великана, пытаясь удержаться над пропастью. — И не знал, что здесь кто-то живёт!

— Целый замок на облаках, — прогремел в ответ великан. — Всё такое красивое. Богатое! И, по твоему, без хозяина?!

— В любом случае, я ничего не взял!

— Или не успел взять... — угрожающе сузил великан свои маленькие, небесно-голубые глазки.

— Нет-нет, — принялся лепетать рыжий, — что вы! Разве же я похож на вора?

— На мошенника, на старого тёмного колдуна, на плута и обманщика, вот, на кого похож! — в очередной раз встряхнул он его, и потёртый тёмный плащ мага едва не разошёлся по швам.

Он вскрикнул и прекратил извиваться в воздухе. Лишь крепче вцепился в руку великана и попытался взглянуть в его грубое, будто вытесанное из камня, лицо.

— В любом случае, я не причинил тебе вреда, хозяин надземного царства! А за беспокойство я обязательно отвечу!

Но продолжить спокойно великан ему не дал, едва не разжав пальцы.

— Ещё как ответишь! — согласился он.

— Нет-нет! — взвизгнул маг. — Стой! У меня есть предложение... Я заплачу тебе за беспокойство.

— Заплатишь? — ещё больше сощурился он, отчего глаза его практически исчезли с лица, превратившись в две узких щелки. — Но у меня всё есть, я самый богатый на свете.

— Да-да, конечно, — не стал он спорить, хотя во взгляде и промелькнула некая... гадливость. — Но нет жены! А дом без женщины всегда беден, — и он поспешил слегка сгладить сказанное: — Не в обиду сказано, прошу простить меня.

— Жены? — слегка опешил он в ту минуту и отступил от края.

Однако мага отпускать не торопился.

— Ага, — протянул рыжий тем временем. — Жены... Приведу тебе на днях такую

красавицу и умницу с земли, что всё здесь засияет ещё ярче!

— О да, — горячо забилося его сердце и помутнело в глазах от наплыва мыслей и предвкушения. И великан указал пальцем куда-то вниз. — Разглядел я однажды там, среди леса, ведьму одну. Красивая, и голос у неё красив, и видно сразу, что умница.

Каким-то образом рыжий понял, о какой именно ведьме шла речь. И это ему явно пришлось не по нраву.

— Я, — он покашлял, прочищая горло, — не хочу тебя разозлить, но... Ведьму трогать нельзя.

— Это почему же? — присел он на землю, чтобы иметь возможность смотреть на мага, не поднимая его к своему лицу.

— Она... Занята она.

— Так прихлопнуть, — он отпустил его, чтобы оглушительно ударить в ладоши, от чего магу пришлось зажать себе уши, — гадёныша, и дело с концом! Или как там говорят... Не странно ли, что у конца есть дело? Хотя, стой, — протянул он, направляя вдаль задумчивый взгляд, — кажется я понял... У каждого дела есть свои концы. Всё верно.

Маг смотрел на него, в недоумении склонив голову набок и морщась.

— Ага... Но нет. В смысле, тогда я не смогу привести тебе жену.

— А?

— Если ты прихлопнешь меня, — подсказал он.

Великан всё равно не понял. Но раз рыжий сказал, что в таком случае не сможет, он мог бы отказаться от ведьмы.

Впрочем, стоит ли оно того? Не лучше ли тогда и правду прихлопнуть наглеца? И получить удовольствие, забаву здесь и сейчас.

Маг словно прочёл его мысли, апотому отступил в сторону.

— Жену приведу лучше ведьмы! А хочешь, даже ведьму найду? Только другую. Посмотрим, как выйдет. Приведу, слово даю!

— Ведьму хочу! — воскликнул великан. — И не хуже той, — снова ткнул он куда-то вниз. — А не приведёшь если в ближайшее время, так и знай, я сам способ найду спуститься за тобой, отыщу тебя, и... — понизил он голос, с улыбкой произнеся, смагуя это слово: — съем.

И вот прошло столько дней, а ест великан рис с куриным мясом. Негусто. И жены нет. И в доме тихо.

А он, гора мышц, три метра ростом, ясноглазый, загорелый под лучами солнца, что и сейчас ласкают его льняные, заплетённые во множество мелких колосков волосы, одинок. По-прежнему одинок.

Доест свой рис, и всё-таки, видимо, придётся и правда рисковать сорваться вниз и как-то спускаться на землю.

Но от размышлений этих отвлекает великана чьё-то... тьяканье?

Он с грохотом откладывает от себя ложку, что размером с лопату, какими людишки вскапывают грядки и рывком поднимается из-за стола.

— Животное, — удивляется великан, и губы его растягиваются в кривоватой, жуткой улыбке. — Животное наземное здесь! Поймаю! Я тебя поймаю! — выбегает он из веранды, где находился, на широкое крыльцо. — Наконец-то развлекусь. Наконец-то!

Глава 36. Жена

— О, нет, нет, нет, — шепчет Женя вслед удаляющемуся Джеку. В конце концов лис становится лишь чёртовой чёрной точкой. — Так и знала, что не нужно было тебя брать с собой!

Хочется развеяться от досады. Ведь она ужасно устала и в какой-то момент даже едва ли не потеряла сознание от высоты. Проголодалась, продрогла, перенапряглась, переволновалась. Пере-пере-пере-что-угодно, а тут ещё и мало того, что вправду какая-то страна великанов, так ещё и бедный Джек совсем спятил.

А что если всё, время вышло, его нельзя будет обратить назад в человека?

Впрочем, если он сейчас пропадёт, в любом случае колдовать не над кем будет!

И плакать времени нет!

Женя смело ступает на облачную землю, но тут же вскрикивает и едва не валится вниз — настолько ощущения необычные, настолько всё кажется ненадёжным...

Это Джек-то маленький, не упал, а она весит килограмм шестьдесят, наверное...

— Но великан, — Женя сглатывает и хмурится, — скорее всего ещё больше.

Так что не стоит переживать. Не стоит и выбора нет. Ведь не стоять же столбом. Женя обнаруживает в сумке целых два ножа, хватает их в обе руки и бежит со всех ног, словно ассасин.

С ма-а-аленькими такими клинками.

За огромными деревьями, налитыми плодами виднеется огромный дом. Больше похожий на замок, но всё же дом. Просто очень большой. С соответствующими окнами и дверными проёмами.

Джека нигде нет... неужели он умудрился в первые же минуты оказаться в логове великана?

— Чёрт, чёрт, чёрт... Ну ты у меня получишь! — топнув ногой и тут же испугавшись, что это приведёт к дыре в «земле», Женя проходит через огромную каменную арку.

Джек тем временем повисает в руке великана безвольной тёмной тряпочкой. Он краем глаза, через окно, в которое Женя может заметить его, глядит на неё безучастным взглядом. Неосознанным взглядом. Взглядом затравленного зверя. И как-то лениво скалится великану, прижимая к голове уши так плотно, что начинает казаться, будто их и вовсе нет.

Они в просторном зале, или скорее на террасе, что находится между коридоров и высоких окон, часть из которых витражные.

На первый взгляд, сидит великан под открытым небом. Но то лишь иллюзия, просто стеклянный, куполообразный потолок очень чистый и солнечные лучи проходят сквозь, не задевая ни одной пылинки или пятнышка. Янтарный пол тоже блестит от чистоты, и свет будто плавит его.

Великан сидит в позе лотоса и на вытянутой руке рассматривает свою добычу, готовясь то ли сожрать Джека сразу, то ли, всё-таки, закрыть его в плетёной корзине-бочке, что стоит рядом.

Женя решает, что трусить, как и плакать, времени нет тоже. Джек столько раз уже кидался при первой же возможности прикрыть её, несмотря на то, что именно она его заколдовала и втянула в опасные приключения.

И здесь он ради неё.

А значит пришло время отплатить ему. И уже плевать на золото, на сказку, на грёбаного Деда Мороза, чтобы ему пусто было...

— Эй, ты! — забегает и кричит, чтобы обратить на себя внимание великана. — Не тронь моего лиса, слышишь? Иначе я тебя на лоскуты порежу!

— Лиса? — почему-то удивляется тот и оборачивается, а затем и поднимается на ноги, выпрямляясь во все свои три (или сколько там) метра. — Крыса...

Джек в его руках и правда больше походит скорее на огромную крысу, чем на лису...

Великан разглядывает его ещё внимательнее, а затем лицо его озаряется осознанием и губы растягиваются в улыбке. Взгляд его вновь падает на Женю, и вспыхивает в нём очень странный огонёк...

— Жена... — выдыхает великан. — Пришла-таки! Моя жена!

— Это крыса, то есть, тьфу, лиса, лис, в общем, он мой, — она топает ногой, — отпусти! И да, я Женя, женщина и что ты там ещё хотел сказать. Какие-то проблемы? — грозит ему ножичком.

— Сказать хотел, — всё же засовывает он Джека в корзину и прикрывает его тяжёлой соломенной крышкой, — что ты моя будущая жена. Мне тебя обещали. Я уж думал, обманули меня, но вот, ты здесь! Как, говоришь, зовут? — щурится он подслеповато.

— Кто обещал?

Женя даже не знает, как реагировать. Снова чья-то жена? И кого — этого великана? Что за мир такой?

К тому же, в сказке этого точно не было!

— Меня зовут Женя, и у меня уже есть парень, спасибо большое.

— Парень, не муж? — уточняет он зло и медленно приближается. — Это ничего, если не муж. Он мог не знать. Рыжий колдун обещал мне тебя. И вот, ты здесь, — великан улыбается ей, судя по всему, стараясь выглядеть дружелюбно. — Я рад. А ты... Ты, рада? Теперь это всё, — ведёт рукой, — будет твоим! И я, — добавляет так, будто это куда ценнее местных богатств и должно окончательно Женю добить. В хорошем, разумеется, смысле. — Я буду твоим.

— Ты! — Женя вновь направляет на него остриё ножичка, на этот раз словно учительница указку. — И что мне с тобой делать прикажешь? Тобой только потолок подпирать — без обид.

Великан и правда не обижается, он с недоумением возводит взгляд к потолку и тянется к нему рукой с таким видом, словно не знает, хорошо это или плохо, что достать до него он не может.

— Зачем подпирать? — наконец отвлекается он на Женю и оглядывает её с подозрением, после чего садится на пол и кивком подзывает её к себе. — Подойди. Что это у тебя в руках такое, зачем? Глупенькая, — тянет нараспев, ухмыляясь.

— Смешно тебе? Маленькое? А по моему, — она делает шаг вперёд, — отлично войдёт тебе в глаз! Верни мне Джека.

— Крысу ту облезую? И вообще, — хмыкает великан лениво, — прежде, чем угрожать так, проверила бы сначала, допрыгнешь ли до моего глаза! Чего злишься, человечка, а? Твой будущий муж перед тобой, прояви уважение! Тебе очень повезло, осмотрись! Я хорош собой, силён, очень богат! Чем плох жених из меня?

— Я вижу, — Женя выдыхает и вправду осматривается. По крайней мере на неё пока не

нападают. А с очередным недоразумением, связанным с замужеством, она как-нибудь разберётся. — Но кроме садов и всего остальное... у тебя же ничего нет. К чему золото, чтобы смотреть на него?

— Оно красиво блестит. Оно ценится и здесь! Что уж говорить о том, что внизу, на земле, ты будешь считаться самой богатой женщиной, Женя. Да к тому же я мечта всех великанш! Скажи спасибо, что тебе достался.

— Эээ, не поняла. Тут есть великанши?

Женя начинает ходить из стороны в сторону, глядя то на великана, то чрез стеклянный купол, то в сторону каменной арки.

Будто ожидая грохот от топота огромных соперниц.

— Ну, не прямо здесь, — пожимает он плечом и хватая корзину с Джеком, принимаясь трясти её, словно взбивая коктейль. — Но в мире этом, конечно, есть. Их много. Хорошие, — тянет бархатным голосом, жмурясь под золотыми лучами солнца.

Женя вскрикивает и подбегает к нему, вмиг растеряв рассудительный и любопытный тон.

— Я сказала не трогай его! Это мой фамильяр! — вырывается само.

И великан опасливо ставит корзину у своих колен.

— Ведьма ты, да? Ну, что ж, мне нравятся ведьмочки... Человеческие. Теперь точно вижу, что тот колдун именно тебя мне обещал! Ведь за свою ненаглядную заступился... Я почти уверен, что ему тоже та, что мне понравилась, приглянулась. Зря я ему в тот раз на неё указал, зря...

— Я не понимаю, что за фиксация за человеческих девушках, если в твоём мире есть те, кто тебе под стать, а?

Заговаривая ему зубы, Женя с опаской тянет к корзине с Джеком.

— Они не по вкусу мне, — великан сдерживается, чтобы не сплюнуть на пол. Всё таки правила приличия быть должны... — Не по вкусу, все такие... — странно запинается, но слово вылетает прежде, чем он успевает замолчать: — большие!

Женя хватая корзину и отступает на два шага. Сверлит великана взглядом, лицо без выражения, но недолго. Она не может удержаться, чтобы не прыснуть...

— Большие, значит?

— Ну да, — не понимает он и не замечает даже, как она забрала лиса, — большие... Естественно! Что смешного?

— Они большие, а у тебя... маленький, да?

Женя начинает откровенно смеяться. После всех этих приключений мозг, видимо, подумал, что так выйдет снять стресс.

Но великан вскакивает на ноги так резко, что пол содрогается словно от землетрясения и громогласно восклицает:

— Вовсе не маленький! Н-нормальный... он.

Видимо, задела таки за живое.

— Эй, пупсик, — это Женя шепчет лису, — ну как ты там?

Хотя с тем же успехом вопрос мог предназначаться великану. По крайней мере, частично.

Она отступает ещё, лихорадочно решая, что куда бежать в случае чего.

— Ты это... не подходи ко мне! Я занята уже. Тебе другую жену пришлют, хорошо?

Но великан уже воспринимает всё, абсолютно всё сказанное и происходящее, как

личное оскорбление. Поэтому он, будто обиженный ребёнок, топает ногой от досады и делает шаг к Жене, возвышаясь над ней мрачной горой. И с этого момента становясь грозным и похожим на какого-нибудь греческого, воинственного бога.

— Ну. Уж. Нет, — произносит он с расстановкой и тянет к ней руку. — Я тебя хочу. А лисой твоей перекусить собираюсь, нечасто ко мне звери с нижней земли забредают.

Она делает ещё один шаг и натывается на стену. Чёрт-чёрт-чёрт — колышется в мыслях.

— Ну... эээ... Если ты хочешь, чтобы я стала твоей невестой, разве можно обижать меня?

— Да разве же я обижаю? — приподнимает он бровь. — И я не то, чтобы хочу, я говорю тебе, что ты уже стала. В общем-то, мы можем... ну, знаешь, — становится его тон каким-то уж больно странным, — не тянуть. Можем даже не тянуть. Ни с чем. Да и вообще, меня бы свои не поняли, если бы мы тянули.

А тем временем, Джек на руках Жени сонно зевает и жмётся к ней своим тёплым чёрным боком, дрожа от страха. Судя по всему, всё ещё ничего не понимая, позабыв, что на самом деле является человеком.

— Я не понимаю, о чём ты, — она хмурится. — Не тянуть с чем? И обидеть меня, значит, обидеть моего лиса. То есть нет, обидеть лиса, значит, обидеть меня. А на обиженных невестах суп не возят!

Она тут же осознаёт, что сама не поняла, что сказала. Видимо, сказывается голод и страх.

Но пусть думает, что хочет. Она вообще-то тут вдвойне в чужом мире!

Великан и правда выглядит озадаченным. Он забывает, что собирался только что сделать, и вместо этого садится напротив Жени и качает головой, усиленно пытаясь понять, что же она имела в виду.

И наконец, как он думает, понимает:

— Хочешь супа? Ты обиделась, потому что голодна? Ну так идём на кухню! Есть и суп, рыбный со сливками, есть мясо, недавно я баранину пожарил на углях. Есть сладости, какие твоей душе угодны! Соки, вина, кофе. Фрукты! Ты таких и не ела поди. Ну? — вопросительно изгибает бровь и протягивает ей руку, ожидая, что Женья вложит в неё свою ладонь.

Женья смотрит на него неверяще.

— Сначала дай слово, что не тронешь Джека! А затем расскажи, откуда на облаках бараны?

А ещё суп со сливками.

Сладости.

И кофе.

Может здесь где-то есть портал в её мир?

Звучит уж очень по родному.

Внизу еда совсем не такая аппетитная.

Великан отчего-то хохочет. И смех его очень похож на гром...

Лис пугается пуще прежнего и начинает яростно дёргаться, пока не выпрыгивает у Жени из рук. Он стремглав несётся к ближайшим резным дверям и скрывается где-то в глубине дома.

Великан, к счастью, на это даже не обращает внимания. Или и вовсе не замечает, охваченный весельем.

— Как это, откуда? Вот дурёха! — утирает он выступившие от смеха слёзы и вздыхает в попытке успокоиться. — А на нижней земле они откуда? Вот ты сможешь на это ответить? Вот и я не смогу. А крысу твою не трону, так и быть. Главное, чтобы пёсик мой твоего Джека не слопал. Ему сложно что либо запрещать... Ну, идём! — поднимается он. И делает это медленно, аккуратно, словно только сейчас подумал о том, что способен напугать Женю своим ростом и габаритами, а потому лучше не делать резких движений.

— П-пёсик? Знаешь, у меня есть тот, кому уже отдано сердце. И увы и ах, он способен утомить своих собак!

На этом у Жени в глазах проскакивают бесы. Она вспоминает их первую ночь вместе. Мда, «этих» собак он удержать не мог...

Великан лишь фыркает в ответ и всё-таки хватается её за руку.

— Мне твоё сердце и не нужно!

— А что нужно... — срывается с губ, прежде чем она выкрикивает: — Отпусти! Больно же!

Он резко разжимает хватку и окидывает её придирчивым взглядом.

— То, что любому мужу надо от жены... Я не понимаю, — восклицает вдруг с невероятно искренней досадой, — чего ты хочешь?! Идёшь ты есть или не идёшь?

Великан собирается сказать что-то ещё, но пол сотрясается от утробного, угрожающего рычания, что доносится откуда-то из-за стен.

Это прерывает великана, но зато заставляет его умилительно улыбнуться.

— Вот, и пёсик мой проголодался как раз.

Глава 37. Карсон и Вилли

Карсон в который раз объезжает окрестности. Ада, как ни в чём не бывало, взрывает копытами землю и нетерпеливо фыркает, когда он снова задерживается в одном из постоянных дворов, разговаривая с хозяином о пропавшей девчонке.

Как-то раз исчезновение девушки действительно было связано не с орудуящим поблизости преступником, а с несчастной любовью. Ради которой она сбежала из дома и остановилась в трактире перед тем, как навсегда, как ей думалось, исчезнуть из родного края. К счастью, в тот раз Карсон вовремя её нашёл. Потому что парень, с которым она собиралась бежать, как оказалось, уже был помолвлен и не очень-то хотел так круто менять свою жизнь ради той, на брак с которой его не благословили. А значит и не оставили бы наследства. Поэтому, когда девица оказалась поймана, он всем объявил, что знать не знал о её планах, да и вообще к ней никогда не прикасался.

Сон в тот раз не особо испытывал радости от найденной пропажи. Но это всё одно лучше, чем оказаться жертвой убийцы...

И сейчас, возвращаясь к своей адской лошади, он чувствовал нарастающую досаду от очередной неудачи. Ту, которую он ищет все эти дни, нигде и ни с кем не видели. Молодая девчонка, почти, как Женя, просто растворилась бесследно... Как тень истаяла под светом дня.

— Ужасно... — шепчет он, похлопывая Аду по шее. — Хоть бы эту найти... Что ж твориться вокруг, а!

Ада на это лишь раздражённо ведёт ушами и ускоряет шаг.

Цок-цок, цок — раздаётся по дороге, и камни отлетают от её копыт.

Карсон сам не замечает, как направляется к дому Жени. Из-за всех этих происшествий, отчего то, тревога за неё всё крепнет...

Ему обычно несвойственно так себя чувствовать. Карсон привык быть уверенным во всём и знать, что происходит, что делает, чего ожидать...

Но то, что касается Жени...

И правда, видимо, из другого мира она. Всё иначе с ней.

Путь к дому её на этот раз проходит через владения Вилли. От мыслей о её женихе Карсону слегка плохеет, а в сердце зарождается нечто вроде смеси гадливости, смеха и злости.

Нелепо.

Ну разве не нелепо хотеть выдать такую, как Женя, за такого, как этот лесоруб?

Эта часть леса, к слову, собственность Вилли. И всюду здесь порядок да благодать! И деревья здоровы, и следы живности лесной всюду, и чистота, и травы сочны да зелены! Шишки хрустят под копытами Ады, набитые орехами.

Дом у Вилли добротный, тёплый и большой. Из хорошего такого, плотного сруба. Но какой-то глухой... Неприятное ощущение создаётся, когда проезжаешь мимо. То ли то от окон узких и маленьких, то ли от потемневших стен и высокого, такого же тёмного забора. То ли от жутковатого сарая в стороне, что выглядит, как старая покосившаяся, хлипкая хижина...

То ли просто Карсон, от мыслей этих, всё сильнее закипает. Но не нравится ему здесь и

всё!

Как вдруг он резко тянет за поводья, заставляя лошадь не то, что остановиться, а встать на дыбы.

— Ну-ну, прости, — ворчит он виновато и спешивается.

Что-то не так... И теперь причиной этому чувству уже не является его к Вилли неприязнь.

С другой стороны, придирайтесь к своеобразным следам, что идут мимо тропинки, разве можно в подобном месте? Мало ли что, быть может, просто Вилли забил кабана или лань, да протащил тушку к сараю?

Только вот следы относительно свежие, а вокруг не намёка на разделывание мяса или ещё какие приготовления.

Впрочем — и Карсон, сам от себя не рад, закатывает глаза — что за придирки?

А ноги сами собой ведут его к тому жутко-неприятному месту. Уже и видны чёрные щели над дощатой дверцей сарая. Рука едва не тянется к тяжёлому засову... Карсон имеет право осмотреться здесь, он, как ни как, на службе, верно?

Но шаги за спиной заставляют его помедлить и обернуться.

— Доброго дня.

Вилли не отвечает на его приветствие. Он глядит на Карсона своими светлыми, маленькими глазами и кривит побледневшие отчего-то губы.

— Что-то не так? — наконец бросает он и сплёвывает себе под ноги.

— Да всё сейчас не так, время такое, — отвечает Карсон как-то растянуто, и будто бы насмехаясь над чем-то.

Что явно злит Вилли ещё сильнее.

— У меня всё в порядке.

— Тогда зачем спрашивал? — изгибает Карсон бровь.

— Что спрашивал? — не понимает его недалёкий собеседник.

— Что не так, — не может остановить себя Сон и напоминает ему вопрос.

— Где? — переспрашивает Вилли.

И Карсон понимает, что, видимо, напрасно успел его в чём-то заподозрить.

Единственное, в чём можно обвинить Вилли, это в самомнении. Иначе как он мог поверить, что Женя достанется ему?

Нет, — Сон едва заметно качает головой, отгоняя от себя эти мысли, — надо заканчивать...

И в деревянности. Ещё Вилли можно обвинить в этом. Ведь он абсолютный породистый, настоящий дуб.

Поэтому Карсон, молча, седлает свою лошадь и собирается уже покинуть это неприятное место с его странным хозяином, как до слуха его доходит странный глухой стук. Как если бы в сарае и правда была тушка зверя, подвешенная за лапы и раскачивающаяся из стороны в сторону, ударяясь об одну из стен на ветру.

Только вот ветви деревьев так громко начинают шуметь, что вмиг заглушают собой все прочие звуки.

— Всего хорошего, — бросает Вилли, провожая Карсона цепким взглядом.

Он кивает в ответ. А сам замечает в траве под кустом шиповника, как раз рядом со странными следами, обрывок светлой ткани в горошек. Ну точно такой, из какой было сшито платье пропавшей девчушки...

Сон отводит взгляд, не желая показывать, будто заметил нечто важное. Пусть Вилли думает, что он просто проезжал мимо и благополучно оставил его в покое. А сам Карсон дожждётся, пока лесоруб покинет это место и тогда уже проверит, не держат ли в сарае несчастную девчонку.

Лучше сделать это без лишнего шума. Пока что.

Пока не убедится, жива ли пропажа. Чтобы в случае чего, если завяжется между Соном и Вилли битва, ей не навредили.

Главное, чтобы лесоруб не вздумал отправиться к «своей невесте». Карсон, пока не избавится от подозрений, не потерпит его и близко с Жениным домом!

Но, затаившись в ближайших зарослях так, чтобы его не было заметно с дороги, Сон замечает, как Вилли отправляется к ней...

Наверняка к ней! Что ещё может быть в той стороне?

— Ладно, успеем... — шепчет он сам себе, направляя Аду назад к тому тёмному, большому и покосившемуся сараю. — опередить бы... Ну да ничего, ничего.

Он спрыгивает с лошади и спешит, отбрасывает тяжелый засов с двери, распахивает её, будто выпуская на белый свет царящую внутри тьму, и застывает на месте. В совершенной, совершенной растерянности.

Увидел Сон не то, что ожидал, но при этом не менее страшное.

Глава 38. Платье — ответственность мужчины

А в небесном городе тем временем великан любезно проводит Женю сквозь многочисленные просторные комнаты. И всё вокруг там золотое, стеклянное или бирюзовое, блестящее и залитое солнцем. И только большой круглый зал, потолок которого подпирают высокие серые колонны, выглядит мрачным и каким-то затхлым. А ещё пустым. Не мебели резной, не статуй, не ковров и прочих вещей, которые Женя видела в других помещениях, лишь высокий выступ посередине. И толстая, с мужскую руку, тяжёлая чёрная цепь на полу.

И звериные сильные лапы... Чёрные, с белыми носочками и стального цвета — а может и не просто цвета — когтями.

И... две чёрных головы с белыми левыми ушами... на одном двухметровом теле.

Двуглавый пёс бьёт хвостом-палкой при виде великана и скалится, бросая косые взгляды на Женю.

И когда он скалится, между клыков его становится заметна лисья тёмная мордочка.

— Не сожрал, значит, может выплюнуть, — тянет великан, замечая это.

Боже, Жене уже начинает казаться, что предназначение Джека — влипнуть в неприятности и пугать её своей скорой кончиной!

— Фу! — паникует она. — Брось! Скажи, — бросает отчаянный взгляд на великана, — скажи ему... Джек, беги оттуда!

Но Джек лишь жалобно тявкает, ведь челюсти одной из морд сжимаются крепче.

Великан хохочет.

— Во глупая девка, чего испугалась? Малыш просто играет!

У Жени заходится сердце и будто сейчас остановится, в груди так больно колет, словно...

Словно там сияющий жёлтый шарик, который к слову прямо сейчас вылетает из неё и попадает по собачьей лапе.

Она этого не ожидала, сама побоялась бы кинуть — вдруг проглотит, это всё неуправляемая магия.

Пёс оглушительно рычит в ответ и переминается с лапы на лапу. А вот великан замолкает.

Правда, ненадолго.

— Ведьма, — цедит он недовольно. — Ладно, если верну тебе твою крысу, согласишься платье примерить?

— Платье? — переспрашивает Женя, а затем выкрикивает торопливо, нервно: — Боже, да!

— Хорошо, — тянет великан удовлетворённо и командует псу: — Мальчик, плюнь!

После чего Джек, который становится уже похож на большой и влажный комок кошачьей шерсти, катится прямо Жене к ногам.

— Свадебное платье для тебя хранил, — как ни в чём ни бывало продолжает великан. — Меня, кстати, Бобом звать.

— Бобовый стебель до Боба довёл... — бормочет Женя. — Ну, логично, конечно.

Она берёт Джека на руки.

— Ты хоть жив? Может, придёшь в себя? Хоть ненадолго...

Но в ответ он лишь облизывает ей лицо и скулит.

— Идём, — зовёт её Боб, проходя мимо пса. — Не бойся, он тебя не тронет пока я рядом. Мальчик меня боится, поэтому слушается.

Он подходит к хрустальной двери за выступом и открывает её, впуская в зал белый дневной свет и будто бы туман. Который наверняка является просто облаком.

— Боится? Та тварь? Мне казалось, что это Сон — Аид, но... — она вглядывается в великана. — Нет, всё же он — Аид. А ты Боб... Почему сразу не сказал отпустить, если мог? У меня чуть сердце не остановилось!

— Подумал, пусть играет... — передёргивает он плечом. — И конечно же боится, бью его, воспитываю. Ну, — повышает на Женю голос, будто на своего пса, — идёшь ты или нет?!

— А что кричишь на меня? — хмурится она. — Ладно, — прижимает к себе Джека крепче, — ты лучше бы мне... золото показал своё. Так сказать товар лицом.

Она всё-таки здесь ради этого, разве нет? С точки зрения девушки, которой нужны деньги в новом мире и с точки зрения сказки — да.

Но в сказке было ещё и всякое нехорошее с великаном...

Женя окидывает его пристальным взглядом. Страшный, конечно. Глуповатый — может быть. Но убивать за это?

Не хотелось бы.

— Золото тоже там, — нехотя признаётся Боб и выдавливает из себя совершенно неискреннее: — П-прости...

Женя удивляется.

— За собаку?

— Что, за собаку? — не понимает великан.

— Извиняешься за что?

— Сама же недовольна была, что кричу. Но, — гремит он, — я ещё не кричал, знаешь ли! Давай, иди скорее, долго мне дверь держать? Она тяжёлая между прочим.

Что ж... сокровища пока заблокированы, а значит нужно попытаться больше узнать об этом надмирном мире.

— Знаешь, — идёт она за ним, но не слишком быстро, чтобы не думать, что ей можно помыкать, — в нашем мире мужчины не держат дома платьев для своих будущих невест.

— Как недальновидно! — осуждающе фыркает он. — Вот видишь, я намного лучше их.

— И все у вас так делают? — спрашивает с подозрением.

— Не знаю я всех, поэтому не могу сказать, — кривится Боб. — С чего это ты о всех спрашиваешь? Я ведь сказал, я лучше всех! Самый богатый. Самый красивый! И думать о других не смей! Поняла?

Женя смеётся.

— Да я просто пытаюсь понять, нормальный ты или нет. Почему живёшь тут один, раз такой хороший?

— Жену с земли ждал, — по голосу слышно, что он теряет терпение. — Хочешь, на руках тебя понесу? Чего такая медленная?

Женя выдыхает, тоже между прочим не испытывая особенно приятных эмоций от общения, и подходит к нему.

А потом, прокрутив ещё раз в мыслях его последнюю фразу, вдруг решает попробовать способ отделаться от него так, как дети обычно отделяются от школы.

Она падает, прикрывает лоб ладонью и поизносит томно:

— Ах, я совсем больна! Безднадёжно!

— Ну вот, — тянет великан разочарованно и склоняется над ней. — Лечить ещё...

Вылечим, — заключает тоном, не оставляющим надежды, и хватает Женю в свои громадные ладони. — Но сначала платье!

И, не давая ей хоть как-то отреагировать, вносит её... В хрустальную пещеру?

Пол там сплошь усыпан золотыми монетами, кольцами, серьгами и прочими украшениями. Всюду расставлены, нет, разбросаны сундуки, кое-где стоят зеркала в полный рост, в оправе из сверкающих разноцветных камней. А в стороне от двери, на стульчике из серебра, сидит маленькая, с метр ростом, хрупкая женщина...

Черты лица её острые, нос с небольшой горбинкой, глаза карие и раскосые сами будто бы из янтаря, крупные локоны ниже пояса, похожи больше на бронзу.

Она напевала какую-то мелодию, пока Боб не ворвался в пещеру и не перебил её. И теперь женщина укоризненным, цепким взглядом буравит Женю, будто она является не невольной гостьей здесь, а причиной всех бед. Даже тех, о которых сама не знает.

Глава 39. Арфа

У Жени даже дух перехватывает при виде всего этого.

— Красиво, — переводит она взгляд с девушки на Боба, — правда цербер твой портит весь вид... И ещё мне кажется, что я ей не нравлюсь.

— Почему не нравишься? Малышке моей всё должно нравиться! Не нравилось бы — не пела!

— Я и не пою... — сузив глаза, роняет женщина мелодичным, звонким, как битое стекло, голосом. И фыркает: — Дурашка.

— Где? — оборачивается великан не понимая.

И она закатывает глаза:

— Трудно не заметить, и как только у тебя получается?

— Что получается? — начинает злиться Боб.

Но женщина молчит, знает — если поймёт, что это она его так назвала, злиться будет сильнее.

— Ой, да ладно вам, — Женя усмехается и подмигивает девушке. — Боб, мне переодеться, да? А у тебя случайно нет сумки побольше?

— Зачем сумка? — и швыряет в неё вынутым откуда-то платьем. — У меня всё есть. И всё большое!

На этом, почему-то, маленькая женщина ехидно усмехается.

Женя сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Есть? Так принеси, пожалуйста, но такую, чтобы я поднять смогла.

Она оглядывает платье.

— Не мой размерчик.

— А ты как-нибудь расширься! — бросает он, будто оскорблённо, и выходит вон. Видимо, за сумкой.

Женщина кривит губы.

— Он не отстанет, если не наденешь. Боб не поймёт даже если оно слишком велико. Просто поясом потуже затянься, а потом вместо шлеек его подвяжи, чтобы всю эту конструкцию на тебе держал. Невесточка...

Женя садится рядом с ней.

— Я тебе не нравлюсь, да? — она спрашивает это просто, вообще без каких-то эмоций, разве что с капелькой интереса.

Потому что за последние дни уже столько всего пережила, что на такие мелочи реагировать по-настоящему ресурса не находится.

Женщина медленно ведёт плечиком. Раздумывает.

— Не то чтобы... Просто сбежишь или умрёшь, а Боб снова психовать начнёт. А успокаивать его мне придётся. Знаешь, как это утомительно?! — на последнем слове раздаётся звук, очень похожий на лопнувшую струну. И женщина глубоко вздыхает.

— Я вообще-то здесь по делу... — Жене даже хотелось рассказать, по какому, но она решила не рисковать. Вдруг вся нудность напускная, а на самом деле она великана обожает? — А что, много тут девушек было? Почему ты так уверена?

— Немного, но люди бывали. И маги. И все оставляли дурня с носом! А я ему

колыбельные пела сутками напролёт. Аж голос садился. А это больно!

— А ты почему не сбежишь тогда? — Женя окидывает её придирчивым взглядом. — Нравится быть в уязвимой позиции?

— Поговори мне тут ещё, малявка! Малявка из другого мира! Надо же, какие дерзкие да умные все стали.

И вдруг на её месте появляется золотая арфа. Аккуратненькая, блестящая, не очень большая арфа... И уже из неё, ещё более мелодичным голосом, раздаётся:

— Я только в таком виде могу передвигаться. Точнее, не могу. Как прикажешь мне, — выделяет она, явно имея в виду свой облик, — сбежать?!

Женя прикрывает рот ладонью. Становится неловко, но ненадолго.

— Я ж не знала. Всё чудесатее и чудесатее.

Она, всё ещё не отпуская Джека — потому что убежит, животное такое, — вдруг поднимает арфу и примеряет её на вес.

— Ну, думаю, что в принципе потяну тебя. Детка.

— Мм? — звучит настороженно, а затем слишком уж легко и поспешно: — Ах, украсть хочешь? Ну красотулечка! Попробуй!

— Не понимаю, это сарказм? — Женя ставит её обратно.

— Нет-нет! Хоть на чёрный рынок меня сбудь, лишь бы не оставаться здесь!

— А мне просто почему-то показалась, что ты уже привыкла к нему. Он же как большой ребёнок. Все великаны такие?

— Не все, — вздыхает она, принимаясь медленно и негромко перебирать струнами. — Вот именно... Ты пробовала когда-нибудь жить с ребёнком, который сильнее тебя и вечно капризный? Это опасно, знаешь ли. И, ты это, платье-то надела? А то придёт и сам попробует!

— Ещё и платье...

Женя кладёт ослабленного Джека себе на плечи, словно воротник, и вертит платье и так и сяк.

— А ты, значит, знаешь про попаданок? Мне домой бы вернуться...

— Ой, как вернуться именно тебе не знаю. Но вижу, что должна справиться ты! Ведь дай-ка угадаю, сюда ты не случайно забрела? Понимаешь, выходит, что делаешь и зачем. Или, — в голосе её сквозит призрак разочарования, — ты из-за золота просто?

— Не просто. Но золото в любом мире пригодиться.

Прямо поверх своей одежды и лиса, Женя надевает платье.

Оно кажется просто в два с половиной раза больше чем нужно. В таком далеко не убежишь в любом случае...

— А ножниц тут нет?

— Боюсь, милочка, если и есть, то где-нибудь под горой всего этого. Так что считай, что нет... Ну да тебе и так пойдёт!

И в этот момент за дверью раздаются шаги.

Арфа вздыхает ещё горестнее:

— Идёт. Жених!

Женя со вздохом подбирая юбку и пытается её подвязать. Выходит так себе.

Боже, она должна ещё и носить эту хламину, чтобы Боб её не раздавил...

Только за этим ведь?

— Блин. Он же не собрался прямо сейчас жениться?

— Собирается, конечно, — отвечает арфа и вдруг пугается: — Боги! Он ведь если церемонию проведёт, ты просто так уже отсюда не спустишься! Женитьба у великанов священна и связывает между собой жениха и невест...

Дверь с грохотом открывается, впуская в пещеру отголоски собачьего лая, что и заглушает последние слова арфы.

— Готова! — радуется Боб, окидывая Женю взглядом. — Что же, идём к алтарю, он вон у той, — указывает пальцем, — стены, где арка бриллиантовая.

Девичьи порванные платья. Они были разбросаны по утрамбованному песчаному полу и развешены на гвоздях, вбитых в крепкие стены. Посередине помещения, на балке под потолком, действительно висела туша кабана, не разделанного ещё, но обезглавленного, и раскачивалась из стороны в сторону.

И уж сколько разного Карсон повидал за свою службу, а это показалось ему жутким сном, который ещё долго не выветрится из сознания.

И только он собирается сделать шаг, чтобы осмотреться, слышит, как кто-то всхлипывает в темноте.

— Эй... — зовёт Карсон негромко, незаметно и медленно, на всякий случай, кладя руку на рукоять кинжала, прикрепленного к поясу.

— Не трогайте меня, — раздаётся в ответ совсем ещё детский голосок, — пожалуйста...

И Карсон осторожно ступает за черту плотной темноты. А оказавшись в ней, отойдя от квадрата света, отбрасываемого дверью, замечает забившуюся в угол исхудалую девчонку с распущенными русыми косами и в грязной простой рубахе.

Он опускается на корточки рядом с ней и как можно более мягко произносит, хотя у самого сердце набатом колотится в ушах от волнения:

— Не бойся, я друг. Я за тобой... Твои родители ищут тебя и ждут. Пойдём? — протягивает ей открытую ладонь. — Всё хорошо.

Но девчонка лишь сильнее вжимается в стену и смотрит на него широко распахнутыми от страха глазами.

— Я не ведьма!

Карсон, не опуская руки, непонимающе хмыкает.

— С чего это ты вдруг?

— Вилли сказал, меня хотят судить за колдовство... Он заманил меня сюда и запер. И сказал, что если сбегу, то теперь он сам меня обвинит. Скажет, что я просто испорченная и помешанная, а он мужчина и ему поверят. И тогда вы придёте за мной, потому что приходите за ведьмами...

— Он обижал тебя?

Она молчит в ответ и, кажется, будто уже не ответит. Но, наконец, отрицательно мотает головой и шепчет:

— Только ударил и пить не давал... А ещё платье моё забрал. И рубаху забрать собирался. Говорил, будто от магии меня очистить может и тогда, возможно, отпустит и не станет обо мне плохие слухи распускать.

— Ничего не понимаю, — бормочет Карсон. — Хотя, нет, одно теперь точно знаю — Вилли душевно болен и опасен... Идём, малышка, забудь всё, что тебе наговорили! Всё будет хорошо...

И он всё-таки выводит её из сарая. Она, то ли натерпевшись страху, то ли выйдя на белый свет и свежий воздух, выглядит ошалелой и не препятствует, даже никак не реагирует, когда Карсон сажает её на Аду.

Они несутся через лес к Жененому дому, но на развилке дорог Карсону всё же приходится помедлить.

Девчонка и без того слаба и напугана, увидит Вилли, и как бы ни случилось беды...

Сначала её нужно отвести хотя бы к ближайшему дому и оставить под присмотром добрых людей.

Так он и делает.

И, не помня себя от злости на Вилли и беспокойства за свою... Да, за свою невесту, Сон сам не замечает, как оказывается возле её дома.

Но не успевает он подъехать ближе и кликнуть хозяйку или её маленькую дочь, не успевает подумать, что странно не заметить здесь Вилли, который должен был явиться сюда первым, Карсон застывает на месте.

Он, запрокинув голову, глядит на толстый, невероятно длинный бобовый стебель, вокруг которого в выси воронкой расходятся облака, и кажется ему, будто он и правда попал в ночной кошмар.

Мать Жени выходит на крыльцо с видом таким, будто готова сбежать. В руках у неё дорожный мешок с вещами. Видимо, сбежать она и хотела...

— Ой, господин Карсон, а мы тут... Мы, это самое... Ух ты, — тянет она, бросая взгляд на стебель, — надо же, чудеса какие! А я и не видела, — нервный смешок, — когда это случи...

Сон перебивает её:

— Женя там, да?

И мать её, тут же принимаясь реветь в голос, не сдерживается:

— Да! Ах, она там! Наверное, сгинула уже давно.

Глава 41. Свадьба

Женя после этих слов, как по команде, начинает бежать. Но не к великану, а от него. За одну из золотых горок.

Правда, длится это не долго. Она путается в юбке и падает. Лоб ошпаривает болью — стукнулась о гранёный кубок. Лис так вообще шмякается рядом, словно авоська с гречкой.

— Надо сначала познакомиться получше! — заявляет Женя, — безуспешно пытаюсь подняться. — Нельзя так сразу!

— А как можно? — будто и не бежал за ней, присаживается рядом великан, вмиг оказавшись перед ней, с интересом её разглядывая.

Отвечает ему арфа:

— Болван! Подарки сначала, романтика, ужин вкусный, ухаживания.

Судя по выражению лица, Боба это озадачивает.

— Зачем? Если и так после свадьбы всё будет. Ещё и детки! Кто не хочет деток?

У Жени едва глаза из орбит не выкатываются. Одной мысли о брачной ночи хватит, чтобы ласты склеить, а он о детях думает...

— Ты хочешь убить свою жену? — всхлипывает она, тормоша Джека и приговаривая шёпотом: «приди же в себя... ты же человек... ну, пожалуйста...».

Но лис снова лишь лижет ей лицо, да виляет хвостом будто пёс.

Боб шумно пыхтит и пальцем чертит что-то в золоте, будто на речном песке.

— Почему убить-то? Кто умирает от детей? Какая-то ты... мрачная! Мне не нравится.

И на этом, будто чтобы сыграть Жене на руку, усилив это впечатление, арфа берёт пару тоскливых аккордов.

В её глазах, потухших из-за Джека, вновь загорается надежда:

— Так, может, правда я тебе какую-нибудь даму навеселе приведу? Ну, весёлую то есть!

— Нет! — он вскакивает и топает ногой, отчего по всей пещере проходится дрожь. — Нет, ты смейся! Веселись. Будь счастлива! Вот, на, — хватает первое попавшееся под руку кольцо и пытается надеть его Жене на шею. — Красиво, да?

— Отпусти! — краснеет она. — Ты меня задушишь... Разве не понимаешь, что ты слишком большой? Никаких детей не получится! Тебе нужна местная девушка... хочешь помогу найти? Может, ты стесняешься?

— Нет, ты нужна, тебя мне сюда прислали, и это будешь ты! — он оставляет попытки её... украсить? Развеселить? И хватает за руку, чтобы притянуть к алтарю. — Начнём церемонию, арфа, играй!

И та, горестно вздохнув, начинает медленно перебирать струнами.

Женя даже не успевает подхватить на руки лиса. Боже, она застрянет здесь, если позволит этому Бобу затащить себя в омут брака. Что же делать?

— Но мне грустно, — торопиться сказать первое, что в голову приходит. — Надо меня веселить. В игры играть. Давай это... в прятки?

— Сначала свадьба! И увидишь, ты будешь счастлива и тут же развеселишься.

Он останавливается у сверкающей арки, за которой находится алтарь из какого-то белого, полупрозрачного камня и, одной рукой держа Женю, второй начинает шарить в кармане своего... Пиджака? Это очень похоже на чёрный пиджак. И, видимо, Боб ищет

кольца.

— Пока придумай, в чём будешь мне клясться, — бросает он Жене. — Такие правила. Но если молчать вздумаешь, я рассержусь. А поженимся мы всё равно. Здесь главное слово за мужчиной!

— А если я откажусь? Голос невесты должен учитываться. Не дам согласие и всё! И поклянусь в том, что никогда не буду твоей, дружок...

— Не-а, — качает головой, — отказаться не можешь. Это не имеет силы, только злит. Вот, — достаёт золотые, тяжёлые кольца. — Нашёл! Они вот силу имеют. Как надену, ты сама уже не снимешь.

Это не игрушки. Жене становится по-настоящему страшно. Кажется, даже страшнее, чем в тот момент, когда она только попала в чужой мир.

Ей нужно вернуться домой! У неё там сестрёнка в детском доме, друзья и вообще вся жизнь...

— Нет, — всхлипывает она, пытаясь вырваться с новой силой. — Нет, отпусти!

Но Боб готовится уже надеть кольцо ей на палец. Кольцо, которое уменьшается до нужного размера, когда приближается к пальчику.

Остаётся лишь миг. Арфа играет всё громче. Музыка будто бы траурная, а не свадебная... Кольцо уже касается кожи...

Но надеть его Боб не успевает, потому что в ладонь его впиваются клыки лиса.

— А ну пуфи дефку! — рычит тот, не разжимая челюстей.

И великан ревёт, принимаясь трясти рукой в попытке сбросить с себя лиса.

— Крыса говорит, говорит и кусается! — невольно отпускает он Женю в этой борьбе.

Она не теряется, в один миг отцепляет от него Джека и пускается наутёк к выходу.

Хоть бы не упасть! Хоть бы не упасть! Хоть бы избавиться от этого... Она думает об этом и... края юбки загораются.

— Вот блин!

— А я? — кричит арфа. — Меня бы бросила здесь?! Откуда... Ты горишь, милочка!

— Чёрт побери, — тьякает Джек, — что здесь вообще происходит?!

На этом великан практически укрывает Женю ладонями, будто ловя бабочку.

— После свадьбы я накажу тебя! — грозитя он.

— Не будет никакой свадьбы! Потушись! — она рычит и огромная волна горячего воздуха уничтожает пламя. Но кроме того ещё и откидывает Женю вместе с великаном назад.

Но Боб на удивление проворно поднимается и вновь хватает её.

Только вот на этот раз подвести Женю к алтарю и надеть на палец кольцо ему мешает разъярённый голос чужака:

— Руки прочь от моей невесты, тварь!

В дверях стоит Карсон. С его чёрных растрепавшихся волос стекают капли дождевой воды. Одежда слегка изорвана, будто у боба были иглы, за которые он цеплялся, поднимаясь наверх.

К слову, Карсон был очень рад тому, что подняться удалось так быстро, ведь он попал как раз на период ещё большего роста стебля. А, значит, его подняло почти до половины пути без особых усилий с его стороны.

Бледный от усталости, волнения и злости, со сверкающими глазами, он держит в руках кинжал. А за спиной его в дверной проём втискиваются две морды гигантского скалящегося

пса...

Женя вскрикивает:

— Обернись!

Если Карсон здесь умрёт, она... Взорвёт. Все. Чёртовы. Облака.

И устроит ливень из великанов!

Но Карсон вместо этого, не глядя, тянет в сторону руку, зажимая кинжал в зубах. И под ладонь его тут же подсовывается одна из морд. Он небрежно гладит и похлопывает пса по чёрному носу и делает шаг вперёд.

А пёс тем временем следует за ним, постепенно перекрывая собой проход, а затем и вовсе занимая добрую часть пещеры.

— Взять его, взять чужака! — ревёт Боб.

Карсон лишь буравит его мрачным, жёстким взглядом. И бросает перед собой огромный ошейник, который держал в другой руке.

— Разве же можно, — вновь перехватывая кинжал, ухмыляется Сон, — такую собаку без выгула, на цепи?

То ли от удивления, то ли ещё отчего, хватка великана слабеет, и Женя вырывается вперёд. Платье успело укоротиться так, чтобы вышло не падать, но уже рядом с Карсоном она всё-таки спотыкается.

— Может, поженитесь здесь, — тут же кричит им арфа, — это засчитается и ему придётся вас отпустить?!

Карсон подхватывает Женю, не позволяя ей упасть, и прижимает к себе.

— Ну, что, — улыбается он, пока Боб пытается осознать происходящее, — ты выйдешь за меня?

Глава 42. Рафаэлка

Она так рада его видеть, так испугалась за него, что не разбирая даже куда конкретно, целует его лицо. Поцелуи, хоть и горячие, но мокрые и солёные от её собственных слёз.

— Да... — произносит, даже не раздумывая. — Я так люблю тебя! Как ты здесь?

— И я тебя люблю, — выдыхает он, тронутый её реакцией, и бросает колкий взгляд на покрасневшего от злости Боба. — Что, великан, съел? Теперь моя она, от алтаря мы недалеко, свидетели есть, поцелуй тоже... — и припадает к Жениным губам.

— А кольцо? — ревет Боб. — Без кольца нельзя!

Карсон не теряет и на этом, достаёт из кармана перстень своей матери, что дала она для его будущей невесты, и надевает Жене на пальчик.

Великан на это реагирует рёвом и несётся к ним. Вот-вот и раздавит обоих всмятку, но Карсон бросает жёсткое: «Взять!», и двуглавый пёс преграждает Бобу путь.

— Хороший мальчик, — произносит Сон с неким сожалением и грустью во взгляде, и тянет Женю за собой к выходу. — Бежим!

Она вцепляется в него, и рада бы просто позволить увести себя, но...

— Подожди, там надо ещё одну девушку спасти... И золото прихватить... И... где Джек?

Карсон останавливается и обводит пещеру взглядом.

— Не знаю... Что за девушка? А на заднем фоне Боб пытается криком и угрозами отогнать со своего пути пса. И Карсон не выдерживает, вздыхая: — Ещё бы малыша спасти... Но его никак ведь с собой не взять...

Женя окидывает двуглавого пса опасливым взглядом.

— Думаешь, ему здесь плохо? Мне кажется тебя, как инквизитора, люди не поймут...

Она тянет его в ту сторону, где «сидит» арфа в золоте.

— Ты права, — кивает Сон, хоть и слышится в его голосе сожаление, и идёт следом.

Арфа ждёт их с нетерпением и от эмоций вновь оборачивается маленькой женщиной и тянет к Жене ручки.

— Я не всегда могу превратиться быстро, скажи мне «играй», и снова стану арфой. Я легче тогда.

Женя кивает и просит Карсона:

— Сгребёшь в мешок? — указывает на драгоценности. Это всё-таки то, что делал в сказке мальчишка. — Играй, — она берёт арфу на руки. — Ты тут лиса не видела? Джек! — зовёт. — Снова стал... животным.

Карсон без вопросов сгребает в мешок всё без разбора.

— Тяжеловато выходит... Сбросим вниз.

Арфа на этом начинает звонко дрожать.

— Только меня бросать не вздумайте! А лис ваш где-то в доме, не здесь. Он за дверь выскользнул, когда твой, — обращается к Жене, — муж явился.

От этого она вздрагивает, бросает взгляд на Карсона, и, слегка покраснев, отходит от него.

— Джек! — зовёт. — Кыс-кыс-кыс! Пора домой!

Он на удивление быстро отзывается и несётся к ней, держа в пасти расшитый золотом

красный пояс. Будто бы от халата. Возможно, Джек обнаружил спальню великана и похозяйничал в ней.

Но как только он подбегает ближе то, будто дурной игривый пёс, бросается в сторону, всем видом своим предлагая Жене поиграть в догонялки.

— Джек! — с отчаянием вскрикивает Женя. — Ты человек, блин! Человек!

Это «вдохновенная речь» не слишком-то меняет ход его мыслей, поэтому приходится поиграть.

Чёрный лис рыкает и бьёт хвостом по земле. С каждым выпадом Жени он всё больше удаляется, всё стремительнее уворачивается.

Наконец, она хватается за пояс, но лис умудряется вырвать его из слабых пальцев едва ли не в тот же миг.

— Чёрт! — Женя останавливается.

Она вспоминает, что уже много раз использовала магию, пусть и неосознанно.

Надо как-то взять её в руки, приучить, приструнить...

Карсон же каким-то образом умудрился сразу перетянуть пса на свою сторону. Чужого огромного двуглавого пса.

Жене надо брать с него пример. Тем более магия принадлежит ей, и едва ли она строптивее цербера...

— Так... Стань человеком! Джек, я не хочу, чтобы ты вырвался из рук, когда мы будем спускаться! Или убежал тогда, когда мы будем на земле... Там же дровосек!

Её передёргивает. Становится страшно и больно за Джека. В теле лиса у него прав ещё меньше, чем у женщин в этом мире, и это просто ужасно...

— Пожалуйста...

Слова начинают чувствоваться как-то по-особому. Будто бы они имеют свой цвет, вес, силу, ощущение... Её просьба мягкая, золотистая, тёплая...

— Джек, обернись человеком! Помнишь каким ты был там, в таверне?

Лис резко останавливается. Так резко, что задние лапы не успевают замедлиться и съезжают вперёд, оказываясь по сторонам от его головы. Но вот он переставляет их и оборачивается к Жене, скаля нахальную пасть:

— Я был там в постели с тобой, детка.

Это отчего-то заставляет Женю разозлиться. Плохая из неё ведьма — он должен быть стать человеком, а в итоге животное и внутри и снаружи!

— Никакая я тебе не детка! Обернись человеком! — это ощущается, как что-то колкое и красное, ярко-красное.

Она этого не видит, но и глаза на мгновение наполняются будто бы вином, а из носа вытекает капля крови.

Джек вдруг вскрикивает, раздаётся оглушительный хлопок, и вот он уже стоит перед ней в полный рост.

Голый...

И смотрит ошалело, боясь поверить своему счастью.

Карсон выходит к ним как раз в этот момент. Они все застывают в как бы прихожей, что выводит на широкое крыльцо заднего двора великана. Мебели почти нет, пол из тёмного дерева, как и стены, кроме одной — она сплошь стекло. И напротив Жени обнажённый включенный небритый мужик...

Карсон выхватывает свой кинжал, делаясь вмиг жёстким и грозным.

— Это Джек! — вскрикивает она. — Это я сделала!

И даже порывается подбежать к нему, но останавливается и отводит взгляд.

— Самое время снять это платье... хоть прикроешься.

Джек её будто не слышит, он ощупывает себя и улыбается так, что становится заметно отсутствие у него одного дальнего зуба.

— Я человек! Я мужчина!

Карсон хмыкает на это и... начинает снимать с Жени то жуткое, свадебное платье.

— Я помогу...

Она смеётся...

— Да уж... мужчина. Я это сделала! Вы видели, господин инквизитор? — улыбается, глядя на Карсона.

Он усмехается, уже совсем по-доброму.

— Видел, моя ведьмочка...

— А теперь ты, — выдыхает она, — снимаешь с меня свадебное платье.

— Так я ведь околдован, — шепчет он в ответ.

— Эй, вы, может пойдём отсюда? — похоже совсем не понимает Джек, зачем они возятся с платьем, прослушав всё, что только можно было. — Сейчас великан явится со своей псиной!

— Эх, — печально вздыхает Карсон.

Когда Женя, наконец, избавляется от уродливого белого балдахина, она швыряет им в Джека.

— Надевай!

Для приличия несколько секунд сдерживается, а затем срывается на смех, взявшись за руку Карсона.

Он же сдерживается до последнего, заразившись её весельем. А Джек так и стоит с платьем в руках и выглядит таким испуганным, будто ему предлагают вновь влезть в лисью шкуру.

— Э-э, прямо взять и надеть? На себя?

— Если тебя не волнуют приличия, — на самом деле и её они не волнуют, лис за это время видел её разных в ракурсах и обстоятельствах, а она вообще его мыла, — то подумай хотя бы о том, что спускаться будет холодно. Давай быстрее.

Она поднимает с пола пояс и подаёт ему.

— Чёрт, — чмыкает он, будто всё ещё до конца не избавившись от лисьих привычек и набрасывает на себя платье. — А что, мне почти впору! Ну, как, велико, но не спадёт, — подвязывается он поясом. И будто красуется, отчего Карсон всё же принимается хохотать.

— Боже, ты похож на Рафаэлку беззубую! — улыбается Женя.

А Джек прячет улыбку.

— Разглядела же, посмотрите-ка на неё!

— Поспешим, — окликает их Карсон, открывая дверь. — Лучше поскорее спуститься, а то как бы великан не пошёл за нами.

Глава 43. Да ничего

Вилли следил за ним с тех пор, как заметил Карсона у своего сарая. Потом, проезжая мимо него — а он не видел и не слышал Сона, просто знал, кожей чувствовал, как тот следит, затаившись в лесу — понял всё. И смирился. Смирился с тем, что отныне ему предстоит сделать — победить Карсона в бою или сбежать.

Вилли адекватно оценивал свои силы. Шанс, пусть и маленький, но шанс на победу у него был. Однако сбежать — вот лучший вариант! Но последовав за Карсоном (хотел узнать, приведёт ли тот помощь и откуда) Вилли понял, что удача сегодня на него стороне.

И вот он дождался пока Сон скроется в небесах. Убедился что он не спускается, а значит, рассудил Вилли, там надолго. И, наконец, вышел из своего укрытия.

Двор Джилл выглядит иначе. Стало более чисто и открыто, что сейчас лесорубу не нравится. Пусть и понимает он, что здесь нет ни прохожих, ни соседей, да и сама мать его невесты, возможно, уже ушла — эту деталь он умудрился упустить, буравя взглядом бобовый стебель. Однако как-то... неуютно.

И Вилли встряхивается, усмехается зло и криво, сгоняя с себя неуверенность, и подходит к стеблю.

Он избавится от Сона! Пусть даже сгинет вместе с ним и Джилл. Останется придумать что делать со спасённой Карсоном девчонкой... Вдруг она уже всем рассказала о том, кем был её похититель?

Ну да ладно, в случае чего слова её некому будет подтвердить и Вилли уж как-нибудь очистит своё имя! Может быть, даже вернётся к первоначальному плану и убедит всех, что девчонка эта душевно больна. Или является ведьмой... С этим сейчас строго. А ему поверят.

Со временем, но поверят! Он... Да и ведь он не хотел её убивать. Остальных тоже. Сам не знает, зачем делала всё это... Ему просто... Просто хотелось и нравилось.

— Это не значит, что у меня нет чувств, — зачем-то произносит он вслух и заносит над стеблем топор.

И по округе разносится глухое и влажное: тук-тук, тук... Тук.

Спускаться назад отчего-то оказывается физически сложнее. Хотя почему «отчего-то»? Причин для этого хоть отбавляй! Взять даже скопившуюся за всё время усталость и стресс. К тому же Женя подозревает, что истощена ещё и магически.

Но — она бросает взгляд на чертыхающегося и плюющего Джека в свадебном платье — зато результат налицо.

Бедному Карсону приходится тащить на себе все сокровища и временами помогать ей, поддерживать, следить, чтобы никто не упал.

В лицо дует ветер. Холодно. Хочется домой. Хотя бы в дом Джилл.

Как же всё-таки хорошо, что у Карсона есть такой огромный авторитет перед собаками. Вот только надолго ли хватит цербера? Им как можно скорее нужно спуститься и уничтожить стебель.

— Бобовый стебель, — говорит она с усталой улыбкой. — А великан — Боб. Символично, не так ли?

— Даже думать не хочу, — усмехается Сон, и всё вглядывается вниз. Ждёт, когда можно

было бы сбросить сумку с золотом, не опасаясь, что оно разлетится на долгие мили вокруг и потеряется.

Как вдруг стебель начинает вибрировать.

— Чёрт, — настораживается Джек, хватаясь за ножку одного из гигантских листьев, — что это? Вы заметили?

Карсон собирается что-то ответить, как стебель начинает наклоняться в одну сторону, медленно, но неуклонно, затем выпрямляется и наклоняться в другую.

— Нехорошо... — шепчет Сон и приближается к Жене, чтобы в случае чего точно успеть её подстраховать. — Давайте быс...

Но его прерывает сотрясающий небеса крик великана:

— Я догоню вас и сброшу вниз!

И дикий лай пса вдогонку к этому.

— Надеюсь, он не сорвётся, попытавшись полезть следом...

Джек в ответ смотрит на Сона дикими, непонимающими глазами:

— Да уж лучше бы сорвался!

Но Сон отмахивается:

— Я ж не про великана!

Жене становится так жаль, что Сон не может оставить пса себе... Ей и вправду не хотелось бы, чтобы это страшилище упало. Да и великана это тоже касается.

— Если он полезет, стебель разве не согнётся? — со страхом спрашивает она. — Надо торопиться...

— Я надеюсь, — отзывается Сон, — что мы раскачиваемся лишь поэтому... Потому что в таком случае, нет, не думаю, что боб не выдержит Боба. Однако, ты права, надо спешить!

Только вот великан спускается куда быстрее их... И вот уже наверху видна сквозь пелену тумана его широкая спина и ноги.

— Моя жена! — кричит он. — Моя!

А Джека передёргивает, он невольно косится на своё платье.

— Надеюсь, он это не про меня...

Женя окидывает его наряд взглядом и шепчет:

— У нас во время войны из таких платьев делали парашюты... Я что-то такое слышала. Но едва ли мы сможем соорудить что-то подобное. Арфа, а у тебя нет идей?

Но она лишь звонко выкрикивает из сумки:

— Бежать! Бежать! Бежать! — и уже великану: — Пупсик, хочешь сыграю тебе напоследок что-нибудь успокаивающее?

Но великан на это ревёт и приближается к ним ещё стремительнее.

— Разорву тебя на части, повыдёргиваю струны, предательница!

И арфа замолкает.

Но когда великан уже почти спустился до них, стебель наклоняется в сторону ещё сильнее и уже не выпрямляется. А с земли доносится странные звуки.

Карсон прислушивается, отвлекаясь от Боба, и бледнеет.

— Кто-то рубит стебель.

Женя чувствует, как страх сдавливает горло и сковывает движения. Нет, нельзя этому поддаваться. Эмоцию нужно использовать себе во благо.

Она шепчет своё желание, и тёплая сила обволакивает всю троицу. И... срывает с бобового стебля, словно созревшие плоды.

Ветер успеваает подхватить крик Джека: «Я не могу погибнуть, как девица в подвенечном платье!», и всё заглушает треск боба.

Стебель падает на землю, словно срубленное тяжёлое дерево, и крушит собой лес и сарайчик, чудом не задевая своими щупальцами-усами дом матери Джилл. Из которого как раз выбегает она и принимается причитать да плакать, уже будто бы не особо боясь Вилли.

— Там ведь моя дочь и её богатый жених! Мы бы так зажили, так зажили! Зачем, что ты натворил, идиот?! Как только посмел здесь топором махать, будто придурок убийца?!

Она бы продолжала ещё долго, не замечая, как подходит он к ней, готовясь ударить тем самым топором, если бы...

Если бы с неба на Вилли не рухнул мужчина. Огромный, мускулистый... красивый.

Мать Джилл даже дышать забыла, как позабыла о всех недавних страхах и о том, что под этим мужчиной едва ли выжил её неудавшийся зять.

На удивление ведьминская сила пугает всех, они будто падают на матрас с высоты своего роста. Правда, сама Женя чувствует себя так, будто потеряла много крови. Подняться сложно, голова кружится, пальцы дрожат, холодно...

— Карсон, — находит она его взглядом, — он тут всех перебьёт... Там маленькая девочка. Надо... спасти.

Но он спешит взять её за плечи и мягко прижать к себе, словно в попытке согреть.

— Глупая ведьма, — выдыхает он в её волосы, — нельзя ведь так силой пользоваться... Но всё будет хорошо!

Он уже собирается подняться и шагнуть навстречу к Бобу, который замечает их и готовится подойти, как вдруг между ними возникает мать Джилл. Со скалкой в руках.

И со всей дури ударяет великана по колену — судя по всему, просто потому что только до него и смогла дотянуться.

— Не сарая теперь, не жениха, ничего! Ещё хочешь и другого жениха убить, тварина ты такая?!

Он замирает, ошалело глядя на зарёванную и разъярённую женщину. А она ещё и требует вдруг, потрясая в воздухе скалкой:

— Отвечай!

— Э-э... Я Боб.

— Вот это, — указывает она на срубленный стебель, из которого выливаются вёдра сока и с шипением впитываются в землю, — был боб, а ты тварь несуразная! Обидел меня, — всхлипывает она, что совсем не вяжется с её недавним поведением и тоном голоса.

— Обидел? — моргает Боб непонимающе. — Я?..

— А кто по-твоему?! Дурдом какой-то, — высмаркивается в грязный платок, и швыряет в великана скалку. — Дурдом! Как жить-то дальше?!

А затем отчего-то оба смотрят друг на друга, затаив дыхание.

Первым сбрасывает с себя оцепенение Боб:

— Это ты...

Мать Джилл воровато озирается и на всякий случай отступает от него на шаг.

— Что, я?

— Жена...

— Не замужем я, — теряется она пуще прежнего.

— А я?

Она окидывает его оценивающим взглядом:

— Ты тоже вряд ли замужем...

— Да нет, я тебе люб?

Она проглатывает подступивший к горлу ком.

— У тебя ж, как понимаю, даже клочка земли нет, ты вон с растения свалился... Но красив, ничего не скажешь, красив.

— Золото у меня и арфа волшебная.

Арфа, услышав это, тяжело и пугливо вздыхает.

— Золото? — начинает игриво улыбаться мать Джилл.

Женя закрывает себе рот, то ли чтобы не засмеяться, то ли чтобы не заплакать...

— Это моя мать! — подаёт она голос. — Ты что меня бросаешь ради моей матери?

— Ты меня бросила, выйдя за этого! — пальцем указывает в Карсона.

А мать Джилл всплещивает руками.

— Ах, прямо замуж?! Ах! — и вдруг выкрикивает, обращаясь к «дочери» — А вот локти теперь кусай! Сразу вижу, у моего то золота много! Твой конечно тоже ничего, — и улыбается Карсону так заискивающе, что становится тошно, — но мой то, глянь, во всём больше! Фух, а я то уж подумала, что вообще всё рухнуло и жизнь кончилась! А вот, не оставили нас небеса, не оставили!

— Ты слышал? — тянет Женя, глядя на великана. — Мы теперь всё равно одна семья, и ты должен быть добр со мной, моей сестрой, моим мужем и моим лисом. Понял?

Тот согласно кивает, пусть и сквозит в этом жесте некое напряжение. Разгадка которому приходит тут же:

— А она сестра тебе? — и недоверчиво глядит на Джека.

— Что? — не сразу понимает Женя. И, бросив взгляд на Джека, сквозь смех отвечает: — Да, конечно! Ну... вторая...

Но лис-Джек-сестра начинает срывать с себя платье и истерично-зло кричать:

— Да мужик я, смотрите, я мужик! Человеческий, чёрт вас поберит, мужик!

Мать Джилл и правда смотрит.

Что не особо нравится Бобу.

— Чужому мужику нет места в моей семье...

— Да я только рад! — в сердцах выкрикивает Джек.

А Карсон тем временем оглядывает вдавленного в землю Вилли, который уже никогда не сможет творить зло...

— Надо же, — бормочет он сам себе, — кара небес настигла...

— Раздавил и не заметил, — винится Боб, замечая это.

— Да ничего, — слишком сдержанно отзывается Сон.

Глава 44. Размер проблемы

Мать Джилл, напевая себе под нос что-то весёлое, собирает пожитки и расхаживает по хижине так гордо, что диву даёшься. А затем, подержав в руках свои нехитрые вещи, вдруг швыряет их и раскидывает ногой, смеясь и будто хвалясь этим перед Женей.

— Ничего брать не буду! Там мне муж подарит и платья, и колечки, и еду, и всё-всё-всё! И зачем я только носилась по дому полдня? Вот я дурная, — смеётся ещё более залиvisto и легко.

Женя в ответ только качает головой и бросается взгляд на печку. Малышка что-то долго спит. Наверное, организм так справляется с пережитым стрессом. Всё-таки у них тут сначала маньяк орудовал, а затем великан с неба упал.

— Ма, — тянет она, — а ты хоть подумала о том самом?

— Ну ещё бы, как не подумать? — смотрит она на Женю, как на глупую. — А что? Карсон твой поди тоже неплох!

— В каком смысле «тоже»? Я о росте твоего Боба! Ты вообще не боишься?

Она-то всерьёз собралась с ним жить на небе! И младшую дочь свою собирается оставить здесь — чтобы не мешала.

— Мм, боюсь ли я его роста? — на этот раз не понимает она.

Женя закатывает глаза.

— Если у него такой рост, то всё остальное тоже, ты это понимаешь?

— Так я тебе о том же, доча! У такого большого просто не может быть, ну, проблема такого характера.

В ответ сложно не рассмеяться.

— Слушай, если честно, мне кажется, что у него есть некоторые комплексы... Но даже если там всё маленькое по их меркам, не факт, что ты сможешь это выносить!

Она ладонями показывает, каких масштабов проблема может ждать неразумную женщину.

Но та лишь передёргивает плечом:

— Запомни, милая, если ты это не сможешь, значит, не сможешь, — начинает она важным проникновенным тоном. — А вот, что смогла, значит смогла и проблемы я в этом не вижу. Ведь смогла, а значит могла. Понимаешь?

Женя хватается за виски и жмурится.

— Нет, совсем не понимаю. Что ты там смогла? У тебя уже такое было?

— Пока ничего, но проверим мы после свадьбы! Когда я золото получу... — подмигивает она «дочери», и вдруг мечтательно вздыхает: — Но по нраву он мне конечно, ах, я уверена, всё хорошо будет! А ты здесь за Аннушкой присматривай, теперь она твоя ответственность!

— Я не понимаю, почему ты такая несерьёзная? Ты бы сразу попросила его показать и всё!

— И лишить себя даже иллюзии счастья?! — возмущается она. — И денег, с которыми в случае чего я бы ушла? А вообще, Джилл, всё у нас будет хорошо! Я буду любить его любим, ясно тебе? И не учи мать! Тоже мне, умная нашлась. Сама вон едва свою жизнь под откос не пустила, а учит меня! Если же завидуешь, то побойся бога! Карсон, он... Эх, мне, признаться,

до сих пор немного жаль, что моим он так и не стал. Но тебе я желаю счастья.

Жени ничего не остаётся, кроме как махнуть на неё рукой. Она с тоской смотрит в окно и проговаривает:

— Только вот помни, что когда ты будешь выбегать из его дома с голой задницей, крича от боли, я тебя отсюда не услышу и не помогу!

Но она смешливо фыркает в ответ:

— Ему в такой же ситуации тоже никто не поможет. Но этого и не будет, вот увидишь! Там, как, вырос новый стебель уже? Я так рада, что у Боба были с собой семена! Я пошла пока, дочка.

— Удачи...

Женя даже не знает, как теперь быть. Никакой Дед Мороз не появляется, ничего не происходит. Это потому что всё пошло не по плану? И что же ей теперь делать?

Тем более когда у неё здесь появилась Аннушка и Карсон.

Но и дома есть те, кто ждут. Хотя бы сестра.

Неужели она её никогда больше не увидит? Теперь Женя жалеет, что отмахивалась от неё, не проводила достаточно времени вместе.

Ребёнок просто подумает, что его бросили. Снова.

— Но тебя бросать нельзя тоже, — подходит она к маленькой девочке.

Глава 45. Выбор

Ведьма открывает дверь, сонно жмурясь и поправляя на ходу распущенные тёмные волосы. Она одета, как всегда, в платье с многочисленными юбками. Только на этот раз на ней ещё и корсет на шнуровке, и длинная зелёная шаль на плечах, кисточки которой касаются пола.

Но сонливость как рукой снимает, когда за дверью она обнаруживает отнюдь не тех, кого ждала в гости.

— Ты? — скорее звонко выдыхает она, чем произносит.

Рыжий колдун, высокий и сгорбленный, что на самом деле совершенно его не портит, смотрит на неё своими колдовскими глазами, и в них пляшут черти. И пляшут они так явственно, до искр и жгучего пламени, что ведьма не выдерживает и опускает глаза. Будто испугавшись. Но... не по плохому. Просто...

Он всегда появляется внезапно, сводит с ума, а затем исчезает бесследно. Надеяться на что-то каждый раз, разве может она? Сам колдун ничего не обещал ей, никогда. А спрашивать у него ведьма не станет, не позволит гордость. Так и будет всякий раз, видимо, чахнуть да вздыхать у окна, как глупая трепетная девица...

От этой мысли заходящееся от нежности и радости сердце начинает закивать от злобы. И это не укрывается от гостя.

— Я немного припозднился... — откашлявшись, начинает он. — Я просто... Дела у меня были. Пустишь в дом? Столько всего могу тебе рассказать!

Но ведьма и не думает давать ему проход.

— Я людей жду, двух сестёр, обещала помочь им. Так что иди, куда шёл, старик!

— Старик, — хмыкает он. — Да разве ж я старик? А вообще, раз так, много времени не отниму у тебя. Сказать хотел только... Знаешь, а я тебя от великана спас...

Ведьма поднимает на него заинтересованный взгляд. Потеплевший взгляд. И рыжий колдун продолжает уже куда увереннее:

— О да, он следил за тобой с небес, паршивец! Поймал меня, когда я обчистить его пытался. И начали торговаться мы с ним и о делах говорить. Так он за свободу мою возьми, да попроси тебя в жёны! А я говорю ему, мол, так и так, занята эта ведьма. Я тебе, говорю, другую приведу...

— Занята? — сощурилась она. — И кем же я вдруг стала занята? Может, мне замуж хочется, не подумал? А у великана и богатства есть, и сила, и дом на облаках.

Колдун замолкает, на мгновение делаясь каким-то растерянным и испуганным. Но лишь на мгновение. Знает, что она это не всерьёз. Но и понимает, к чему такое говорит. А значит...

Значит, нельзя уже юлить и ходить вокруг да около. И он роняет тихое и обречённое, сменяя чертей во взгляде на тепло:

— Мною ты занята...

Она улыбается ему и тянется за поцелуем, становясь на носочки и овивая шею колдуна руками. А затем вдруг отталкивает его и захлопывает дверь, смеясь.

— Иди, а то гостей моих спугнёшь, чучело!

Счастливый, он какое-то время смотрит на закрытую дверь, а затем сдаётся и отходит в

сторону.

Вскоре к ней и правда приходит Женя с малышкой. Та совсем плоха, бледная, с синяками под глазами, с бледными губами и тихим-тихим голосом. Слышишь его и понимаешь, что даже слова отнимают у неё остаток сил.

Ведьма осматривает её долго, варит в котелке травы, поит малышку отварами, жжёт свечи. В комнате начинают плясать колдовские огни и расползаться тени. А когда ведьма заканчивает, то, вздыхая, обращается к Жене:

— Тебе моя помощь уже не нужна, с магией своей ты совладала. Вот та, которая до тебя, вместо тебя была, видимо, сгинула бесследно из-за силы, которую копила внутри и не думала даже развивать. Нельзя к таким вещам относиться, как к данности. Ну да что уже поделаешь... А вот девочке, увы, помощь требуется. Только вот ни я, ни ты помочь ей не сможешь. Не всеильна магия, есть вещи, которые ею не исправишь. И которые травками да настоями не излечишь. Сердце у неё не в порядке. И сама кровь...

Женя хватается за её руку.

— Но как же так? У вас тут великаны, магия, а помочь ребёнку никак нельзя? Лучше бы у вас тут были нормальные врачи... Хотя они есть, — поднимает она взгляд на ведьму. — Есть в моём мире. Но уже не знаю, есть ли способ вернуться!

Ведьма вздыхает и смотрит на неё ласково, с печалью.

— Прости, милая, я правда ничем не могу помочь. Но чувствую, что скоро переменится у тебя что-то... Быть может, всё и сложится лучшим образом. А малышка... она просто слаба, но не страдает. Это тоже должно утешать, разве же нет?

Женя всхлипывает и отходит к Аннушке, которую положили на удобную лавку. Она судорожно пытается что-то придумать, но с каждой минуты надежды в её глазах становится всё меньше.

Как вдруг открывается дверь и по полу проходят клубы холодного, подсвеченного синим пламенем, тумана, а на пороге оказывается фигура Мороза.

— Вот и прошла ты свой путь, — произносит он вместо приветствий. — Попала сюда ты не просто так, а чтобы пройти то, что в мире своём сделать должна была, а не сумела. И ты справилась с этим. А значит можешь вернуться назад. Но если решишь остаться, разрешу тебе это. Выбор за тобой, девочка.

Женя столько всего хотела ему сказать. Она даже обдумывала план, как его поймать, как отомстить!словно маленькая девочка из второсортного рождественского фильма... У неё столько претензий было, столько проклятий! Столько жалости к себе... она ведь даже не актриса. Почему она должна была попасть в эту заварушку?

Теперь ещё до слов Деда Мороза она понимала, зачем. Слишком многое сходилось. Слишком многое ей позволили в этом мире сделать того, что помогло справиться с травмами, что оставил родной мир.

Но всё это неважно. Больше неважно...

— Значит, я всё-таки не испортила сказку?.. — подходит она к нему, заплаканная и уставшая. — Я уже думала о том, чтобы остаться, но... Можно ли отправить девочку в мой мир? Там ей могли бы помочь. Здесь у неё никого нет.

Мороз вздыхает и качает головой:

— Прости, но одну её в чужой мир не отправить, если только возьмёшь с собой. В этом исключение сделать можно. Но помни, что выбор это лишь твой, и ты вправе решить, где жить, с кем и для чего... Ступай во двор, там ждёт тебя проход в твой мир. Захочешь пройти

и девочку с собой взять, просто шагни в него! Захочешь остаться, закрой его, будто дверь.

Женя кивает, вмиг будто лишившись голоса и побледнев.

Всё вроде хорошо закончилось. Злодей наказан, мать Джилл нашла своё счастье, есть золото, есть... Он.

Женя за свою недолгую жизнь видела достаточно, чтобы не верить в любовь. Есть только страсть, временное увлечение, всего лишь химия, выброс гормонов. Но всё это рано или поздно закончится.

И хоть с Карсоном всё было иначе... причин не оставаться рядом с ним слишком много.

И главная, конечно, это брошенные своими глупыми матерями девочки. Девочки, какой Женя когда-то была сама. Потерянные, никому не нужные, бедовые.

Она знает точно, что не сможет оставить сестру. И Аннушку не сможет оставить.

— А... — несмело бросает взгляд на Мороза. — А если я хочу взять с собой кое-кого ещё?

Но тот отрицательно качает головой.

— Малышка и так едва держится в этом мире, и брошенная она, не принадлежащая никому. А тот, кого ты забрать хочешь, разве не принадлежит миру этому? Портал ведь должен будет закрыться. А равновесие нарушать меж мирами нельзя.

— Ясно, — всхлипывает Женя. — Тогда, значит, пора мне вернуться домой...

Мороз кивает ей, улыбается ободряюще и провожает взглядом.

На улице, у кромки леса, сияет нечто похожее на арку заполненную подсвеченной неоновом-голубым светом водой, которая чудом не выливается из неё.

Только вот когда Женя выходит из дома, её за локоть хватают длинные и цепкие пальцы рыжего колдуна. Он, подмигнув Аннушке, которая изрядно перепугалась от его вида, отводит Женю в сторону и что-то шепчет ей на ухо.

— Так что ты уж прости за великана, — улыбается он в конце. — И если напугал сейчас, прости тоже. Просто хотел объясниться напоследок и как-то загладить вину. Не злодей я, честное слово не злодей! Хоть ни о чём и не жалею. И ты не жалея. С твоим появлением у всех здесь жизнь наладилась. Даже у фамильяра твоего, у Джека, всё хорошо. Решил оставить бандитский промысел, к девушке, которую последней спасли, присматривается. Видела бы ты, как она смеялась, когда заметила его в платье в тот день! Он ведь так и пошёл в город, назло, видимо. Не знаю только, назло кому... — хрипло смеётся колдун. — Ну да разболтался я. В добрый путь? — и протягивает ей руку, будто бы для пожатия...

Да, Джек теперь, как оказалось, её оборотень-фамильяр. Она могла бы остаться здесь ведьмой, да ещё и под прикрытием инквизитора, но увы — не судьба.

— В добрый, — выдыхает и пожимает руку.

Она не злится на колдуна. В конце концов, без него многого бы не случилось.

— Ну что, Аннушка, идём в мой мир?

Как ни странно, только в другом мире Женя по-настоящему поняла, что любит Карсона. Да так, как никого не любила. Что скучает до ужаса. И это не просто «выброс эндорфина»...

Но даже если бы она была на все сто уверена тогда, когда её поставили перед выбором, как можно было не спасти Анну?

Женя скучает, грустит, но не жалеет. Лишь надеется, что Карсон сможет найти себе хорошую жену, заведёт ещё псов и вообще... будет в порядке. Что кто-то о нём позаботится.

Кроме этого, конечно, есть ещё кое-какая надежда... но об этом лучше не думать.

Она очнулась в своём теле. Тело Джилл возможно, просто исчезло между мирами, стало светом или прахом. По крайней мере, ей так представляется. Она уже так отвыкла от проколотых ушей, короткой стрижки и современной, да ещё и тёплой одежды! От зимы...

Девочка была рядом. Испуганная и ослабленная. Женя первым делом повела её к врачу. С помощью диких ухищрений получилось выдать её за сестру и обойти вопросы. Благо, они выглядят похоже и кажется одного возраста.

У Аннушки нашли порок сердца и ещё пучок заболеваний. Сделали операцию — прошло удачного. От остального успешно лечат. У врачей хорошие прогнозы. Женя подозревает, что вечное недоедание и в принципе образ жизни сыграл свою роль. Теперь всё должно выправиться.

Она отдала большую часть скопленного на лечение. И теперь взяла академический отпуск, чтобы заработать на приемлемые условия для сразу же двух девочек. Ведь сейчас идёт процесс сбора и оформления документов для опеки над родной сестрой... Которая дует на неё, кстати говоря. Но это всё поправимо.

В общем-то, будни серые, полные работы, волокиты и беготни. Немного магии бы не помешало, но здесь у Жени её нет. Хотя иногда и покалывает странно на кончиках пальцев... Но это может быть что угодно.

В один из дней у неё работа занимает всего несколько часов, а потому она решает вернуться домой раньше и попытаться просто выспаться.

По дороге вспоминает Карсона и Джека. Одного с болезненностью, с танцами огня в сердце, другого с глупой улыбкой на лице.

У них было много маленьких приключений. А финал с белым платьем — что-то с чем-то! Эффектно избавился от чёрной шкурки, ничего не сказать...

Дома же её ожидает сюрприз. Тревожный и неожиданный, но сюрприз. На кухне что-то шкварчит... И слышны шаги, как и чьё-то бормотание.

При этом дверь была замкнута, и жильцов других здесь, кроме Жени, просто нет.

Однако на кухне оказывается не кто-нибудь, а Карсон.

В белом уютном свитере с закатанными рукавами, джинсах и сковородой в руках.

Он улыбается, замечая Женю, и накладывает в тарелки жареную картошку с салом и яичницей.

— Здравствуй, любимая, — произносит так просто, будто это нормально, что он находится здесь.

Однако у самого в глазах плещется пламя.

— Я подумал, зря ты, что ли, на предложение колдуна соглашалась? Что он там у тебя просил, часть магии? Теперь этот плут, видимо, сам будет в этот мир в гости наведываться...

Ну да что ж, не смог я этому препятствовать. Ты ушла даже не успев проститься со мной! Ну не мог я позволить portalу захлопнуться во второй раз. И, вот, — разводит руками, как бы указывая на самого себя, — я здесь. Я... — и проглатывает ком в горле. — Женя, ты ведь не против, что я теперь буду здесь?

Она приваливается к дверному косяку и хватается за сердце.

— Ты... настоящий? Получилось?

Тогда, когда колдун подошёл к ней, он успел предложить сделку. Сказал, что попытается открыть портал между мирами, если Женя отдаст ему часть своей магии. Конечно, она ответила согласием.

Но с тех пор ничего волшебного не случилось, кроме того, что Аннушке стало лучше.

И Женя боялась верить...

До сих пор боится.

Карсон, смеясь, подступает к ней и подхватывает её на руки, обнимая.

— Конечно, я настоящий! И уже немного освоился у тебя. Совсем немного. У меня столько вопросов. Особенно насчёт вот этого, — кивает он на холодильник. — Это тот ледяной маг тебе оставил? Я не уверен, что хочу видеть в нашем жилище чужую магию... Ничего же, — вновь настораживается, — что я сказал «в нашем»?

— Ты теперь... — всё ещё не верит она, — будешь жить со мной?

— Я уже два раза пытаюсь спросить это у тебя, — и Карсон целует её, усадив Женю на кухонный шкафчик.

И, не дожидаясь её ответа, прервав поцелуй, выдыхает:

— Мне кажется, я не смогу уговорить собак... Если ты понимаешь, — обжигает его ладонь её бедро, — о чём я...

— Да, — она обнимает его за шею, ей слишком мало и много его одновременно, слишком много эмоций, — ой, а как же твои псы? А кто тебя одел? Как тебя машина не сбила?

Одновременно хочется спросить его обо всём на свете и хочется... его хочется.

— Я в твоём доме появился... С одеждой... мне сосед помог. Долгая история, — усмехается он.

И целует Женю так, чтобы стало понятно — разговоры их ждут потом, уж точно не сейчас.

— Потом расскажешь... — выдыхает Женя. — Завтра. Или попозже...

— А знаешь, Женя, — Карсон становится спиной к столу и опирается об него, — портал ведь, как я понял, не закроется...

На кухне полумрак, хотя на горизонте и занимается уже рассвет, свет от которого потихоньку просачивается сквозь красные занавески.

Холодильник тихо потрескивает, что постоянно отвлекает Карсона, но и привлекает его. Он не признаётся, но пока это самая интересная для него вещь в новом мире. Но сейчас они на кухне не из-за этого, просто Карсон с Женей так и не спали, и теперь вышли попить водички.

— Напомни, — продолжает он, — что именно тебе сказал в тот раз колдун?

— Что возмёт часть магии и какую-то штуку, которую умудрился украсть у мороза и что-то ещё. И откроет портал. Я тогда ещё подумала — зачем мне моя магия? Терять же всё равно нечего... Хотелось ещё увидеть тебя. А ещё... — она жмурится, пытаясь вспомнить. —

Кажется, он сказал, что хранительницей портала в случае чего мне быть. Я ждала, что он объявится, если всё получится. Но рада, что в первую очередь увидела тебя. Я так... — голос дрожит, — скучала.

— И я скучал, — притягивает он её к себе и целует в волосы. — Видимо, сможем теперь путешествовать из мира в мир... Не скажу, что мне очень нравится это, было бы проще, останься ты со мной... Ну, — улыбается, — или пришлось бы мне быть здесь. Хоть с магией бы связаны не были. А так, похоже, ты всё ещё ведьма. Отчасти, но ведьма. Джек-то, знаешь, твоим фамильяром так и остался. Значит, ты всё ещё магически принадлежишь моему миру. Но пока, — решает он всё же и расслабляется, — пока это даже удобно. И деткам нашим показать два мира сможем, твой и мой. Здорово же, правда?

— Деткам? — она поправляет волосы и только теперь вспоминает, что теперь в другом теле. Пусть и очень похожем. — А ты вообще узнал меня?

— Конечно, — будто удивляется он такому вопросу. — Только что-то изменилось в тебе... Но к лучшему! — тут же спешит заверить. — Волосы, верно? Причёска другая.

— Ну да — и тело! — она со смехом обнимает его и целует. — Даже не знаю, что делать с моей сестрой. Скрывать от неё твой мир или нет?

Женя до сих пор побаивается верить, что сможет ничего не потерять, видеть две стороны одной медали.

— Зачем же скрывать? — улыбается он. — И ей его покажем! И будущим деткам. Я хочу хотя бы пятерых. Ты не против, жена моя?

Женя улыбается.

— Конечно же... против!

Карсон пугается.

— Что? Эм... Значит, троя? — и смотрит с надеждой.

— Мне кажется, это слишком много... Но в любом случае, я не против детей. Просто думать об этом рановато, не находишь? Мне девятнадцать.

— Не сказал бы, что рановато... Но раз они будут, это главное, — успокаивается Сон. — А что, — переводит он взгляд к окну, — у вас снаружи постоянно шумит?

— Машины, — вздыхает она, — но я тебе всё позже объясню... постепенно.

Она представляет, сколько работы ей предстоит и... радуется этому.

Джек больше не боится своих превращений в лису. Охотников поблизости не наблюдается, он специально выбрал дом в отдалении. Охотников на ведьм, тоже... Он всё ещё на землях, ответственность за которые несёт Карсон. Который в случае чего прикроет.

Хотя, какой случай вообще может быть? Джек только и делает, что носится по окрестностям, даже нос не суёт в чужие курятники. Ему вообще до кур дела нет! Мыши — разговор иной...

Как же приятно услышать их характерный шорох, принюхаться, прислушаться, приноровиться и красиво так, забавно прыгнуть на свою добычу!

А ещё слух и зрение. А обоняние! Людям и не снилось такое.

А девочкам он как нравится! Особенно если шёрстка чистая и пушистая. Джек подружился со спасённой девицей и теперь часто лежит на её коленях, позволяя чесать себя за ушком.

Потом, конечно, он отрицает всё это. Всё-таки несолидно ему, бывшему бандиту, взрослому мужчине, так себя вести...

Но вот очередной тёплый красивый денёк, он ждёт в гости Женю с Карсоном, не выдерживает и обращается в лиса.

Замечает иномярнку Джек не сразу, а когда делает это, то так, в виде лиса, и несётся к ней по просёлочной дороге мимо высоких сосен. Несётся, затем спохватывается и обращается в человека, выпрямляясь перед Женей во весь рост буквально в шаге от неё.

И Карсон, досадливо морщась, тут же закрывает своей жене ладонью глаза.

— Постыдился бы, — бросает он Джеку, сдерживаясь, чтобы не рассердиться всерьёз.

— Забыл, что одежда нужна, — чешет тот себя по включенному затылку. — Упс, неловко вышло.

Всю эту картину застаёт ошалелый незнакомец, прискакавший в поисках Карсона...

— Где главный инквизитор? У нас случилось страшно! Пропала принцесса!

Женя вздыхает — кажется, приключения только начинаются!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net